

CIRJE-F-189

**History of the Russian Peasantry
in the 20th Century
volume 1, Tokyo 2002**

Edited by Hiroshi Okuda
The University of Tokyo

January 2003

Discussion Papers are a series of manuscripts in their draft form. They are not intended for circulation or distribution except as indicated by the author. For that reason Discussion Papers may not be reproduced or distributed without the written consent of the author.

History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002

Edited by H. Okuda

Professor, Faculty of Economics, University of Tokyo

Abstract

Doctor I. Koznova, Senior Researcher of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, belonged to the Center for International Research on the Japanese Economy (CIRJE), Faculty of Economics, University of Tokyo as a short-term visitor for the period from 30 October till 7 November 2002, in order to collaborate with Professor H. Okuda on the research of the history of the Russian peasantry in the 20th century. During her stay in Japan, Russian and Japanese specialists, listed below, held the Conference on the history of the Russian Peasantry in the 20th century, which took place on 31 October at Faculty of Economics, University of Tokyo, and on 1-3 November at Fuji Educational House in Susono City, Shizuoka Prefecture. This pamphlet is a collection of all the reports then presented to this Conference.

Russian participants in the Conference were as follows:

Kornilov, Gennadii Egorovich (Senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural division, Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg), author of the article, "Foundation of the Food Security System for the Nation in the First Half of the 20th Century"

Koznova, Irina Evgen'evna (Senior researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), author of the article, "Peasant Memory in 20th century Russia"

Kondrashin, Viktor Viktorovich (Professor, Faculty of History, Penza State Pedagogical University, Penza), author of the article, "Famine in 1932-1933 in the Russian and Foreign Historiography: Some Preliminary Notes"

Japanese participants in the Conference were as follows:

Suzuki, Takeo (Professor, Faculty of Political Science & Economics, University of Waseda, Tokyo)

Matsui, Noriaki (Professor, Faculty of Economics, Public University of Kushiro, Kushiro), author of the article, "In Search of Kolkhoz Statutes of 1956"

Okuda, Hiroshi (Professor, Faculty of Economics, University of Tokyo, Tokyo), author of the article, "Self-taxation in 1928-1933: for the Problem of the Final Stage of the Russian Peasant Community"

Kajikawa, Shin'ichi (Professor, Faculty of Literature, University of Kanazawa, Kanazawa), author of the article, "Book Review: Kondrashin, V. V., *The Peasant Movement in the Volga Region: 1918-1922*"

Yamamura, Rihito (Professor, Institute of Slavic Studies, University of Hokkaido, Sapporo)
Hirooka, Naoko (Part-time instructor, Faculty of Foreign Languages, Tokyo University of Foreign Languages, Tokyo)
Nobe, Kooichi (Senior researcher, Institute of Agricultural Policy, the Japanese Ministry of Agriculture, Forestry and Fishery, Tokyo), author of the article, "Land Reform in Armenia"
Choi, Jaedong (Former Researcher of Faculty of Economics, University of Tokyo, Tokyo), author of the article, "*Nadel* and Private Landownership in Russia during the Stolypin agrarian reform: consolidation, trade, will, inheritance, family division, subdivision"
Hidai, Takeo (Postgraduate Student, Graduate School of Economics, University of Tokyo, Tokyo)

От составителя

Центром международного исследования японской экономики (CIRJE) при экономическом факультете Токийского университета для научного сотрудничества со мной в изучении истории российского крестьянства XX века была приглашена доктор Ирина Евгеньевна Кознова (старший научный сотрудник, Институт философии РАН) в качестве “краткосрочного посетителя” (short-term visitor) сроком с 30 октября по 7 ноября 2002 г.

31 октября на экономическом факультете состоялся семинар, на котором доктор Ирина Кознова выступила с докладом на тему "Крестьянская память в России XX века". В его обсуждении приняли участие многие японские специалисты по российской истории.

Продолжением семинара стала японско-российская конференция, проходившая с 1 по 3 ноября у подножия горы Фудзи, среди участников которой также была доктор Ирина Кознова. На конференции с докладами выступили: доктор Геннадий Егорович Корнилов (главный научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН), доктор Виктор Викторович Кондрашин (профессор, Исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета), Нориаки Мацуи (профессор, Экономический факультет публичного университета Кусиро), Кооити Нобэ (старший научный сотрудник, Институт аграрной политики при министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии), и Чой Жаедонг (бывший научный ассистент Экономического факультета Токийского университета). Синъити Кадзикава (профессор, Филологический факультет государственного университета Каназава) представил вниманию участников конференции рецензию на монографию В. В. Кондрашина “Крестьянское движение в Поволжье в 1918 - 1922 гг.” (М., 2001). В конференции приняли участие Такэо Сузуки (профессор, Политико-экономический факультет университета Васэда), Рихито Ямамура (профессор, Центр славяноведения при университете Хоккайдо), Наоко Хироока (внештатный преподаватель, факультет иностранных языков Токийского университета иностранных языков), Такэо Хидай (докторант, Экономический факультет Токийского университета), также сам составитель.

Таким образом, практически все ведущие японские исследователи российского крестьянства XX века собрались на этой "Фудзи конференции". Следует добавить, что у нас, японских историков, долгое время существовало желание

познакомиться с новым поколением русских историков. Можно с полным основанием говорить о значительном успехе конференции, на которой возникла атмосфера глубокого научного взаимопонимания между всеми ее участниками. Этому способствовало и то, что все выступления с докладами и дискуссии проходили на русском языке.

К сожалению, ряд обстоятельств, включая лингвистические, приводят к тому, что многие научные результаты и разработки японских ученых оказываются практически недоступными для зарубежных исследователей, особенно для российских. Надеемся, что прошедшая конференция и представляемый сборник статей будут способствовать изменению подобного положения в дальнейшем и развитию японско-российского сотрудничества по исследованию истории российского крестьянства XX века.

В настоящий сборник включены все доклады, представленные на конференции, включая и подготовленную для нее статью составителя.*

*Доступ к помещенным здесь докладом можно получить и на сайте: <http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cirje/research/03research02dp.html> , где опубликованы все дискуссионные статьи CIRJE.

Выражаю искреннюю благодарность профессору Кондрашину, доктору Козновой и профессору Корнилову за участие в нашем проекте, а также фонду Эгусы за финансовую помощь.

Ноябрь 2002 г.

Х. Окуда
Профессор экономического факультета
Токийского университета

Содержание

От составителя-----	3
<i>Ирина Кознова</i> Крестьянская память в России XX века-----	7
<i>Г. Е. Корнилов</i> Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века-----	33
<i>В. В. Кондрашин</i> Голод 1932-1933 годов в российской и зарубежной историографии: некоторые предварительные заметки-----	55
<i>Чой Джеадонг</i> Личный надел (Укрепленный надел в личную собственность домохозяев) в России во время Столыпинской аграрной реформы-----	93
<i>Хириси Окуда</i> Самообложение 1928-1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины-----	102
<i>Нориаки Мацуи</i> В поисках уставов колхозов 1956 г. (заметки исследователя)--	123
<i>Коити Нобэ</i> Земельная реформа в Армении-----	134
<i>Синъити Кадзикава</i> Рецензия: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 - 1922 гг.-----	144

Крестьянская память в России XX века

Что такое социальная память?

Исследование памяти отвечает назревшей потребности гуманитарных наук в изучении антропологических оснований исторического процесса.

Тема памяти может служить ярким примером обращения к времени в поиске ответов на актуальные вопросы современности. Что касается памяти крестьянства России, то это - практически неизученная тема, прежде всего применительно к истории XX столетия. Между тем память всегда играла роль своеобразной “закваски” культуры народа.

На всем протяжении XX века интерес к памяти не ослабевает, в XX веке европейская интеллектуальная традиция осмысления и описания феномена памяти, идущая с античности, получила мощный импульс, причем вторая половина столетия отмечена повышенным интересом к памяти (1). Причем, если для западной гуманитарной науки тема памяти являлась “сквозной” в прошлом столетии, а к концу его если не исчерпанной, то по крайней мере “старой” (исследовательский “пик”, особенно прикладного характера, падал на 70-80-е годы), то для российской науки проблема конкретных исследований не только актуальна, но и по-прежнему нова.

В науке сложилось общее представление о том, что, во-первых, память общества, коллективная память находится вне индивидуального уровня; во-вторых, память - это культурная конструкция. Все исследования в области социальной памяти сосредоточены на нескольких задачах. Наиболее общая - определение социальной памяти, при этом веер определений широк, а спектр разнообразен. Далее следует назвать задачу изучения специфики памяти для различных событий или исторических периодов. И, наконец, влияние памяти на социальные, политические и культурные практики. Социальная память рассматривается как наиболее общий способ передачи культурно-исторических ценностей, смыслов, навыков, норм и форм

поведения, социальный опыт человечества. Память изучается как всеобщая универсальная категория культуры, с позиций теории познания, информации. В этом смысле оказываются тождественными понятия “культура” и “память”, то есть культура выступает как социальный опыт или социальная память человечества, или “внегенетическая память коллектива”. Теоретическое осмысление проблем памяти ведется параллельно с конкретными исследованиями. Западные и начавшиеся российские исследования в этом смысле весьма разнообразны и многоаспектны. Изучается социальная память как отдельных исторических и культурных эпох, так и память индивидов и общественных групп.

Память как культурно-исторический феномен не ограничивается представлением общества, личности о своем прошлом, хотя ретроспективная направленность памяти очевидна (и в этом смысле чаще используется понятие “историческая память”). На основе исторических представлений формируется и развивается историческое, этническое и национальное сознание и самосознание. Историческая память - это осознание себя, своего места в истории.

Память - важнейшее средство воспроизводства социума и культуры. Память определяет сознание и поведение индивидов и масс. Обращение к памяти позволяет обозначить их тактики и стратегии, память, перефразируя П.Бурдьё, - это символическая борьба по поводу восприятия социального мира (2). Память самым тесным образом связана с ментальными установками.

Таким образом, говоря о структуре памяти, следует отметить два уровня - событийный (собственно ретроспективная историческая память) и уровень универсальный (сознание и поведение людей).

Память - это не столько воспоминание о прошлом, сколько процесс конструирования прошлого (в том числе - посредством воспоминаний), воображаемое прошлое, образ прошлого. Образ жизни - это тоже память. Иными словами, память - символическое представление о прошлом. Суть памяти - не в возвращении к прошлому, а наоборот, в передвижении прошлого в настоящее. Следовательно, память во многом - настоящее. Так, “формула памяти” по А.Бергсону звучит как “синтез прошлого и настоящего в виду будущего” (3).

Прошлое организовано с помощью памяти по-разному в разных культурах. Память культурно специфична и транслирует культурные способы мышления и опыта, ценности, чувства и пр. В этом смысле заявление, что люди помнят “неправильные вещи” и реконструируют прошлое некорректно фактически абсурдно: даже в том

случае, когда люди лгут или выдумывают истории, они делают это в соответствии с обстоятельствами своей культуры (4).

При изучении исторических модификаций социальной памяти необходимо особо подчеркнуть различие между обществом с преимущественно устной памятью и обществом с преимущественно письменной памятью. В научных исследованиях отмечается, что кроме того, существуют по крайней мере две формы памяти - архаическая, то есть память традиционного общества, и память современного общества (Модерн). Каждая из форм имеет свою структуру, механизм воспроизводства. На смену нерелевантной памяти, памяти-ритуалу, памяти-обычаю, повторению в традиционном обществе приходит специально организованная память воспоминания, реконструкции, продолжения, основанная на индивидуальном восприятии, связанная с индивидуальной биографией, которая отражает социальную мобильность. Различается у них и механизм "преодоления прошлого". У традиционной памяти - это универсальный механизм ритуала, когда прошлое "преодолевается" действием, воспроизведением в настоящем и будущем. В случае с современной памятью дело обстоит иначе: прошлое преодолевается посредством прописывания, продумывания, проговаривания. Память - это способ преодоления боли и страданий, психологическая реабилитация, избавление от страха и ужаса. То, что "забывается", фактически остается непреодоленным. Забвение, таким образом, - это непреодоленное прошлое, боль.

Черты обеих форм памяти обнаруживаются как в прошлом, так и в настоящем - в памяти общества, группы, отдельного человека, и все же можно вести речь о преобладании той или иной формы памяти. Развитие всевозможных средств массовых коммуникаций, а также ускоряющаяся компьютеризация и "интернетизация" позволяет, вероятно, говорить как о новом типе, так и о новой форме памяти, черты и особенности которой, а также характер взаимодействия с другими типами и формами памяти еще предстоит понять и описать.

Память крестьянского мира

Допустимо ли вести речь об особой крестьянской памяти? Важно подчеркнуть: ярко выраженный интерес к памяти возник в европейском обществе именно тогда, когда - особенно в связи с распадом аграрного общества - был нанесен решающий удар традиции. Со становлением современной цивилизации связан закат крестьянской

культуры, по выражению П.Нора - “квинтэссенции коллективной памяти”(5). Именно поэтому крестьянская память обладает некоторыми чертами “всеобщности”.

Специфика крестьянства заключается в том, что у него в наибольшей степени существует потребность в обращении к прошлому. Крестьянство традиционно воспринимает мир в категориях прошлого опыта, и в этом — здравый консерватизм крестьян. Являясь наследием традиционного общества в обществе современном, крестьянство чувствует потребность заручиться поддержкой предков.

Развитие в XX в. крестьяноведческих исследований (peasant studies), или крестьяноведения способствует познанию крестьянских “миров”. В этих исследованиях подчеркивается специфичность крестьянства, его образа жизни и его памяти (6).

Крестьяне - наследие традиционного общества в обществе современном. Антропологическая характеристика крестьянина позволяет рассматривать крестьян как “живое прошлое”.

Изучение крестьянских обществ в разных регионах мира позволило выделить ряд черт, общих для всех крестьян. Это семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская традиционная культура, низшее положение в системе социальной иерархии. Для антропологической характеристики крестьянина важно подчеркнуть единство природного, хозяйственного и социального - подчинение хозяйственно-трудовой деятельности природным ритмам, тесное переплетение хозяйствования с отношениями в семье и с соседями, отсутствие ярко выраженной индивидуальности, преобладание социальных связей личного типа.

Пребывание на низших ступенях социальной иерархии задает особенности правил жизненной игры. Крестьяне прибегают к специфическим тактикам и стратегиям, направленным, прежде всего, на продолжения существования. Крестьянство выработало этику выживания - “моральную экономику” (понятие, введенное Дж.Скоттом), позволяющую удержаться как от природной стихии, так и от давления “сверху”. В способности преодолевать голод и лишения крестьянство не знает себе равных. Крестьянствование - это социальные приемы “жизни вместе” - право каждого на жизнь на основе наличных ресурсов, взаимопомощь и солидарность, общинная поддержка и приемы повседневного сопротивления - волокита, симуляция, воровство и все многочисленное другое, что позволяет избежать прямого столкновения с властями.

В крестьяноведческой литературе анализируются общие принципы функционирования памяти в традиционном крестьянском обществе, рассматривается механизм ее действия.

Развитость среди жителей деревни объединяющей их социальной памяти и способность к совместной духовной практике рассматриваются в литературе как важный признак сохранения и функционирования крестьянства, как важнейшая культурная традиция. Память в крестьянском обществе представляется не просто связью с прошлым, возникает двуединство "прошлого/настоящего" в крестьянской культуре. Среди параметров, на основании которых можно понять глубину и силу социальной памяти, выделяются следующие: осознание сельскими жителями своей крестьянской идентичности; стремление, чтобы их дело было продолжено детьми; ощущение духовной связи с предками и потребность переосмыслить их опыт; ощущение соседства, особой социальной общности (7). Безусловно, значение и действие этих факторов в истории крестьянства меняется, что и может стать предметом специального исследования.

Особое место в жизни крестьянства занимает духовный опыт, связанный с религиозными воззрениями. Вопрос о верованиях русского крестьянства, характере его религиозности, является во многом дискуссионным и требует специального глубокого изучения, в том числе в аспекте социальной памяти (8). Вероятно, речь идет о воспроизведении памятью определенного религиозного опыта и форм его конкретного проявления.

Для крестьянской памяти характерна неразрывность памяти-действия (ритуал) и памяти-образа (воспоминание), в целом преобладании первого над вторым. Специфическая "окрашенность" крестьянской культуры - ее устный характер - также свидетельствует о преобладании репродуктивной памяти у крестьянства. К механизмам передачи памяти могут быть отнесены фольклор, слово стариков (основанное в свою очередь на опыте предшествующих поколений), обычное право. Хозяйствование на земле выражалась в таких овеществленных формах памяти, как межевые знаки, а порой и в весьма своеобразных "зарубках на теле". Житель одного из сел Центрального Черноземья (Воронежская область) вспоминая в 1954 г. свое детство (события начала века), особенно ярко помнил эпизоды раздела земли, и это в подлинном смысле была "память тела": когда делили землю, то на межу водили ребят, секли их там и кормили пряниками, чтобы те запоминали границу раздела (9).

Память в реконструктивной форме в целом крестьянству не свойственна, хотя отдельные регионы (в России - это Европейский Север, Сибирь) или отдельные индивиды выходят за пределы устной памяти.

Но и письменная крестьянская память имеет свои особенности. Крестьянские письменные свидетельства (письма, дневники, воспоминания) демонстрируют существование по крайней мере двух пластов памяти. С одной стороны, сильно влияние коллективной памяти. Как правило, коллективная память бесписьменного общества призвана сохранять сведения о порядке, об обычном, принятом. Памятью традиционного общества сохраняется некоторое число составляющих ее текстов (здесь имеется в виду семиотическое понимание слова "текст"), поэтому она ритуальна по своей сути. Известная формула крестьянской жизни "наши деды и прадеды жили, и мы так будем" перешла и в письменную речь не только не лишившись своей нормативной сути, но и подтвердив ее. В этом смысле характерны, например, крестьянские письма 20-х годов (10).

Ритуальной частью в письме может быть обращение к членам своей семьи. Зачастую основная часть крестьянского письма - это излияние сыновьего почтения, просьба благословения родителей, посыл низкого поклона супруге и благословение детей, пожелание успеха и здоровья. Подобные письма писали с фронта русские солдаты, получая в ответ аналогичные (11). В дневнике - это запись погоды, повторяющихся из года в год событий крестьянского сельскохозяйственного календаря (12). В то же время в письменных обществах запоминанию, как правило, подлежат исключительные события, то есть события единичные или в первый раз случившиеся (13). Поэтому в письмах и дневниках содержится и этот пласт - пласт новостей, событий.

И все же в основе своей крестьянство, даже обладая известным уровнем грамотности, не стремится выразить себя на бумаге (если это только не крик души в адрес власти, например), оно все равно остается "безмолвствующим". Его память выражена в другом - в самой крестьянственности - крестьянской чести и достоинстве, связанных с сохранением образа жизни на земле, в "этике выживания".

XX век и крестьянская память

Необходимость изучения крестьянской памяти была обозначена в российской исторической науке вначале применительно к предшествующим XX веку двум-трем столетиям, главным образом в ракурсе исторической памяти. Анализу подверглись исторические воззрения крестьян, то есть взгляды (носящие даже отрывочный и устный характер), в которых наряду с историческими фактами присутствуют

самооценки роли и места крестьян в историческом процессе и дается их собственное толкование отечественной истории.

В крестьянском обществе традиционно поддерживалась потребность в сохранении исторических корней. Исторические знания и представления составляли неотъемлемую часть системы воспитания, развивали этническое и национальное самосознание, понимание общности исторического прошлого. Они составляли основу социальной памяти, которая помогала крестьянскому социуму осознать себя. Интерес к прошлому определялся прежде всего практическими потребностями повседневной жизни крестьян. Прошлое выступало и своеобразным критерием значимости крестьянства в обществе, особенно в том случае, если нарушалась существовавшая в представлении крестьян система общественных связей.

Основанные на исторической памяти представления крестьянства о себе как кормильце страны включали понятие земли в основное среди составляющих крестьянской идентичности. Историческая память крестьянства, опиравшаяся на традиции, поддерживала его трудовое право и принадлежность к сообществу. Аккумулятором и транслятором социальной памяти крестьянства выступала община, а функцию всеобщей универсальной памяти народа выполнял фольклор.

В ментальной истории крестьянства находили место прежде всего события и личности (народные герои, цари, полководцы), с которыми связывались и ассоциировались вехи крестьянской борьбы за землю и волю, за обретение своих гражданских прав, за преодоление чувства социальной ущербности, наконец, за национальную независимость (14).

Пожалуй, для России XX век в аспекте изучения памяти особенно любопытен и интересен. Общественное развитие России на протяжении последних полутора столетий определялось перемещением огромных масс населения из деревни в город. Большая часть населения России - родом из крестьян. История России в XX веке - это история превращения крестьянина в некрестьянина. Ее невозможно осмыслить без представления о том, что такое русский крестьянин и как он изменился на протяжении прошлого века.

Прежде всего, существуют общецивилизационные основания для изменения крестьянства и его памяти, связанные с урбанизацией. Еще в XIX веке, особенно с его середины, городская культура со всеми своими атрибутами начинает свое активное проникновение в деревню, а само деревенское население столь же активно устремляется в города. XX век отличается большой социальной мобильностью. Все это

не может не влиять на память и ее источники. В России в XX веке крестьянство оказывается на пересечении устной и письменной традиций как противоположных культурных модальностей.

Одновременно формируются новые способы организации памяти, включая государственную систему воспитания и образования; усиливается влияние официальной памяти. Появление сначала массового читателя газет, потом - слушателя радио, затем - кино- и телезрителя, словом - потребителя массовой культуры, неимоверно расширяют возможности манипулирования коллективной памятью.

В XX столетии крестьянская память теряет некоторые присущие ей черты и свойства. Разные составляющие крестьянской памяти - собственно ретроспективный, исторический компонент памяти, поведенческий и ценностный компоненты - продемонстрировали разную степень затухания и сохранения.

Для XX века характерен - и крестьянство не является здесь исключением - разрыв межпоколенных связей, хотя он не абсолютен. Опыт жизни, социальная практика предшествующих поколений, особенно старшего, не всегда оказывается убедительным и безусловным для последующих поколений (это фиксировалось, в частности, историко-этнографическими материалами 20-х и 50-х годов). В значительной степени утерянным во второй половине XX в. оказался такой чрезвычайно важный регистр крестьянской памяти как ритуал, особенно в сфере сельскохозяйственных работ, некогда выступавший способом воспроизводства крестьянского образа жизни во всей его полноте. В значительной степени редуцированной оказалась вся религиозно-обрядовая жизнь; правда, более полно сохранили свое значение свадебный и похоронный обряды как способ поддержания связи разных поколений.

Необходимо отметить и общероссийский контекст: вступив в XX век единоличным, индивидуальным хозяином, крестьянство вскоре стало коллективизированным, а в конце века оказалось перед бытийным выбором.

В российском крестьяноведении в последнее десятилетие весьма активно разрабатывается проблема исторической преемственности крестьянства в разные периоды его истории: дореволюционной и послереволюционной, советской и постсоветской. Сложилось представление о неправомерности полного противопоставления крестьянства советского времени дореволюционному крестьянству, о присущей им общности черт и генетической связи. Вместе с тем, исследователями отмечается определенная доля условности применения понятия "крестьянство" по отношению к колхозно-совхозному работнику на земле (15).

Тема памяти по сути позволяет соединить конкретное, событийное и универсальное в истории крестьянства. Если что-то нарушается в крестьянстве, подвергается коррозии и сама память. Но поскольку память — явление глубинное, социальная память — своего рода наследственная информация; по ней реконструируется и сам объект, крестьянство. Память, таким образом - маркер изменений в крестьянстве.

Важно подчеркнуть, что проблема памяти - проблема конкретно-историческая, поколенческая и региональная. К исследованию памяти возможны различные подходы. Так, возможно изучение того, как отразился в памяти российского крестьянства XX век, какие события и явления оказываются значимыми и оставляют заметный след в памяти (или не оставляют - и это тоже проблема), какие - забываются. Вполне правомерен и другой подход: выделение важнейших событий XX века с целью понять, каким образом они сохранились в памяти, какой след оставили, как память о них связана с социальными представлениями крестьян.

Исследователь, изучающий социокультурные варианты памяти, сталкивается с целым рядом проблем, касающихся источниковой базы исследований. Это прежде всего проблемы характера, отбора, представительности, сопоставимости источников и методики их изучения.

Источниками памяти крестьянства являются песни и частушки, предания и сказания, анекдоты и слухи; обычаи и обряды; материальная культура, включая жилище, утварь, скот, инвентарь; сама среда обитания. Поэтому исследователи памяти крестьян (а по XIX вв. - практически исключительно) опираются прежде всего на памятники фольклора и этнографические описания. Письменных источников, исходящих из самой крестьянской среды, немного. И все же наряду с документами коллективного происхождения (нашедшими отражение в более раннее время - в челобитных, прошениях, приговорах, затем - в наказах, жалобах, ходатайствах), в крестьянской среде развиваются документы личного происхождения — дневники, письма, воспоминания, биографические и автобиографические описания.

Исследование памяти русского крестьянства Европейского Центра России, предпринятое автором статьи, опирается на архивные материалы - крестьянские письма, воспоминания, жалобы в органы власти (Российский государственный архив социально-политической истории - РГАСПИ; Государственный архив Российской Федерации - ГАРФ; Российский государственный архив экономики - РГАЭ), материалы историко-этнографических и социологических обследований, находящиеся в фондах

Научного архива Института этнологии и антропологии РАН (Научный архив ИЭА РАН), в фондах Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), личные наблюдения автора, принимавшего участие в исследованиях деревни Европейского центра России в 1990-е годы, а также опубликованные крестьянские свидетельства (устные рассказы, воспоминания, семейные истории, дневники). Эти свидетельства - результат работы историков, социологов, этнологов, фольклористов в деревнях России в 20-90-е годы XX в. Особое значение имеют документы архива российского-британского социологического проекта "Социальная структура советского села", осуществленного по специально разработанной методике в 20 селах восьми регионов России в 1990-1993 гг. (руководитель - проф. Теодор Шанин). Было записано более 130 семейных историй, несколько из них уже опубликованы (16).

Источники социальной памяти представлены неравномерно по отдельным периодам истории крестьянства в XX веке и по основным их типам, поэтому встает вопрос о сопоставимости информации, которая в них содержится. Социальная память функционирует, имея в виду некий идеал, эталон представлений о должном. Эти представления в крестьянском обществе обычно более устойчивы, чем в посткрестьянском или вообще некрестьянском обществе.

Возможно ли сведение жизненных переживаний, построенных на разных основаниях в сколько-нибудь единую обобщающую картину? Беремся предположить, что возможно. Вопрос о социальной памяти крестьянства - другая сторона проблемы того, как крестьяне "конструируют" мир, как и какую они воспроизводят картину мира. К числу общих доминант крестьянской памяти относятся такие, как земля, семья, общность, власть. У крестьян и картина мирного времени, и войны имеет собственное измерение. Социальная память "работает" на воспроизведение крестьянских черт, своего рода кода "крестьянственности". С помощью социальной памяти сохраняются основные, "базовые" ценности крестьянского образа жизни. Имея основание в личном, индивидуальном, социальная память не просто сумма индивидуальных, коллективная память - надиндивидуальна. Вместе с тем, индивидуальная память способна вбирать в себя коллективную. Индивидуальные свидетельства ничуть не меньше взятых в совокупности способны продемонстрировать возможности и пределы памяти - коллективной и индивидуальной. С этих позиций и могут оцениваться различные источники социальной памяти крестьян.

Крестьянская память и XX век

У крестьянства в XX веке - собственное историческое время.

В современных исследованиях отмечается, что изучение того, как группы помнят и утверждают на поле битвы за власть и культуру, является, возможно, центральной проблемой исторической памяти (17).

И применительно к XX столетию крестьянство склонно расставлять вехи времени сообразно с собственными представлениями. “Крестьянское” время, во-первых, тесно связано с народным календарем, ядром которого является православие. Во-вторых, с судьбой крестьянского хозяйства и общины, а затем – колхозного двора и общественного хозяйства. В-третьих, с сытой или голодной жизнью. В-четвертых, с добрыми или суровыми властителями. В-пятых, с войнами, особенно – со Второй мировой войной. Крестьянство оперирует и конкретными датами, хотя чаще всего эти даты значимы для небольшого круга людей - конкретной крестьянской семьи. Правда, в XX столетии память редко опускается глубже самого XX века (в отдельных случаях - глубже XIX века). Уже в нем самом крестьяне черпают основную информацию, он является основным ресурсом их памяти.

Внимание крестьян фокусируется прежде всего на том, что близко и понятно. Это не значит, что нет места героическому или эпическому в сознании (память о войне - предмет особого разговора), но повседневная тема преобладает в памяти, в том числе и в памяти о войне.

За небольшим исключением, крестьяне помнят количество земли, приходящейся на душу, размеры семейных наделов, посевные площади и урожайность разных культур - как в своих, так и в хозяйствах помещиков. Необычайно прочна память о лошади - с ней во многом связано благосостояние семьи. Помнятся даты рождения или покупки лошади, покупные и продажные цены. “Как сегодня это помню” - с этим признанием колхозника, сделанным тридцать лет спустя после вынужденной продажи лошади мог согласиться каждый крестьянин. Помнится не только то, что связывает крестьянина с его сообществом, но и то, что связывает его с внешним миром и позволяет ему судить о нем. Эти два мира оказываются довольно тесно переплетенными в крестьянской памяти. Цены на сельскохозяйственную и фабричную продукцию; расценки за те или иные виды работ; размеры уплачиваемых

податей и налогов; количество сваренного пива и заготавливаемого на свадьбы спиртного и съестного - все это держит цепкая крестьянская память.

Земля - основное понятие в структуре крестьянской идентичности. Земля всегда сохраняла значение культурного капитала, именно с ней была связана целостная система религиозно-нравственных представлений и заповедей (18). Историческая память крестьян о земле имеет два уровня, два пласта, тесно связанных между собой: земля выступала как метафорическое понятие, определяющее самосознание крестьянства, и как тот материальный объект, без которого хозяйство и сама жизнь невозможны. В аграрной революции начала века права крестьян на землю были облечены в емкую и четкую формулу: “Земля наша окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий”. В качестве исторического аргумента крестьяне использовали и понятие “затраты труда”, причем в совершенно разных ситуациях: ими крестьяне обосновывали и необходимость сохранения общины и переделов, и напротив, необходимость перехода к подворному владению (19). Это демонстрирует амбивалентность памяти, доказывает, что историческая память - явление сложное, с одной стороны, сохраняющее глубинное, архетипическое, а с другой - чрезвычайно подвижное и ситуативное. Сформировавшееся у крестьянства в конце XIX в. понятие о пролитой за землю крови (в добавление к физическому труду) как основе права на землю, а также принадлежавшее “испокон веков” крестьянству место как “кормильца и фундамента государства” сохраняло свое звучание и в 20-е годы, и позже (20).

Независимо от того, к началу, середине или концу века относятся свидетельства памяти, крестьянский XX век - это дедовское, отцовское или свое хозяйство. Сильна память о стремлении крестьянской семьи выбиться из нужды, подняться, удержаться на определенном уровне (среднем или более желаемом - зажиточном). История семьи может быть рассмотрена как социокультурный фактор зажиточности. Семейные истории позволяют представить, как с помощью памяти транслируется система ценностей крестьянской семьи, куда входят и представления об уровне хозяйственной состоятельности, которые пронизывают все стороны жизни. Каждое последующее поколение семьи, с одной стороны, стремится поддержать уровень, достигнутый предыдущими поколениями, но явно стремится и приумножить его, не выходя, впрочем, за некие установленные негласно нормы. Так индивидуальная память выражает коллективную память сообщества (21).

Еще одно направление памяти крестьянства связано с особенностями социально-психологической атмосферы XX века. Этот век как никакой другой в

значительной степени “обогастил” крестьян огромным отрицательным опытом, деформировавшим его психику. В исследованиях по России отмечается негативное влияние войн на сознание и поведение народных масс, подчеркивается, что “война выдала индульгенцию революционному насилию” (22). Эта атмосфера повлияла на события аграрной революции конца 1917 - начала 1918 г.: в памяти крестьян, например, сохранились многочисленные факты эскалации насилия в деревне (грабеж помещичьих имений, крепких крестьян) после прихода солдат с фронта. С другой стороны, форма, в какой сообщества отвечают на конфликт, определяется тем, как это сообщество отвечало на конфликт в прошлом. Крестьянство вело себя в аграрной революции в традициях крестьянского сопротивления (так было и в 1905 г., и раньше). Но война, несомненно стимулировала подобные действия.

Память об аграрной революции первых двух десятилетий века сохраняется не только, пока живы ее непосредственные участники и свидетели, но пока существует потребность в ее опыте. Память о событиях аграрной революции - память о торжестве справедливости в крестьянской интерпретации, о былой крестьянской общности и солидарности (так, подобная память в деревне Центрального Черноземья на рубеже 50-60-х гг. стала реакцией на распад традиционного крестьянского сообщества). Поэтому такое событие, как Октябрь 1917 г., активно пропагандируемый “большой” - письменной и устной - традицией на протяжении нескольких десятилетий, хотя и присутствовало в памяти тех поколений, на долю которых она пришлась, находилось *в ряду* событий аграрной революции. Таким образом, крестьянская память об аграрной революции - это память сопротивления.

С течением исторического времени другие события начинают приобретать свою значимость в жизни крестьянского сообщества, и прежде всего - коллективизация.

Пожалуй, главное отличие крестьянской памяти XX века - в фиксации нарастания, сгущения переломных моментов в жизни деревни. XIX век тоже был переломным для деревни, но он сохранил индивидуальное крестьянское хозяйство и общину. XX век в этом смысле - иной. В целом в XX веке крестьянская память отметила в качестве переломных этапов жизни деревни три: создание колхозов; наступление на личные подсобные хозяйства в 40-50-е годы, а также укрупнение колхозов; деколлективизацию начала 90-х годов. О переломных моментах в своей жизни крестьяне вспоминают в терминах потери, они стали водоразделом крестьянской жизни, и в философии крестьянского бытия прежде всего ассоциируется со злом и несправедливостью (23). Понятие “переломный” идентично понятию “разрушительный”: разрушалось и само

крестьянское индивидуальное хозяйство (или его подобие - крестьянский колхозный двор), и крестьянская общность. Это - память жертвы.

Особое место в памяти крестьянства занимает память о войнах и особенно - о Второй мировой войне. Затронем лишь несколько аспектов. Память о Второй мировой войне может быть понята в контексте памяти о колхозной действительности. Война стала не просто важнейшей жизненной вехой, война стала водоразделом жизни (“до войны - после войны”). Она же стала рубежом и в колхозной жизни. Память о войне - всегда рядом, “бок о бок” с памятью о доколхозном и колхозном периоде истории крестьянства.

Память о колхозном прошлом противоречива. С одной стороны, коллективизация нанесла удар крестьянству. Существующие свидетельства памяти самого старшего поколения крестьян, родившегося в первой четверти XX в. позволяют представить масштабы насилия над ним в ходе коллективизации. С другой стороны, память именно этого поколения рисует довоенное колхозное прошлое как время по-своему счастливое и гармоничное, потому что тогда еще сохранялись крестьянские ценности и нормы жизни, некоторые традиции и обычаи трудового и праздничного цикла (24).

Когда ведется речь о коллективизации и колхозном прошлом, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, потомков крепких, некогда раскулаченных крестьян в современной деревне осталось немного (особенно это относится к Европейской России); их потомков скорее можно встретить в городах. Во-вторых, многим сельчанам советская власть изменила жизнь не в худшую сторону, по их мнению. Среди тех, кто сейчас живет в селе - немало потомков бедноты, активистов раскулачивания и прочих акций. Еще не все темные стороны той поры могут быть освещены.

Несмотря на жесткое давление системы на колхозы и крестьянские подворья в войну, для коллективной памяти характерно представление, что “нельзя было иначе, не было бы колхозов, не накормили бы фронт”; “поодиночке солдат разве накормишь” (25). За послевоенные мирные десятилетия колхоз действительно стал традицией советской деревни, и память это ярко высветила.

Одна из самых болезненных тем памяти о Второй мировой войне - тема “война и колхозы”. Как известно, во время войны и после нее в центральной России усиленно курсировали слухи о возврате к единоличному хозяйствованию. Старые фронтовики вспоминали, как солдаты в окопах говорили о затаенном (время нового “слушного

часа”): после войны колхозы распускают, а землю поделают. Примерно с 1942 г. информационные сводки ЦК ВКП(б) начинают фиксировать как массовое явление рост настроений в пользу роспуска колхозов. Анतिकолхозные настроения были сильны и в первые послевоенные годы (26). Не вдаваясь подробно в особенности немецкой аграрной политики на той или иной оккупированной территории, отметим, что она, казалось бы, должна была оставить глубокий след в памяти крестьян.

Однако, доступные нам источники не позволяют прийти к такому выводу. Существуют по сути отдельные, как бы мимоходом брошенные фразы типа “колхоз восстановили сразу, как немец ушел”, “сначала жили ничего, пока немец был, тогда что посеешь, то и пожнешь...” (27). В оккупации людей спасло то, что они успели набрать колхозного зерна на свои подворья. Кто-то просто вспоминал подобный факт, кто-то оправдывался. Война ломала прежние представления и моральные нормы.

На наш взгляд, память “о колхозах при немцах” приобретает характер “неудобной памяти”. Возможно, это тот случай, когда, казалось бы - при всей разнице подходов - официальная и крестьянская точки зрения на события совпали. Что мы имеем в виду? Власти необходимо было, чтобы крестьяне не афишировали своего неприятия колхозов. Крестьянам было необходимо не афишировать этого тоже. Такая память практичным крестьянам не очень выгодна. Лакуна в памяти - не только результат давления официальной памяти. Почему так запала в память коллективизация? Потому что крестьянство стремилось выступить в ней в роли жертвы. Хотя долгое время крестьянская память о коллективизации расходилась с официальной версией этих событий, все же со временем о ней стало возможным говорить более открыто, и именно в этом ключе. С военным периодом, видимо, дело обстоит сложнее.

“Умение” крестьян адаптироваться к самым неблагоприятным условиям жизни и есть “оружие слабых”, проявления которого многообразны. Можно ли подобное отношение и поведение распространять на новую власть, если речь шла о времени оккупации? В определенном смысле - да. Это не значит, что непременно все крестьянство ожидало прихода гитлеровцев как избавителей от советской власти и колхозного строя.

И все же семейные истории демонстрируют способы приспособления крестьян к любой власти. Это не было коллаборационизмом в прямом смысле этого слова. Это было обычное состояние крестьянского сообщества наблюдать со стороны схватку двух внешних сил. В социологии оно называется по-разному: “тотальное двоедушие”, “социально-экономическое оборотничество” (28). Именно поэтому крестьяне -

“неудобный класс” (определение Т.Шанина): неуклюжий, непонятный, “посторонний” класс, он систематически в стороне, “в сторонке”, на обочине магистральных (или объявленных таковыми) социальных процессов. Он - чужой всему, по крайней мере тому, что исходит от города, от цивилизованности. Он - хитроватый наблюдатель всего этого внешнего ему мира (хотя и страдает от ударов этого мира). “Потом наши пришли, и тех, которые с немцами работали, поубивали. До войны тоже, пока колхозы устанавливали, наши наших убивали - как траву косили” , - констатировала псковская крестьянка (запись 1975 г.) (29). Война продемонстрировала прежде всего различные тактики убегания, сокрытия. Это было бегство от “небытия”, угрозы голода и смерти.

Оправданием крестьянам служит то, что, “своя” власть тоже “не жаловала” деревню, что на деревню и в войну, и после войны обрушился тяжелый пресс.

Значит, крестьяне не были патриотами?

Высокие слова о патриотизме крестьянами (может быть, за исключением потомков сельских активистов или их самих) не произносятся. Но они постоянно говорят о цене победы, которую заплатила деревня. И цена в представлении крестьян непомерно высока. В крестьянских воспоминаниях постоянно подчеркивается, как обезлюдела деревня в результате войны, сколько сильных и крепких мужиков погибло (напомним, что эта же тема всегда шла основным рефреном в фольклорных произведениях), как изменилась сама атмосфера сельской жизни. Что касается оккупированной территории, то буквальное вгрызание в землю, “служение земле” как выражение чувства долга и ответственности, как своеобразная “религиозно-этическая задача”, если пользоваться выражением отца Сергия Булгакова , сбережение своих детей, сохранение жизни не есть ли лучшее доказательство патриотизма? И что как не патриотизм проявляли крестьяне, когда спасали, прятали советских воинов, проявляя крестьянскую смекалку и изворотливость.

Одна из самых устойчивых составляющих памяти - тема еды и голода. XX век давал очень много, фигурально выражаясь, “пищи” для того, чтобы память на голодные и неголодные годы, на еду вообще была цепкой. Отсюда - закрепление соответствующих поведенческих стереотипов, память на все, что относится к науке “выживать”. Структура “вселенной имен” крестьянства такова, что личные имена руководителей партии и государства становятся символами крестьянского благополучия или, напротив, крестьянских бед. Достаточно привести несколько одновременных свидетельств: “Был Николай хоть дурачок, да фунтовая булка была пятачок, а когда стал Совет, то ни черта нет”, “Пришел Маленков - поели блинков”,

"При Брежневe народ не голодовал , и цены низкие были". Здесь критерии оценки разных времен "самые крестьянские": "сытно - голодно". Даже память о знаменитой крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева имеет этот аспект. Вот, например, какие песни были записаны фольклористами на Урале в 30-40-е годы: " Нас пугали Пугачем, А нам было нипочем. Был когда-то он, пошел, Собирали ему стол. Нас пугали, нас стращали, Что придет-де Пугачев И накормит нас кониной, Не вареной, а сырой, - А не булкой, калачом. Нас пугали калачом..." (1936); "Нас пугали Пугачем, - Он накормит нас калачом. Государь нас бил с плеча, Пугач дал нам калача. Вот пришел Емельюшка, Его пришла неделюшка. Гольтыба тут догадалась, К Емельяну собиралась, - Позабыли про иконы, Про кресты и про поклоны. Все пельмени да блины, Веселились ту-то мы..." (1949) (30). Несомненно, имеет значение, *в какие годы* сохранилась актуальная память о калачах.

Крестьянское представление о XX в. становится зачастую простым сравнением по принципу "раньше-теперь". При этом можно отметить условность и подвижность временных границ (в том числе в отношении колхозного периода в жизни деревни). В крестьянской истории XX века неоднократно повторяются "раньше и теперь": "до революции — после революции", "до колхозов — колхозная жизнь", "до войны — после войны", "до укрупнения — после", "до рынка — сейчас". Прошлое противопоставляется современности и выражает представления об изменившейся жизни и системе ценностей. Поэтому оценка "раньше", так же, как и "теперь" имеет и позитивный, и негативный смысл, в зависимости от критериев, по которым оно оценивается.

Так, для одних крестьян "раньше", до первой мировой войны может представляться временем благополучия и довольства. Напротив, для других, например, безземельных и малоземельных крестьян, вынужденных "раньше" работать по найму в экономиях, "теперь", в первые послереволюционные годы, носит позитивный оттенок, ассоциируется с полученной землей. Действия же продотрядов вызывают негативную оценку "теперь". Точно также и в 20-е годы, и позже сохраняется двойственность оценок. Для одних нэповская деревня - это " культурно-просветительный рай", для других - неимоверно выросшие по сравнению с довоенным временем цены и налоги, душасщее крестьянина "теперь". Для одних колхозное строительство озарено пафосом созидания новой жизни, а все, что было "раньше" (в доколхозной деревне, в дореволюционной деревне, вообще в старое время, включающее время крепостного

права - границы “раньше” расширяются) - темно и убого. Для других “теперь” - это “второе крепостное право”, а “раньше” - доколхозное единоличество.

Характерным для традиционного сознания является отражение в памяти представлений о жизни на уровне бинарных оппозиций - добро/зло. В конечном счете в памяти крестьянства сформировалось представление о времени “хорошей жизни” - “раньше”. “Хорошо жить” в крестьянском понимании - производное от “хорошо работать”; богатство неразрывно связывалось с трудолюбием. “Хорошо жить” – это также находится в относительной независимости от власти, установить с ней приемлемые отношения. “Раньше” - синоним крестьянской жизни со всеми ее атрибутами: прочностью, устойчивостью, порядком, системой иерархии. Отношение к земле - один из основных критериев, по которому крестьяне в XX в. проводят сравнение по шкале “раньше-теперь”. По мере приближения к сегодняшнему дню границы “раньше” постепенно расширяются: в его орбиту включается и колхозное прошлое (примерно до начала 60-х годов), потому что и тогда еще сохранялись крестьянские ценности и нормы.

Изучение возможностей памяти как ресурса реформационных процессов в аграрном секторе постсоветского периода показало, что в деревне Центральной России отмечается стремление найти собственные пути самоорганизации, исходя из своего опыта и системы ценностей. Сильное влияние на память крестьян оказывает уже колхозная традиция. Память способна определять возможные пределы укрупнения и разукрупнения общественных хозяйств. Со сменой поколений в деревне начинает активно действовать временной рубеж “до укрупнения колхозов - после укрупнения”. Наконец, современность, оцененная крестьянами военного и послевоенных поколений, завершает движение маятника памяти и останавливает его в точке недавнего “застойного” прошлого как символа благополучного “раньше” (31).

В XX в. заметна следующая тенденция: актуализация прошлого опыта у крестьянства идет с учетом его отношений с властью разного уровня, отношения “власть/крестьянство” включаются в орбиту крестьянской памяти. Они имеют постоянную нишу в крестьянской памяти, на многие, если не сказать - на все события своей истории в XX в. (и прежней) - крестьянство смотрит с позиций этих отношений. Они же могут быть интерпретированы и как отношения “деревня/город” (образ города в крестьянской памяти - специальная тема, но здесь есть и много общего).

Память официальная и память неофициальная существовала во все времена. В принципе устная традиция народной культуры позволяла ей быть в какой-то степени

независимой от официальной памяти, хотя царская власть, например, делала немало для того, чтобы влияние официальной памяти на народ усиливалось. К тому власть не жаловала народную память, сохранявшую свидетельства о своих народных защитниках. Правда, в народе присутствовал пиитет перед верховной властью и ее наиболее выдающимися представителями, что нашло отражение в фольклоре. Новая власть вполне решительно вторгалась в память стихийную - коллективную и индивидуальную, стремясь подмять ее под себя. И хотя советское крестьянство по-прежнему сохраняло в памяти уважение к власти, в XX в. стала заметной и явственной другая линия, наложившая отпечаток на его память. Высшая власть удаивалась и уничижительного, и панибратского отношения. Те или иные события крестьянской истории оказались персонифицированными в памяти. Фольклорная память о власти в XX в. хотя и уступила место памяти реальной, но не была вытеснена окончательно, а последняя не избежала мифологизации.

Напомним, что оценка “раньше”, так же, как и “теперь” имеет и позитивный, и негативный смысл, в зависимости от критериев, по которым оно оценивается. Критерием могли быть и отношения “крестьяне/власть” (точнее, характер этих отношений на шкале - “добро/зло”, “справедливо/несправедливо”)

Какое бы крупное событие XX века ни возникало в памяти крестьян, каждое из них “окрашено” отношениями “власть/крестьянство”. В свою очередь каждое из них - будь то революция 1905-1907 гг., Первая мировая война, коллективизация, Вторая мировая война - неоднократно возникают в памяти как актуализация опыта отношений с властью, причем - негативного.

Позитивный опыт отношений “крестьянство-власть” в XX веке весьма невелик и очерчивается в крестьянской памяти сравнительно небольшим отрезком времени, когда аграрная политика 60-80-х годов пыталась восполнить материальные, человеческие, экологические, нравственные потери деревни. Именно этот период оказался способным повергнуть крестьянство в “соблазн ностальгии” - попыткой вернуться в конструируемое мифологизированное прошлое. “Власть сама жила, и давала жить другим” - вот примерная мотивация обращенности в то время из времени нынешнего. Память о недавнем благополучном прошлом концентрируется на том, что в нем было то, чего явно недостает сегодня. Если обобщить, система ценностей, представленных в ответах крестьян преимущественно старшего и среднего поколения центральных регионов России (исследования 1990-х годов) может быть выражена следующими категориями: “надежность, стабильность, порядок, уверенность, защищенность,

законность, обеспеченность, дешевизна, патриотизм, относительная свобода, гордость за страну, духовность”.

Подводя некоторые итоги

Что же мы обнаруживаем в крестьянской памяти применительно к XX столетию?

Крестьянская память - память коллективная. Воспоминания отдельных крестьян как проявление памяти относятся к их личному, собственному опыту, но некоторые темы таким образом возникают в воспоминаниях, что могут быть интерпретированы как часть разделяемой коллективно социальной памяти. Многие тексты (устные в большей степени, чем письменные) перекликаются друг с другом, сходны и темами, и образами. В этом проявляется и традиционность коллективного сознания крестьян, и сконцентрированность их на мотивах общей судьбы. В разные исторические периоды мотивы общей судьбы имеют конкретное выражение. Так, длительное время крестьянская память была сосредоточена на борьбе крестьян за землю, но в дореволюционное время подобная память служила аргументом для подтверждения крестьянских прав на землю, в то время как в 20-е годы права на землю стали синонимом прав на власть. Во второй половине XX века темами крестьянской памяти стали раскулачивание, репрессии, война, голод, неоплачиваемый труд, бесправие, пьянство, духовное, культурное и нравственное оскудение.

Крестьянской памяти свойственна цикличность. Она проявляется в следующем.

Во-первых, нерасчлененность крестьянского бытия, единство природного и социального, “неисчерпаемость” (выражение А.В.Гордона) крестьянской памяти, наслаивание одних ее пластов на другие, затрудняют выделение четко выраженных границ у составляющих крестьянской памяти. Это особенно ярко проявилось в совмещении разных типов времени, в постоянном выстраивании оппозиции “раньше”-“теперь”, в условности и подвижности временных границ. Так, земля - основное понятие в структуре крестьянской идентичности. С землей связаны все формы крестьянской памяти: память=действие (ритуал) и память=воспоминание. Земля объединяет другие компоненты памяти, присущие разным поколениям крестьян в XX в. (семья, сельская общность). Но зачастую память крестьян о земле - это и память о власти, а память о власти - это одновременно и память о сельской общности.

Во-вторых, в определенном смысле память становится “вневременной”: отдельные крестьянские свидетельства могут быть “изъяты” из “своего временного пространства” и “перенесены” в другое в пределах все того же XX века. Актуализация прошлого у крестьянства своеобразна. Крестьянин не столько отыскивает в прошлом факты и события, “нужные” ему “сегодня”, сколько исходит из позиции: как было тогда, в стародавние времена, у прадедов, у предков, так должно быть и сейчас.

Однако смена крестьянских поколений на фоне значительных социальных изменений приводит к тому, что память являет разные стародавние времена. Для значительной части крестьян, вступивших в активную жизнь в первой половине XX века, “добрым старым временем” было время существования единоличного крестьянского хозяйства. Для поколений, активная производственная деятельность которых пришлась на вторую половину XX века, временем предпочтения стала так называемая “эпоха застоя”, “брежневское время” - 70-е - начало 80-х годов

И все же у крестьянской памяти в XX веке существует важный оттенок.

В свое время А.Бергсон замечал, что всегда есть несколько преобладающих воспоминаний, ярких точек, вокруг которых остальные образуют неопределенную туманность. Эти яркие точки умножаются по мере расширения памяти: “Процесс локализации воспоминаний в прошлом, например, вовсе не заключается в том, чтобы рыться в массе воспоминаний, как в мешке и вытаскивать оттуда все более сближенные воспоминания” (32). Необходим некий ожидаемый образ, на который будут “нанизаны” другие воспоминания. Рассуждения Бергсона очень удачны для характеристики памяти крестьянства в XX веке. На первый план в ней выносятся все, что связано с давлением властей и попыткам крестьян противостоять этому давлению, “науке” выживать.

Чрезвычайно сильна в XX веке “память тела” - это память о физической боли, наказаниях и ранах, память об одежде и еде. Страх, боязнь, память о психологической боли, об издевательствах и унижениях - все это сохранялось как модель поведения людей. В XX веке развился травмирующий опыт крестьянства. То, что крестьяне помнили о своих столкновениях с властью, с ее представителями, с теми, кто стоял выше их в системе социальной иерархии - яркое подтверждение тому, что конфликты памяти наиболее остры в тех обществах, в которых наиболее глубоко внедрены “памяти о конфликтах”. Причем конфликты памяти “крестьянство-власть” - одни из самых острых в XX столетии.

Изучая различные крестьянские свидетельства памяти, можно обнаружить, что они удивительно сходятся в одном. XX век предстает в памяти действительно

"веком-волкодавом" (по образному выражению Осипа Манделштама), как время, которое несло угрозу крестьянскому образу жизни. Этому жестокому веку крестьянство противопоставляет испытанную "этику выживания" - "моральную экономику" и "оружие слабых", самые живучие и неподвластные ни времени, ни общественной системе собственные социальные приемы "жизни вместе" (взаимопомощь, поддержка, разделение труда, ограничения) и способы неявного, скрытого, имплицитного повседневного сопротивления городу, власти, тем, кто претендует на урезание крестьянского "общего пирога". Приемы выживания сообществ разнообразны и многолики. И именно об этом, о собственном умении выжить, "прожить жизнь" с целью ее ежедневного возобновления - наиболее сильна память. Но в этом - и сила самой памяти, передающей следующим поколениям все крестьянские знания, умения и навыки, способы воспроизводства жизни.

Не вызывает сомнений, что исследование памяти крестьянства в XX столетии необходимо продолжить. Уже говорилось о том, что к исследованию памяти возможны различные подходы. По-прежнему сохраняет свою актуальность собственно исторический аспект: сохранность в памяти событий, явлений, исторических фигур XX века. В аспекте изучения памяти как универсальной категории культуры важно рассмотрение следующих сюжетов: память как актуализация прошлого; коллективная и индивидуальная память; организованная и спонтанная память; память и забвение; священность памяти/десакрализация памяти; память и "преодоление прошлого".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бергсон А. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Пер. с фр. СПб., 1911; Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1993; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994; Роговин М.С. Философские проблемы теории памяти. М., 1966; Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма//Одиссей. Человек в истории. 2001.М., 2001 С.176-198; Assmann J. Das kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in frihen Hochkulturen. Munich, 1992; Cancik H, Mohr H. Erinnerung/ Gedachtnis //Handbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe. Stuttgart, Berlin, Cologne, 1990. Bd2. S.299-323; Confino A. The nation as a local metaphor: Wurttemberg, imperial Germany, and national memory, 1871-1918. Chapel Hill: University of North

- Carolina Press. 1997; Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. P., 1925; Idem. The Collective Memory. N.-Y., 1980; Historical Perspectives on Memory. Ed. By Anne Ollila. Helsinki, 1999; Le Goff J. Geschichte und Gedachtnis / Aus dem Franz, von Hartfelder. Frankfurt a Ì.- N.-Y.- P., 1992; Les liuex de memoire. Sous la direction de Pierre Nora. 7 vols. Paris, 1984-1992; Nerone J. Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P.89-104; Rusen J. Die Zukunft der Vergangenheit//idem. Zerbrechende Zeit. Uber den Sinn der Geschichte. Cologne, 2001; Schleifman N. The Uses of Memory: The Russian Province in Search of Its Past // Russia at a Crossroads. History, Memory and Political Practice. Ed. By Nurit Schleifman. Frank Cass. L.; Portland, Or. 1998. P.7-32 etc.
2. Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Пер. Н. А. Шматко. М., 1994. С. 192-194, 199-200.
 3. Бергсон А. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Пер. с фр. СПб., 1911. С.65, 107, 238, 240, 258.
 4. См. об этом: Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. Пер. с англ. - М., 1997. С.75-86.
 5. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. // History and Memory in African-American Culture. Ed. by G.Fabre and R.O'Meally. New York, Oxford, 1994. P.292.
 6. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник.1997. Под ред. В.П.Данилова и Т.Шанина. М.,1997. С.21-51; Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 45-58; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж.Скотт, Т.Шанин, О.Фадеева и др. Под ред. Т.Шанина, А.Никулина, В.Данилова. М., 2002; Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М., 1991; Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Сост. Т.Шанин. М.,1992. С. 8-20; Scott J.C. Moral economy of the Peasant. New Haven; L., 1976.
 7. См.: Гордон А.В. Крестьянство Востока. С.56-57.
 8. См. об этом: Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С.530-540; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С.102-110; Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // В кн.: Крестьяноведение. Теория. История.

- Современность. Ежегодник. 1997. Под ред. В.Данилова, Т.Шанина. М.,1997. С.84-107; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Пер. с англ. М., 2001. С. 229-240; Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Пер. с англ. Отв. Ред. А.В.Лубский, В.Н.Рябцев. Ростов-на-Дону, 1994. С.52-59.
9. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф.464. Оп.1. Д.1. Л.83 об.
 10. См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.857, 858; Оп.85. Д.19; РГАЭ. Ф.396. Оп. 2. Д.23; Оп. 5. Д.3, 210, 212; Оп.9. Д. 1, 20, 44, 59, 109, 121, 128 и др.
 11. См.: Зензинов В.М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939-1940 г. Нью-Йорк, 1944.
 12. См., например: Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А.Плотникова. Омск, 1995; Дневник тотемского крестьянина А.А.Замараева. 1906-1922 годы. М., 1995; На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915-1931 годы. М., 1997 и др.
 13. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3т. Таллинн, 1992. Т.1. С.103. См также: Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С.27-28.
 14. Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.,1992; Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — 1-я половина XIX в. М., 1991; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Учебное пособие. Новосибирск, 1989; Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999.
 15. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996-1999 // Под ред. В.Данилова, Т.Шанина. М.,1996-1999; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) Материалы международной конференции. М., 1996; См. также материалы семинара “Современные концепции аграрного развития”, опубликованные в журнале “Отечественная история” за 1990-е годы.
 16. См. подробнее: Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.

17. History and Memory in African-American Culture. Ed. by G.Fabre and R.O'Meally. New York, Oxford. Oxford univ.press, 1994. P.52.
18. См.: Земельный вопрос /Е.С.Строев, С.А.Никольский, В.И.Кирюшин и др. Под ред. Е.С.Строева. М.,1999. С.202-208; Кузнецов С.В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М.,1995.
19. См.: Земельный вопрос. С.209-210.
20. См.: Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.,2001; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг./ Отв. Ред. А.К.Соколов. М.,1997; Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. Сост. Е.М.Ковалев. М., 1996; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001; Коллектив колхозников. Социально- психологическое исследование. Под ред. В.Н.Колбановского. Рук. Авт. Колл. И.Т.Левыкин. М., 1970; Опыт историко-социологического изучения села "Молдино". М.,1968; Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.,1958 и др.
21. См.: Кознова И.Е. Зажиточное хозяйство 1920-х годов в памяти российского крестьянства (по свидетельствам конца XX в.) // В кн.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С.410-425.
22. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С.109; Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907 --- 1917-1922. Пер. с англ. М., 1997. С.299.
23. См. как рассматривалась аналогичная проблема на примере памяти кхмерских крестьян о режиме Пол Пота в статье Uimonen P. Responces to Revolutionary Change. A study of Social Memory in Khmer Village// Folk. Kobenhaven. 1996. Vol. 38. P.31-52.
24. См.: Бердинских В.А. Народ на войне. Киров, 1996; Гончарова А.В. Русский фольклор о Великой Отечественной войне. Калинин, 1985; Память огненных лет. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кн.3. Деревня в годы войны. Орехово-Зуево, 1997; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публ. Е.Н.Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып.1. М.,1991.С.118-145.
25. Бердинских В.А. Народ на войне. С.29, 31, 91, 220-221, 228-230, 231-232, 234, 238, 246, 269 и др. Память огненных лет. С.65. См. также С.67, 73-82; Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья. Автор-составитель Г.Н.Мелехова. М., 1993.

- С.70-75; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 118, 123, 127, 130, 144; Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) // Архив российско-британского проекта "Социальная структура советского села" CD-ROM.TVER. His 1 trnt, His 2 grom; TAMBEL, His 2 zagr, His 2 siz, His 3 afvs; YUG. His 2 resh. SARATOV. Kartsar3.
26. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С.62-63.
 27. См.: Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) // Архив российско-британского проекта "Социальная структура советского села" CD-ROM.
 28. См.: Виноградский В. Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России // В кн.: Неформальная экономика. Россия и мир/ Под ред. Теодора Шанина. М., 1999. С.173-182.
 29. 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С.124.
 30. Чагин Г.Н. . История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. С.82-83.
 31. См. об этом: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середины 80-х - 90-е годы XX столетия) / Е.С.Строев, С.А.Никольский, В.И.Кирюшин и др. Под ред. Е.С.Строева. М., 2001. С. 157-216.
 32. Бергсон А. Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Пер. с фр. СПб., 1911. С.182-183.

Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века

Страны мирового сообщества к концу XX века осознали угрозу глобального продовольственного кризиса и создали систему международных организаций, программ и мероприятий по обеспечению продовольственной безопасности. В 1996 г. была создана Всемирная торговая организация (ВТО), ставшая преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле, членами её стали 120 стран. Четыре десятилетия действует в рамках ФАО ООН Мировая продовольственная программа, по которой оказана продовольственная помощь 120 странам, создан Международный продовольственный резерв ООН.

Россия пассивно созерцала мировой бум вокруг продовольственной безопасности, не решаясь определить свою государственную стратегию между принятием условий ВТО и вступлением в эту организацию, сохранением импортной интервенции со стороны международных продовольственных пиратов и самообеспечением страны.

Однако в последние годы в стране началось обсуждение проблем продовольственной безопасности, что и активизировало исторические исследования, особенно по изучению возможностей продовольственного обеспечения населения индустриально развитых территорий. Такие исследования целесообразно осуществлять в историко-экономическом плане, отслеживая положительный и отрицательный опыт в решении проблемы продовольствия [1].

Продовольственная безопасность общества на всех уровнях его организации: государство, регион, социальная группа, домохозяйство, семья – сложноструктурируемая тема. Достижение определенного уровня безопасности, в том числе и продовольственной, было всегда основной задачей общества в целом и конкретного индивида, ибо в основе этого лежит инстинкт самосохранения, на котором базируется вся человеческая деятельность. На разных этапах своего развития и организации общество формировало специфические механизмы и правила обеспечения минимума удовлетворения

жизненно важных потребностей в пище. Уровень продовольственного обеспечения, его структура и механизмы находились в прямой зависимости от развития сельскохозяйственного производства, перерабатывающих отраслей, торговли, а также сложившихся в обществе традиций потребления.

В России и ее регионах вплоть до конца XIX – начала XX вв. обеспечение необходимого уровня продовольственной безопасности регулировалось с помощью традиций в рамках общины и натурального хозяйства. Государство выполняло функции организации военной безопасности и лишь в крайних случаях вмешивалось в процесс перераспределения продуктов между социальными группами и слоями общества. Формирование основных запасов и резервов осуществлялось домохозяйством, общиной, эти функции возлагались также и на помещика. Уровень сельскохозяйственного производства и неразвитость товарно-обменных операций обеспечивали только минимум потребления, сравнительно простую структуру питания, отражавшую местные условия жизни, национальные и религиозные особенности.

Модернизационные процессы, развитие капиталистических отношений кардинальным образом меняют условия существования человека, прежде всего на место изолированных замкнутых форм существования приходит открытое подвижное общество, в котором вследствие развития рыночных отношений происходит смешение этнических, социальных слоев и складывается интегрированное общество, характеризуемое общепринятыми нормами и структурой потребления, изменяется механизм обеспечения продовольственной безопасности. На этом этапе все большую роль начинают играть государство и различные социальные институты, которые выступают как факторы организации производства и распределения производственных ресурсов. Важнейшим инструментом продовольственного обеспечения становится рынок, который через систему ценообразования, спроса-предложения влияет на формирование необходимых запасов и уровня потребления. Вместе с тем продолжают существовать расхождения в структуре и нормах потребления в зависимости от социальной принадлежности и уровня дохода. На начальных стадиях развития капитализма рыночный механизм не исключал недоедания и голод различных социальных групп и слоев общества. Структурная организация продовольственной системы России и функционирование ее отдельных элементов: производство продовольственной продукции, создание

продовольственных запасов (резервов), распределение и потребление подверглись в конце XIX – начале XX вв. существенным изменениям.

Первая реорганизация была инициирована Министерством внутренних дел в связи с последствиями небывалого по масштабам голода 1891 г. Голод охватил 20 восточных губерний черноземной зоны с 40-миллионным крестьянским населением. В 1892 г. был принят «Устав об обеспечении народного продовольствия» [2]. Правящие круги признали его несовершенным и для его пересмотра 18 февраля 1893 г. Александр III утвердил Особую комиссию. В итоге ее семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. [3].

В соответствии с «Временными правилами» заведование делом народного продовольствия, находившееся ранее в ведении земских учреждений, передавалось в местные по крестьянским делам учреждения - Уездные съезды и Губернские присутствия по продовольственным делам. Попечение и общее руководство продовольственным делом возлагалось на губернаторов.

Уездный съезд состоял из председателя, административного присутствия (в состав входили все члены уездной Земской управы) и канцелярии. Уездные съезды оказались не в силах поднять продовольственное обеспечение сельских обывателей на новый качественный уровень, поскольку не имели для этого достаточных средств и статистического аппарата. Поэтому Министерство внутренних дел специальным циркуляром возложило часть функций по обеспечению народного продовольствия на крестьянские учреждения [4].

Таким образом, меры помощи сельскому населению на случаи неурожаев и голода стали законодательно регулироваться и осуществляться в общегосударственном масштабе. Они сводились к двум основным направлениям: накопление продовольственных средств в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду и частью в безвозвратное пособие в периоды неурожаев и других бедствий. Продовольственные средства составлялись из общественных натуральных запасов и местных капиталов, из общегосударственного капитала, предназначенного для чрезвычайных случаев, когда местные средства оказывались недостаточными для удовлетворения потребностей населения в продовольствии и семенах.

Основным средством обеспечения продовольственных и семенных нужд сельского населения служили общественные натуральные запасы (хлебные запасы). Они рассчитывались по числу наличных душ из всех возрастов, входивших в состав сельских обществ, и закладывались в размере не выше 4 пудов зерна на душу. Ежегодно с крестьян взимался сбор в количестве 0,5 пуда хлеба с души до тех пор, пока полное количество хлеба не поступало в хлебозапасные магазины. Род хлеба определялся губернским присутствием, но две трети запаса должны были состоять из хлеба годного для питания. Хлебные запасы расходовались лишь на продовольственные и семенные нужды сельских обществ, к которым они принадлежали. Устройство и поддержание запасных магазинов, которые создавались для хранения хлебных запасов, в исправности составляло обязательную для всех членов сельских обществ повинность, порядок отбывания которой определялся приговорами обществ.

Согласно действовавшему законодательству, помощь пострадавшему от неурожая населению предоставлялась в виде ссуд, а в некоторых указанных в законе случаях и в виде безвозвратных пособий. Ссуду могли дать при недостатке средств пропитания и семенами для посева, при неимении дополнительных заработков. Ссуды выдавались в основном хлебом, выдача денежных сумм допускалась в незначительных размерах. Продовольственные и семенные ссуды, выданные из хлебозапасных магазинов и общественных капиталов, а также губернского и общегосударственного капиталов, возвращались в сроки не более трех лет, причем ссуды из запасных магазинов возвращались зерном, а из продовольственных капиталов деньгами. Право на получение ссуд, прежде всего, признавалось за малолетними, стариками, нетрудоспособными, женщинами и, наконец, мужчинами рабочего возраста при отсутствии дополнительного заработка. Продовольственная норма была определена в размере одного пуда на взрослого и пол пуда на ребенка до 5 лет. На удовлетворение нужды расходовались прежде всего местные средства, но по мере их истощения привлекался общегосударственный продовольственный капитал. Помимо ссуд из продовольственных капиталов выделялись самым нуждавшимся безвозвратные хлебные пособия.

Кроме этого в момент обострения нужды земские учреждения старались разнообразить продовольственную помощь путем выдачи не только хлеба, но горячей пищи, а иногда и денег, для предупреждения возможных эпидемий

организовывалась особая врачебно-питательная помощь. Помимо продовольственной помощи земства практиковали и другие меры, расширяя фронт борьбы с бедствием путем организации общественных работ, покупки скота и кормов для него.

Таким образом в начале XX века начали складываться общегосударственная и региональная системы продовольственной безопасности. Как они функционировали рассмотрим на материалах Уральского региона. В начале XX в. на Урале в силу природно-климатических условий наблюдалась регулярность неурожаев – 1901, 1906, 1911 гг. Массовые голодовки, которые обычно были следствием неурожаев, в регионе в данный период не наблюдались. Примером борьбы с последствиями неурожая могут быть события 1911 года. В этот год от неурожая хлебов пострадали почти все уезды Пермской губернии. Особенно большой недобор хлебов был в Ирбитском, Камышловском и Шадринском уездах, в юго-восточной части Екатеринбургского, южной части Осинского, западной части Чердынского и почти на всей территории Оханского уезда. Яровые и озимые хлеба погибли частично от летней засухи, частью от продолжительного ненастья. Средняя урожайность хлебов по губернии в 1911 г. составила 28 пудов с десятины, что в два раза ниже, чем средняя урожайность за десять предшествовавших лет [5].

Осенью 1911 г., когда определились признаки неурожая, власти Пермской губернии постарались принять меры по недопущению голода. Было выяснено, что удовлетворить нужды населения местными средствами не удастся, были сделаны запросы на привлечение губернского и общеимперского капиталов. По мере расходования местных средств с сентября 1911 г. стал привлекаться продовольственный губернский, а затем и общегосударственный капитал в Шадринском уезде, с декабря – в Екатеринбургском, Камышловском, Оханском, с января 1912 г. – в Соликамском.

Для поддержания сельского населения в местностях, пострадавших от неурожая, были организованы общественные работы по устройству проселочных дорог и мостов, по постройке железнодорожных путей. На врачебно-питательную помощь и организацию завтраков в школьных столовых губернскими властями было выделено 240 тыс. рублей, на безвозвратные пособия для неимущих – 2046 пудов хлеба. Немалую роль сыграла благотворительная помощь, оказываемая Пироговским обществом врачей,

Обществом Красного Креста, кредитными и сберегательными товариществами в виде предоставления нуждающимся горячей пищи, безвозмездной денежной помощи, кредитов и ссуд [6]. Предпринятые меры помогли избежать страшного голода в губернии.

Таким образом, в начале XX века государство попыталось создать систему относительно стабильного продовольственного обеспечения сельского населения. Созданная система была несовершенной и не могла в полной мере устранить последствия неурожаев, так как наличные средства борьбы с бедствием оказывались в резком несоответствии с размерами самой нужды. Несмотря на существовавшие бюрократические формальности в порядке оказания помощи голодающим, земские и крестьянские продовольственные учреждения оказывали весьма существенную и своевременную продовольственную и финансовую поддержку пострадавшему от неурожаев и голода сельскому населению, добываясь в крайних случаях безвозвратных ссуд из губернского и общеимперского продовольственного капитала. Благотворительная помощь нередко дополняла их действия. Благодаря предпринимаемым мерам сельское население в регионе избегало голодной смерти и восстанавливало хозяйство.

Если меры помощи сельскому населению на случаи неурожаев и голода законодательно регулировались и осуществлялись в общегосударственном масштабе, то для городского населения формирование государственных продовольственных запасов и капиталов не предусматривалось. Это обстоятельство, на наш взгляд, сыграло роковую роль в годы Первой мировой войны.

Россия вступила в войну, имея лишь государственные продовольственные запасы для армии в объеме, необходимом на период мобилизации войск и первые боевые операции. Снабжение армии и городского населения целиком зависело от текущего сельскохозяйственного производства. Опасность такого положения стала очевидной для правительства лишь в начале 1915 г. С целью объединения продовольственного дела в едином государственном центре, 16 марта 1915 г. создается Главный продовольственный комитет [7]. С этого времени начинает проводиться политика государственного регулирования продовольственного снабжения. Для согласования действий продовольственных учреждений при Главном

продовольственном комитете 22 августа 1915 г. создается Особое совещание по продовольствию [8]. Особое совещание формально являлось совещательным органом, но фактически его председатель (министр земледелия) и уполномоченные на местах (губернаторы) обладали широкими полномочиями при заготовке и доставке продовольствия и фуража для армии. 9 сентября 1916 г. постановлением министра земледелия вводятся твердые цены на зерно и муку для закупок и заготовок, осуществляемых по распоряжению правительства. За этим последовал совместный циркуляр министра земледелия и Главного уполномоченного по снабжению армии от 17 сентября 1916 г., который окончательно возложил задачу обеспечения не только армии, но и населения тыла на председателя Особого совещания, Главноуполномоченного по снабжению армии и губернаторов на местах. Однако эти меры оказались неадекватными сложившейся ситуации, так как при нарастающей инфляции и сокращении рынка потребительских товаров, держатели хлеба отказывались продавать его по твердым ценам.

В годы Первой мировой войны была остановлена организационная перестройка сельского хозяйства Урала, но это не оказало сколько-нибудь существенного негативного влияния на хлебопроизводящую отрасль. В Пермской губернии в 1915 и 1916 гг. наблюдалось увеличение посевных площадей и, вместе с тем, хлебной продукции вследствие повышения цен на зерно и его массовой поставки в армию. В конце 1916 г. создалась ситуация, когда при наличии многомиллионных запасов хлеба в деревне, городское население оказалось на грани недоедания и голода.

В этих условиях правительство делает попытку ввести либеральную хлебную разверстку. 29 ноября 1916 г. министр земледелия А.А.Риттих подписал постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» [9]. Проведение разверстки было поручено местным продовольственным органам. Однако эта мера подвергалась массовому бойкоту, что в совокупности с расстройством транспорта, с безответственностью чиновников дезорганизовали продовольственное снабжение. Все нарастающий продовольственный кризис революционизировал массы. Ко времени февральской революции наладить систему продовольственного обеспечения царскому правительству так и не удалось. Между тем, ключевое звено этой системы – сельскохозяйственное

производство оказалось самым жизнеспособным в условиях нараставшего экономического кризиса. От резкого экономического потрясения деревню предохраняли такие действия властей как: прекращение продажи спиртных напитков, выдача казенных пособий семьям призванных в армию, выгодные условия реализации сельскохозяйственных продуктов. Но эти же действия привели к дефициту бюджета. Ускорение темпов инфляции, безудержный рост цен заставили крестьян задерживать реализацию продовольствия.

Сформированное 2 марта 1917 г. Временное правительство, осуществляя курс хлебной монополии и твердых цен, производит спешную реорганизацию продовольственной системы. На базе чиновничьего аппарата Особого совещания создается Общегосударственный продовольственный комитет. 25 марта 1917 г. Временное правительство принимает закон «О передаче хлеба в распоряжение государства, о твердых ценах и о местных продовольственных органах» [10]. Для проведения политики хлебной монополии на местах формировались волостные, уездные и губернские продовольственные комитеты. Был уничтожен институт земских начальников, их обязанности передавались уездным комиссарам. Все хлебозапасные магазины переходили в ведение местных продовольственных комитетов.

Перестройка системы продовольственного обеспечения в условиях экономического хаоса еще больше усилила недоверие крестьянства к государственному регулированию экономики и не смогла обеспечить бесперебойное продовольственное снабжение армии и населения тыла. Остроту продовольственного кризиса в это время отражают сводки периодической печати, телеграммы министра продовольствия в местные продовольственные комитеты с требованиями принудительного отчуждения хлебных излишков, а также письма и телеграммы чиновников местных продовольственных органов об отсутствии необходимого продовольствия в ряде городов и уездов Урала, о нарастании социальной и политической напряженности в связи со сбоями в продовольственном снабжении [11].

Как свидетельствуют документы, галопирующая инфляция, твердые цены на хлеб, отсутствие промышленных товаров нужных деревне, расстройство транспорта, нежелание применять насильственные меры обусловили провал продовольственной политики Временного правительства.

После октябрьского переворота Советское правительство осуществляет продовольственную политику также на основе хлебной монополии и твердых цен на хлеб, но главным методом ее реализации становится насилие. На базе аппарата бывшего Министерства продовольствия создается Народный Комиссариат по делам продовольствия (Наркомпрод). 13 мая 1918 г. ВЦИК и Совнарком совместным декретом наделили Наркомпрод чрезвычайными полномочиями по применению вооруженной силы против «деревенской буржуазии», не желавшей сдавать зерно государству по твердым ценам, что означало введение продовольственной диктатуры. Наркомпроду и местным продовольственным комитетам вменялось в обязанность: во-первых, неуклонное осуществление хлебной монополии, т.е. изъятие по установленным ценам всех излишков хлеба и сбор их в государственные склады; во-вторых, заготовка других видов продовольствия и предметов первой необходимости; в-третьих, распределение продовольствия среди населения.

Период 1917-1921 гг. отличается особой сложностью, изменчивостью и динамичностью событий – революционные катаклизмы, гражданская война привели к распаду страны, углублению экономического развала. В этих условиях возросла роль местных органов власти, центральные структуры выполняли, главным образом, функции координаторов в решении продовольственных вопросов. Крестьянская хлебозапасная система была ликвидирована. С целью повышения эффективности хлебной монополии 11 января 1919 г. СНК принял декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». Продразверстка предусматривала сдачу всех излишков хлеба государству по установленным ценам и в установленный срок. В случае нарушения срока сдачи предписывалось принудительное отчуждение обнаруженных хлебных запасов. Злостно скрывавшие излишки хлеба подлежали судебному преследованию с конфискацией имущества и лишением свободы. К 1920 г. разверстка распространилась на картофель, овощи и другие продукты. Уфимский губком РКП(б) сообщал о существовании 42 видов разверстки. В Челябинской губернии их было 23 [12]. Продразверстка лишала крестьян хозяйственных стимулов. Ограничивая свою хозяйственную деятельность, они замыкали ее в круг потребностей самоснабжения. Разверстка подталкивала крестьян сужать хозяйство, отчего оно становилось слабее.

В это время председатель СНК и СТО В.И. Ленин требует в порядке боевого задания от местных губпродкомиссаров принять решительные меры для выполнения нарядов Наркомпрода по отправке хлеба и картофеля маршрутными поездами в центр [13].

Предполагалось, что продразверстка, проводимая местными продовольственными комитетами, продотрядами, местными советами, позволит сформировать необходимые запасы продовольствия на распребазе, которые затем будут распределяться строго по нарядам Наркомпрода. В действительности же снабжение голодных городов и сельских районов осуществлялось большей частью помимо системы госснабжения – с помощью так называемых «мешочников», получивших огромное распространение на Урале [14].

Несмотря на жесткую продовольственную диктатуру, Советское правительство не смогло разрешить хлебный кризис. Достаточно было разразиться засухе и ослабленные крестьянские хозяйства попали в катастрофу. Засуха и недород хлебов привели к невиданному голоду. На Урале он достиг своего апогея в мае-августе 1922 г. В Пермской губернии голодало 24% населения, в Екатеринбургской – более 50%, в Челябинской – 66%, в Оренбургской – 84%, в Уфимской губернии и Башреспублике – 92%. На почве голода возникали эпидемии тифа, холеры, чумы, оспы. Документы сообщают о небывалом росте преступности, случаях самоубийства и людоедства. Документы свидетельствуют о крайней степени обнищания сельского населения [15]. Небывалый урожай собирала в это время смерть. В регионе умерло от голодовок более 1 млн человек [16].

По сообщениям госинформсводок губчека в 1922 г., крестьянство и рабочие голодающих уездов во всех своих бедствиях обвиняли Советскую власть и компартию, доведших, по их мнению, страну до полного обнищания. В условиях массового голода им было безразлично, “какую новую политику придумало правительство, за одним они только следят, что предпринимается властью для сокращения ужасного голода” [17].

Катастрофический спад сельскохозяйственного производства и практически полная утрата всех достижений аграрной модернизации произошли в результате разрушительной гражданской войны, продразверсток и голода. Ослабленные годами бедствий и разорений крестьянские хозяйства не могли

противиться ни изменениям в политике, ни природным катаклизмам. Борьба с голодом впервые велась как широкая государственная кампания. Основное внимание уделялось укреплению крестьянских хозяйств, расширению посевных площадей и увеличению поголовья скота.

В годы нэпа происходит демонополизация хлебного рынка. Продовольственная политика осуществлялась на принципах двухярусной экономики. Наряду с остатками мобилизационной системы, когда часть зерна согласно установленному продналогу отчуждалась у производителей и распределялась в централизованном порядке, все более возрастал закуп хлеба у крестьян коммерческим путем. Постепенно инструментом продовольственного обеспечения становился рынок, который все больше влиял на формирование необходимых запасов и уровень потребления.

Однако с целью укрепления своих позиций на хлебном рынке и оттеснения частного капитала, Советская власть из года в год увеличивала объемы плановых централизованных заготовок сельскохозяйственной продукции. В качестве важнейшего средства борьбы с частным капиталом, для контроля над ценами и для расширения экспорта хлеба предусматривалось создание государственных хлебных резервов.

Система продовольственной безопасности – это система, имеющая главной целью надежное и достаточное снабжение населения основными продуктами питания, гарантирующее отсутствие опасности голода и недоедания. Советская история дает пример действия другого механизма формирования, другой модели продовольственной безопасности, основанной на народнохозяйственном планировании и регламентировании распределения продуктов питания. Во второй четверти XX века были предприняты большие усилия по созданию такой системы.

Апрельский (1926 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение об образовании постоянного государственного хлебного фонда (ГХФ). В январе 1927 г. СНК СССР принял постановление об образовании, хранении и использовании ГХФ, он рассматривался переходящим из года в год запасом хлеба и фуража. Целью создания ГХФ было обеспечение населения хлебом в случае неурожая, чрезвычайных потребностей государства, а также регулирование рыночных цен на хлеб. Распоряжение о расходовании ГХФ могло дать СТО и НКВТорг СССР. Согласно постановлению, Наркомат

внутренней торговли устанавливал для каждого планового заготовителя количество хлеба и фуража по культурам, а также сроки и место сдачи. Хранение Государственного хлебного фонда поручалось Госбанку СССР на имеющихся у него элеваторах и складах.

На июльском 1928 г. пленуме ЦК ВКП(б) при обсуждении вопроса о введении чрезвычайных мер в деревне И. Сталин специально остановился на проблеме создания хлебных резервов: "Мы не можем жить, как цыгане, без хлебных резервов на случай неурожая, без резервов для маневрирования на рынке, без резервов на случай войны, наконец, без некоторых резервов для экспорта". Далее он отметил, что "...я уже не говорю о том, что у нас нет не только хлебных резервов по всем этим четырем линиям, но у нас не хватает также известного минимума запасов для того, чтобы безболезненно перейти от одного заготовительного года к другому заготовительному году и снабжать бесперебойно города в такие трудные месяцы, как июнь-июль" [18]. Это высказывание Сталина подтверждается результатами хлебозаготовительной кампании 1927/28 г., когда ГХФ не был заполнен наполовину, а с января 1928 г. он начал "подвергаться постепенному израсходованию вследствие недостаточного темпа заготовок и возростающего внутреннего потребления" [19]. В январе 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило А. Микояну образовать секретный неприкосновенный хлебный фонд в размере 25 млн пудов [20]. В июне 1929 г. специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) создавался неприкосновенный запас продовольственных хлебов в размере 100 млн пудов и указывалось на необходимость рассмотрения вопроса о размерах мобилизационного фонда продовольственного хлеба [21].

Экстенсивно развивавшееся сельское хозяйство было не в силах одновременно удовлетворять потребности населения и наполнять формировавшиеся государственные хлебные резервы. Поэтому ГХФ создавался за счет ограничения внутреннего потребления хлебных продуктов. Создание ГХФ означало по существу восстановление государственной хлебной монополии.

Хлебные кризисы конца 1920-х годов заставили власти создать местные хлебные резервы в промышленных и рабочих центрах. С 1929 г. они создавались за счет внеплановых закупок. Местные хлебные резервы

образовывались при наличии переходящих остатков хлеба в размере двухнедельной потребности.

Образование и хранение государственных резервов продовольствия было поручено Наркомторгу СССР. В 1929 г. работа с хлебными резервами была передана акционерному обществу “Союзхлеб”, однако распорядителем резервов оставался Наркомторг. В октябре 1931 г. СНК СССР образовал при СТО Комитет резервов. Наряду с хлебными начали существовать государственные продуктовые и материальные резервы. С этого времени неприкосновенный хлебный фонд и государственный хлебный фонд переименовываются в государственные фонды и передаются из Наркомснаба в ведение Комитета резервов, который на местах проводил работу через своих уполномоченных – полномочных представителей ОГПУ. Комитет резервов и его уполномоченные учитывали наличие зерна и другого продовольствия в стране, контролировали их экономное расходование в пределах утвержденного правительством плана.

Курс советского руководства на индустриальное развитие страны определял и продовольственную политику государства. Первоочередное снабжение промышленности, индустриальных строек стало одной из основных задач в конце 1920-х – 1930-е годы. Но городское снабжение пострадало из-за развала внутреннего рынка, наступления на частных торговцев. Секретные информационные сводки отдела ЦК ВКП(б) свидетельствуют о продовольственных затруднениях в городах в 1928 г. Реакцией местных властей на недостаток хлебопродуктов в городах стало введение нормированного распределения (снабжения) среди городского населения. В июне 1928 г. Уралобком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через Центральные рабочие кооперативы рабочим и служащим Уральской области, а также членам их семей [22]. Несмотря на нормированную продажу, продуктов в городах, промышленных центрах не хватало. Нарастал продовольственный кризис. 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб [23]. Перебои с продовольствием привели к тому, что вскоре в промышленных регионах в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться и карточки на другие продукты. Как и в случае с хлебом, нормирование и карточки оформлялись санкциями местной власти.

Центральное руководство стремилось стабилизировать ситуацию с продовольствием в первую очередь в промышленных центрах страны. 15 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СТО от 26 января “О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами” [24]. Этим постановлением утверждалось два списка городов и промышленных районов, согласно которым определялся порядок их снабжения. Снабжение основными продовольственными продуктами городов и районов, входивших в список №1, производилось в централизованном порядке и из хозяйств потребительской кооперации. Наркомторгу СССР и Центросоюзу надлежало обеспечивать снабжение рабочих и их семей городов и районов первого списка по твердым ценам. Снабжение рабочих и их семей второго списка осуществлялось из ресурсов централизованных заготовительных организаций и из ресурсов, получаемых потребкооперацией в порядке местных заготовок и из собственных хозяйств кооперации.

В январе 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [25]. Карточки выдались тем, кто трудился в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. существовало четыре списка снабжения. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли и ведущие индустриальные предприятия Урала. Внутри каждого из четырех списков существовали разные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей.

Однако уже в начале 1932 г. Уралобласть испытывала серьезные затруднения со снабжением рабочих хлебом вследствие систематического невыполнения предусмотренных центральным руководством планов завоза хлеба. Во второй половине мая – первой половине июня 1932 г. Уралобласть располагала хлебными ресурсами для удовлетворения нужд рабочего снабжения в размере максимум 30 тыс. тонн, из которых 12,8 тыс.т находилось в неприкосновенном фонде, а 18 тыс.т только ожидалось. Подлежащий завозу хлеб из Воронежа, Нижнего Новгорода и из других регионов не отгружался, что ставило под угрозу снабжение рабочих и горожан Уралобласти [26].

Недостаток продуктов питания в городах приводил, с одной стороны, к росту рыночных (базарных) цен, с другой – к распространению натурального товарооборота. Наибольший рост цен дали 1931 и 1932 гг. В мае 1932 г. была легализована колхозная торговля. Повышенный спрос на продовольствие в условиях разразившегося голода заставил в марте 1933 г. ввести коммерческую торговлю хлебом. Однако ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба не решили продовольственной проблемы горожан региона.

Формирование механизма нормированного продовольственного снабжения не касалось крестьянства. В годы НЭПа произошло улучшение жизни уральского крестьянства, выросли денежные доходы, росло потребление продовольственных продуктов. В конце 1920-х годов в уральской деревне наблюдаются продовольственные затруднения. Недостаток продуктов питания в Курганском, Пермском, Свердловском, Троицком округах в мае – июне 1928 г. стал причиной антисоветских выступлений. Фиксировались случаи голодания бедноты, заболевания и смерти на почве голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов и падали. Весной и летом 1929 г. в отдельных районах области крестьяне из бедняцких слоев взламывали частные и общественные амбары и “растаскивали” хлеб [27].

В процессе массовой коллективизации началось наступление государства на частную патентованную торговлю. Конфискации и репрессии сократили ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Фиксируется в документах рост миграции сельского населения в город за продуктами. Весной – летом 1930 г. тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах [28]. Продовольственные затруднения приводили к локальным голодовкам. Остро нуждавшимся в продовольствии и семенах оказывалась государственная помощь. Она предоставлялась в виде ссуд с возвратом из урожая следующего года, выдавалась в основном хозяйствам социалистического сектора.

Продовольственный кризис обострился на Урале в начале 1932 г. Уралисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи 28 недородным районам к весенней посевной кампании [29]. Голод постепенно охватил всю территорию Уралобласти. По

данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-суррогат и менее 2-х стаканов молока в день. В 1933 г. по данным крестьянских бюджетов снизилось суточное потребление основных продуктов сельским населением.

Усилившийся в связи с голодом отток крестьян из деревни советское руководство стремилось прекратить. Согласно законам от 13 сентября 1932 г. и от 17 марта 1933 г. крестьянам запрещалось оставлять свои колхозы в поисках работы без разрешения руководства и без предоставления документов о готовности предприятия принять на работу крестьянина. 7 декабря 1932 г. была введена «единая паспортная система с обязательной пропиской по всему Союзу ССР», что ограничило бегство крестьян.

Возникшие в 1928 г. в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний продовольственные затруднения обернулись для сельского населения голодом в 1932 – 1933 гг. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы, цинги. Известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода в сельской местности.

Трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать голодовки. Но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание) в 1932 – 1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продовольственными товарами. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей. Весна – лето 1933 г. – пик голода в регионе. Наиболее пораженными голодом были районы Центрального и Южного Зауралья. По своим масштабам голод 1932 – 1933 гг. в Уральской области уступал голоду разразившемуся на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане, Центрально-Черноземной области.

Таким образом в условиях аграрного кризиса начала 1930-х годов, роста городского населения, связанного с индустриальным развитием региона, нормированное распределение, карточная система не смогли предотвратить

продовольственного кризиса и голода. Уральская область из района, самообеспечивавшего себя зерновыми культурами, превратилась в район, осуществлявший их ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения, характерного для всего советского периода, были централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению.

Следует отметить, что в стране в это время имелись государственный и неприкосновенный фонды, в которые регионы передавали часть производившейся сельскохозяйственной продукции. Достаточно трудно полностью проследить механизм функционирования данных фондов, особенно в отношении их размещения и пополнения, то есть определить, какая часть заготавливаемой продукции передавалась в эти фонды.

Из выявленных нами источников можно определить, что государственный фонд находился в ведении Комитета по заготовкам СНК СССР, но окончательное решение о его распределении принимало Политбюро ЦК ВКП(б). Государственный фонд был рассредоточен по регионам страны в виде определенных объемов сельскохозяйственной продукции. Расход продукции из фонда осуществлялся под контролем Политбюро. Данный вывод позволило сделать решение Политбюро от 11 марта 1933г. («Особая папка»), согласно которому Комитет по заготовкам при СНК СССР обязывался осуществить завоз в Уральскую область 2 млн пудов овса в качестве особого госфонда. Для этого из Западной Сибири и Горьковского края следовало отгрузить и вывезти по 1 млн пудов овса. Отгрузку крайкомам предписывалось закончить к 20 марта, при этом ежедневно телеграфировать ЦК ВКП(б) и СНК СССР о ходе ее выполнения [30].

Неприкосновенный фонд находился в ведении Комитета резервов СНК СССР, который осуществлял контроль над глубинными и пристанскими пунктами и также был рассредоточен в регионах. Сельскохозяйственная продукция из неприкосновенного фонда расходовалась на продовольственное снабжение или на семенные ссуды по распоряжению заместителя председателя СНК, председателя Госплана СССР В.В. Куйбышева через Комитет резервов. 2 апреля 1933г. в Свердловск И.Д. Кабакову от В.В. Куйбышева пришла телеграмма: «Для обеспечения снабжения в апреле дал распоряжение комитету резервов разбронировать пятнадцать тысяч тонн ржи нефонда... в апреле

будете обеспечены полностью...» [31]. Для обеспечения снабжения Уралобласти в мае до планировавшегося привоза ржи из Башкирии В.В. Куйбышев отдал распоряжение Комитету резервов разбронировать десять тысяч тонн фондовой ржаной муки с восстановлением областью при поступлении ржи из Башкирии [32]. В «особых папках» Политбюро ЦК ВКП(б) имеются сведения о существовании /наличии/ госсортфонда в регионах, скорее всего предназначавшегося для обеспечения сева, в частности, из него выдавались семенные ссуды. Упоминается в «особых папках» резервный фонд Совнаркома.

В исторической литературе отсутствуют исследования по проблеме организации и распределения в СССР государственного, неприкосновенного и резервного фондов, что, по нашему мнению, связано с засекреченностью документов. Имеются лишь отдельные сведения об использовании зерна госфонда и госсортфонда на экспорт и для выдачи семенных ссуд, а также пополнении этих фондов [33].

Политбюро монополизировало продовольственный фонд в стране и перераспределяло его в индустриальных интересах. За распределением продовольствия для снабжения городского населения в регионах страны осуществлялся жесткий контроль со стороны Комитета заготовок СТО, Комитета товарных фондов при СТО, Наркомата снабжения, особенно Политбюро ЦК ВКП(б).

Рассмотрим порядок, механизм предоставления районам страны дополнительного отпуска хлеба на общее снабжение. В общее снабжение включались поставки сельскохозяйственной продукции как городскому, так и сельскому населению, направленные на индивидуальное снабжение, а также на нужды промышленности и сельского хозяйства в целом.

В Политбюро поступало ходатайство об увеличении отпуска продукции на снабжение от местного партийного комитета административно-территориального образования, в нашем случае – это Уралобком ВКП(б), решение по которому принималось на заседаниях Политбюро или в опросном порядке его членами. При этом для рассмотрения ходатайства создавались специальные комиссии из членов Политбюро. Ходатайство могло направляться для согласования и реализации в СНК СССР, Комитет заготовок СТО, Комитет товарных фондов при СТО и другие организации, связанные с учетом, хранением и распределением продовольственной продукции.

Следует отметить, что облисполком также направлял ходатайства об изменении планов отпуска продукции на снабжение в центральные органы управления, в том числе в вышеперечисленные комитеты. Но окончательное решение было за Политбюро.

В августе 1937 г. Комитет резервов при СТО преобразуется в Управление государственных резервов при СНК СССР. В 1941 г. оно переименовывается в Управление государственных материальных резервов при СНК СССР, а в октябре 1943 г. – в Главное управление государственных материальных резервов СССР.

Накануне войны формируются территориальные управления государственных резервов. В аппарате Уральского территориального управления госрезервов при СНК СССР работало в 1941 г. 65 человек. В 1941 г. по Свердловской области закладывались мобилизационные резервы для нужд РККА и государственные резервы – фонд СНК СССР в количестве 137,1 тыс. тонн. Срок закладки - 1 октября 1941 г. [34]. Это количество было размещено: в Облгаотзерно на своих пунктах и точках постоянного хранения (мобилизационный фонд для нужд РККА – 30,3 тыс.т; фонд правительства (бронь Управления государственных материальных резервов при СНК СССР) – 95 тыс.т); в Облторготделе – фонд УГМР при СНК СССР – 10 тыс.т муки; в Облпотребсоюзе – фонд УГМР при СНК СССР – 1,8 тыс.т крупы [35].

В 1943 г. Свердловское территориальное управление Главного управления государственных материальных резервов СССР в связи с особо специфическими условиями секретно-мобилизационной работы относилось к важнейшим хозяйственным организациям области. Оно состояло из 12 отделов. Работа оперативных отделов была связана с накоплением государственных и мобилизационных резервов, качественной сохранностью их, своевременностью выпуска для нужд армии, воинских частей, оборонной промышленности и местного населения, как продуктов питания, так и промышленных материалов. Специальный отдел руководил накоплением, хранением и отпуском продовольственных резервов. В ведении управления находились 3 собственные базы и 488 подконтрольных точек с разнообразнейшей номенклатурой госмобрезервов [36].

В мае 1946 г. вместо ГУГМР были созданы Министерство продовольственных резервов СССР и Министерство материальных резервов

СССР, в июне 1948 г. оба Министерства были объединены в Министерство государственных продовольственных и материальных резервов СССР. В апреле 1951 г. оно было упразднено, были образованы Главное управление государственных материальных резервов при Совмине СССР и Главное управление государственных продовольственных резервов при Совмине СССР. И, наконец, в 1953 г. оба главных управления вновь были объединены в Главное управление государственных материальных резервов при Совете Министров СССР.

Постоянные реорганизации в управлении подчеркивают исключительную сложность объекта планирования продовольственного дела и показывают, что советские власти не всегда справлялись с поставленной задачей. Продовольственный дефицит, а порой и голод, были постоянным явлением в советской действительности. Особое влияние на решение проблем продовольственной безопасности оказала деформированная структура экономики Советского Союза, в хозяйственной политике преимущественное внимание уделялось отраслям тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству, легкой и пищевой промышленности. Недооценка значения сельскохозяйственного производства для гармоничного развития национальной экономики, использование его лишь как источник перераспределения ресурсов в другие отрасли привели сельское хозяйство к черте деградации и возможной потере продовольственной независимости страны. В начале 1960-х годов СССР превратился в импортера зерна, мяса и других продуктов питания.

В последнее десятилетие в условиях развития рыночных отношений проблема продовольственной безопасности отдельных регионов и страны в целом превратилась в стратегически важную. Особенно острое звучание она приобрела в условиях современного состояния сельскохозяйственного производства, кризис которого обуславливает высокий уровень зависимости от поставок продуктов питания и непосредственно влияет на безопасность государства.

Примечания

1. Изучение системы продовольственного обеспечения России получило в конце XIX – начале XX вв. мощный толчок в связи с периодически повторяющимися продовольственными кризисами.

- Наибольший вклад в становление изучения проблемы внес Н.Д.Кондратьев. См.: Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; М., 1991.
2. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Том 1. Екатеринбург, 2000. С.24-30; Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Кн. пятая. Т.ХIII. СПб., [б.г.]. С.44-54.
 3. Продовольственная безопасность... Т.1. С.45-50.
 4. Обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1902. С.7.
 5. Обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1912. С.6-19; Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1915. С.54; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.18.Оп.1.Д.460.Л.24-38; Ф.434.Оп.1.Д.93.Л.7-10.
 6. Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913. С.30-34,40-41; ГАСО. Ф.434.Оп.1.Д.95.Л.20-22.
 7. Продовольственная безопасность... Т.1.С.249-265.
 8. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914-1917 гг. Ч.1. Петроград, 1917. С.7-11.
 9. Там же. С.41-42; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914- октябрь 1917г.). Л., 1985. С.133, 201.
 10. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу... С. 418-421.
 11. Китанина Т.М. Указ. соч. С.304-309; Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н.Новгород, 2001. С.20.
 12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).Ф.17.Оп.12.Д.710.Л.53; Российский государственный архив экономики. Ф.1943.Оп.2.Д.504.Л.20.
 13. Продовольственная безопасность... Т.1. С.271, 274.
 14. Там же. С.269.
 15. Там же. С.280.
 16. Государственный архив Российской Федерации. Ф.1058.Оп.1.Д.634.Л.21; ГАСО. Ф.7.Оп.1.Д.114.Л.8; Объединенный

- государственный архив Челябинской области. Ф.77.Оп.1.Д.657.Л.11;
Центральный государственный архив Республики Башкортостан.
Ф.101.Оп.1.Д.687.Л.10; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-
НКВД. Т.1. М., 1998. С.627.
17. Продовольственная безопасность... Т.1. С.377-387.
 18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.1927-1939. Документы и материалы. Т.1. М., 1999. С.326-327.
 19. Там же. Т.1. С.363-364.
 20. Там же. Т.1. С.518.
 21. Там же. Т.1. С.659.
 22. РГАСПИ. Ф.17.Оп.85.Д.307.Л.59.
 23. РГАСПИ. Ф.17.Оп.3.Д.726.Л.2-4.
 24. РГАСПИ.Ф.17.Оп.3.Д.776.Л.2,31-36.
 25. Осокина Е.А. За фасадом “сталинского изобилия”. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. М.,1998.С.89-90.
 26. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4.Оп.10.Д.225.Л.41.
 27. РГАСПИ. Ф.17.Оп.85.Д.307.Л.29,31,46,47,50,54,56.
 28. ГАСО. Ф.88.Оп.1.Д.3305.Л.56.
 29. РГАСПИ. Ф.17.Оп.162.Д.14.Л.97.
 30. ЦДООСО. Ф.4.Оп. Трагедия советской деревни... Т.2.С.475-476.
 31. 11.Д.182.Л.18.
 32. ЦДООСО. Ф.4.Оп.11.Д.182.Л.29.
 33. ГинцбергЛ.И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 1930-х годов. По материалам “особых папок” Политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1999. № 10. С.121.
 34. ЦДООСО. Ф.4.Оп.31.Д.161.Л.4.
 35. ЦДООСО. Ф.4.Оп.31.Д.190.Л.61.
 36. ЦДООСО. Ф.4.Оп.31.Д.379.Л.53; Д.606.Л.55-57.

Голод 1932-1933 годов в российской и зарубежной историографии: некоторые предварительные заметки

Тема голода 1932-1933 годов на сегодняшний день имеет богатую историографию. Первыми ее разработчиками стали западные ученые и публицисты. С подачи эмигрантских кругов украинской диаспоры США и Канады в литературу прочно вошел миф об искусственном характере голода 1932-1933 годов в СССР. Причем основания для такого заключения, на первый взгляд, были убедительными. Тайна катастрофы и ее самая видимая часть проявились в бесспорном факте – в 1932-1933 годах чудовищный голод со всеми его ужасными проявлениями поразил самые хлеборобные житницы СССР, ранее никогда не переживавшие ничего подобного. Так, например, из двадцати районов Кубани, включенных Северокавказским крайкомом ВКП(б) в феврале 1933 года в список голодающих районов, почти все были районами, в которых ежегодно собирались богатейшие урожаи¹. В предыдущие неурожайные годы российские крестьяне обычно бежали на Юг, особенно на Кубань. То же самое можно сказать и об Украине, оказавшейся в 1932-1933 годах в аналогичной ситуации. Происходили невиданные вещи. Летом 1932 года соседняя Белоруссия была заполнена голодающими сельскими жителями с Украины. Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны, что они не помнят, чтобы, когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину»!¹

Исходя из этих фактов, а также основываясь на воспоминаниях очевидцев, как правило, представителей украинской диаспоры, а также иностранных журналистов, работавших в СССР в начале 1930-х годов, в западной литературе появилась гипотеза об искусственном голоде, организованном и осуществленном Сталиным и его приспешниками с целью подавить украинский национализм. Так, например, почвой для нее стали мнения работавших в СССР журналистов

Малколма Маггериджа, Вильяма Х. Чемберлина, наблюдавших голод и уехавших из страны с твердым убеждением, что голод был «спланированным» и «умышленным». Кроме того, к этому же заключению пришли некоторые иностранные дипломаты, в частности посол Италии Градениго, проезжавший через Украину летом 1933 года². Более важными для понимания проблемы были свидетельства крестьян, непосредственно соприкоснувшихся с трагедией. На «организованный» характер голода указали многочисленные украинские эмигранты. Анна Бондаренко, колхозница Шахтинского района Северо-Кавказского края. «Советское правительство было хорошее, но плохо то, что оно создало голод» – вспоминала она ходившие между ее односельчанами разговоры³.

Наиболее полно и аргументировано гипотеза об «искусственно организованном голоде» оказалась изложена в трудах Роберта Конквеста⁴. С началом в СССР эпохи гласности, сопровождавшейся развязанной сверху резко критической кампанией по развенчанию «мифов советской истории», работы Конквеста стали активно публиковаться как в изданиях демократической ориентации, так и в академических журналах, в том числе на Украине, где националисты уверенно набирали силу⁵.

В своей монографии «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» Конквест коснулся и событий на Северном Кавказе и в Поволжье. В частности, применительно к Поволжью, он указал, что голод разразился в районах, «частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения», «главной мишенью террора голодом» стала Республика немцев Поволжья⁶. Конквест затронул вопрос о величине демографических потерь советской деревни во время голода и отметил, что «для Центральной и Нижней Волги... потери пропорционально были также велики, как и для Украины»⁷. Он привел высказывания на этот счет ряда западных журналистов, находившихся в СССР в 1930-е годы⁸. Говоря о голоде в Республике немцев Поволжья, Конквест априорно утверждал о 140 тыс. немцев, умерших там от голода. Он полагал, что уровень смертности в республике «не был таким высоким как на Кубани» благодаря посылкам, полученным голодающими немцами из Германии и, «возможно, по другим причинам»⁹. Общее число жертв голода 1932-1933 годов в советской деревне Конквест определил цифрой 7 млн. человек. Из

них на Украине, по его мнению, от голода погибло 5 млн. человек, на Северном Кавказе – 1 млн. человек, в «других местах» – 1 млн. человек¹⁰. Хотя Конквест не называет Поволжье в этом реестре смерти, но, исходя из содержания его глав монографии о жертвах голода и событиях 1932-1933 годов на Кубани, Дону и Волге, к «другим местам» следует отнести Нижнюю Волгу, Дон и Южный Урал.

Самым слабым местом концепции Конквеста была источниковая база. На это очень аргументировано указал прекрасный знаток советской истории Стефан Мерль¹¹. Кроме того, он дал свою интерпретацию событий 1932-1933 годов в СССР. По его мнению, голод был скорее результатом стечения обстоятельств, чем преднамеренной акцией власти. Он явился следствием неудачной экономической политики, просчетов в установлении квот обязательных зернопоставок, игнорирования региональных различий. Критикуя позицию Конквеста, Мерль задавался резонным вопросом, зачем коммунистическому правительству специально организовывать голод, который коснется не только его врагов, но и союзников – беднейших крестьян, колхозников-ударников, бывших «красных партизан» и т.д.¹² Наряду с Мерлем, гипотеза Конквеста об искусственно организованном голоде была подвергнута критике и другими западными учеными¹³.

Так, например, в ряду критиков Конквеста следует выделить Марка Таугера, впавшего в другую крайность. Если Конквест утверждает о преднамеренном характере голода, отсутствия для него объективных причин, кроме субъективных - антиукраинских устремлений сталинского режима, то Таугер заявляет, что голод произошел из-за «нехватки зерна», вызванной не столько неудачной экономической политикой, а сколько нерадивыми советскими чиновниками, «плохо информированными» и не достаточно гибкими¹⁴.

Подобная оценка Таугера размеров урожая 1932 года вызвала критику со стороны ряда авторитетных исследователей. По их мнению, хотя урожай 1932 года и не был впечатляющим, его вполне могло бы хватить, чтобы население дожило до следующего урожая. Кроме того, они утверждают, что голод был использован Сталиным, чтобы преподать урок крестьянам, сопротивляющимся коллективизации. Сталинскому режиму необходимо было выбить у крестьянина мысль о том, что зерно, которое он вырастил, - его собственность. Его надо было

заставить работать в колхозе. А непокорных единоличников следовало загнать туда бесповоротно. В этом же ряду признается наличие у сталинистов мотива подавления с помощью голода украинского национализма, социальной базой которого было крестьянство¹⁵.

Следует обратить внимание на характерный штрих, критики Конквеста обвиняют его и других представителей «украинской школы искусственно организованного голода» в излишней политизации, использовании ими при анализе событий 1932-1933 годов риторики «холодной войны», следовании настроениям антисоветских эмигрантских кругов¹⁶.

На наш взгляд, это вполне справедливая критика. В оккупированной Греции в 1941 году, по данным Марка Мазовера, «все верили, что за голодом скрывается целенаправленная немецкая политика геноцида»¹⁷. И в том, и в другом случаях, «общественное мнение» не было поддержано серьезными специалистами, имеющими доступ к соответствующим архивным материалам.

Западные исследователи, воспринявшие идею «организованного голода», разделились между собой в истолковании самого этого понятия. Что значит «умышленный», «преднамеренный», «организованный» голод? Был ли у Советского правительства детальный план, выработанный заранее, по которому оно «управляло голодом», или голод явился результатом политики и был использован сталинским режимом в собственных целях? «В голоде не было ничего случайного, непредвиденного, стихийного. Все было решено, предусмотрено и тщательно спланировано» – писал Петро Долина, сам переживший голод на Украине и опросивший в лагере для перемещенных лиц в Западной Германии в 1946-1947 годах других свидетелей¹⁸. Его сторонники утверждают, что «политическое решение» развязать голод было принято в «далекой столице» за «банкетными столами» и во время официальных заседаний, до начала хлебозаготовительной кампании 1932 года¹⁹. В качестве доказательства они приводят ряд постановлений Советского правительства, принятые в период с июля 1932 года по январь 1933 года, ограничивающие свободу передвижения крестьян в голодающих районах. Сделано это было для того, чтобы держать крестьянина «запертым в его деревне»²⁰. Этот мотив был понятен каждому крестьянину в голодающих районах.

Подобные оценки до настоящего времени не получили документального подтверждения. Исследователями не обнаружено еще ни одного постановления Советского правительства и ЦК партии, приказывающих убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян²¹. Это намерение сталинского руководства не было подтверждено и итоговым отчетом Международной комиссии по расследованию голода на Украине 1932-1933 годов. Изучив всю совокупность представленных ей архивных документов, свидетельств очевидцев, мнений ученых, комиссия пришла к выводу, что она «не в состоянии подтвердить наличие преднамеренного плана организации голода на Украине с целью обеспечения успеха политики Москвы»²².

Среди западных специалистов, занимающихся проблемой коллективизации и голода 1932-1933 годов в советской деревне следует особо выделить трех ученых – Линн Виолу, Шейлу Фицпатрик и Стивена Уиткрофта. Л.Виолу и Ш.Фицпатрик объединяет общий методологический подход – взгляд на проблему в рамках социальной истории, как бы снизу, через анализ крестьянского положения в годы коллективизации, восприятия коллективизации, изменения сущностных черт крестьянского мира в результате сталинской политики²³. Голод 1932-1933 годов выступает у них как результат противостояния крестьянства и государства в годы коллективизации. В то же время, Фицпатрик, возлагая ответственность за трагедию на сталинское руководство и ссылаясь на авторитетнейшего специалиста в области изучения голода, нобелевского лауреата Амартья Сена, справедливо указывает, что голод 1932-1933 годов являлся «скорее нормой, чем исключением в современной истории голода»²⁴.

Работы Стивена Уиткрофта в соавторстве с другим замечательным исследователем России Робертом Дэвисом, основанные на достоверных и солидных источниках, дают взвешенную оценку состоянию сельского хозяйства СССР в 1931-1933 годах. Особую ценность представляют материалы С.Уиткрофта о хлебофуражных балансах СССР в начале 1930-х годов, а также демографических потерях советской деревни во время голода 1932-1933 годов²⁵. На данный момент, Уиткрофт является наиболее авторитетным специалистом по данным аспектам темы среди российских и зарубежных исследователей.

Наряду с названными западными исследователями, проблема голода 1932-1933 годов и коллективизации советской деревни получила освещение и в работах других ученых, в том числе из Японии и Южной Кореи²⁶. Среди японских исследователей следует особо отметить Хироси Окуду, написавшего прекрасную монографию о положении поволжской деревне в годы сталинской «революции сверху»²⁷.

Характеризуя работы иностранных специалистов, нельзя обойти внимание публикации ученых «русского зарубежья». Среди них мы выделяем фундаментальный труд эмигранта, известного русского экономиста С.Н. Прокоповича «Народное хозяйство СССР». В нем отмечалось, что в 1932-1933 годах «вся черноземная Россия пережила тяжелый голод со всеми его демографическими последствиями». Причины голода автор связал с «принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их высоким натуральным налогом»²⁸. В данной работе были приведены факты о положении на Нижней Волге накануне и во время голода из опубликованных на Западе воспоминаний иностранцев, находившихся в СССР в начале 1930-х гг.

Современные российские исследователи в целом положительно оценили вклад зарубежных коллег в изучение советской коллективизации и голода 1932-1933 годов, указав при этом на необходимость более пристального внимания на региональные аспекты и источники²⁹.

Особе место в западной и российской историографии проблемы занимают 1990-е годы. Они ознаменовались чрезвычайно плодотворным сотрудничеством и уже принесли прекрасные результаты³⁰. Но прежде чем перейти к этому сюжету, необходимо кратко остановиться на российском вкладе в изучение истории голода 1932-1933 годов, в том числе в Поволжье, на Дону и Кубани.

Начиная с 1930-х годов и до середины 1980-х годов голод 1932-1933 годов замалчивался в советской исторической литературе, был запретным для исследователей и принадлежал к числу так называемых «белых пятен» советской истории. В работах историков-аграрников доминировал стереотип сталинской оценки влияния коллективизации, социально-экономической политики Советского государства на материальное положение крестьянства в 1932-1933 годах. Согласно этой оценки, высказанной Сталиным на Январском

Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и Февральско-Мартовском того же года Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, в 1933 году крестьяне «навсегда забыли о нищете, голоде и разорении» и «уверенно шли к зажиточной жизни»³¹.

В условиях запрета на исследование трагедии 1932-1933 годов советские историки были вынуждены в своих публикациях, затрагивая события данных лет, замалчивать факт голода или, в лучшем случае, говорить о хлебозаготовительных трудностях 1931-1932 годов в основных зерновых районах страны. Их возникновение они объясняли объективными причинами: погодными условиями, трудностями организационно-хозяйственного становления колхозов, саботажем кулачества.

«Саботаж кулачества» рассматривался в большинстве работ советских историков-аграрников данного периода как главная причина трудностей колхозного строительства в основных зерновых районах страны в 1932-1933 годах. Так, например, С.П. Трапезников указывал: «Подавляющее большинство колхозов Северо-Кавказского, Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев в 1932 году из-за кулацкого саботажа, воровства и хищения хлеба было лишено возможности оплатить выработанные колхозниками трудодни»³². Он отмечал, что «путем вредительства, уничтожения производительных сил, срыва государственных заданий, разложения трудовой дисциплины классовый враг и его агентура брали ставку на разрушение молодого только что возникшего колхозного строя»³³.

Тема голода 1932-1933 гг. в годы, предшествовавшие эпохе гласности в СССР, могла затрагиваться в исторической литературе лишь в одном единственном контексте – в плане идеологической борьбы с так называемыми «буржуазными фальсификаторами» истории советской деревни. Так, в 1939 году в Большой Советской Энциклопедии в статье, посвященной Республике немцев Поволжья, было сказано, что «исключительные успехи НП АССР являются блестящим опровержением гнусной клеветы фашистов о якобы царящем в республике голоде»³⁴.

В связи с пятидесятилетием печальной даты – голода 1932-1933 годов на Украине, привлечшей внимание общественности Канады и США, в советской

исторической литературе появились публикации, касающиеся данной запретной темы. В них утверждалось об эффективности помощи, предоставленной в эти годы советским государством недородным районам Украины. Сам факт голода на Украине отрицался, а разговоры о нем на Западе расценивались как «очередная антисоветская пропагандистская кампания»³⁵.

Несмотря на замалчивание обществоведами трагедии 1932-1933 годов, советская историческая литература по проблеме коллективизации, выходящая в 1930-е – первую половину 1980-х годов, содержит сведения, непосредственно касающиеся ее и представляющие поэтому значимость для исследователей.

По принятой в советской историографии периодизации истории колхозного строя в СССР, 1932-1933 годы относятся к периоду завершения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и начала организационно-хозяйственного укрепления колхозов. На эту тему опубликованы многочисленные статьи, монографии, коллективные труды, характеризующие ход коллективизации, колхозное производство, общественно-политическую жизнь советской деревни. Приведенные в них данные о размерах посевных площадей, урожайности, валовых сборах и заготовках сельскохозяйственных культур, численности скота, деятельности в сельской местности партийных, советских органов, политотделов МТС и других фактах заслуживают доверия³⁶. Их использование позволяет полнее осветить ряд аспектов взятой проблемы, например, - уточнить состояние сельского хозяйства страны и региона в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Это имеет важное значение для решения вопроса о причинах голода 1932-1933 годов в советской деревне, в том числе в конкретных регионах.

Большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами коллективизации и голода 1932-1933 годов, представляют вышедшие на закате «хрущевской оттепели» под редакцией В.П. Данилова «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». В них впервые достаточно критически было сказано о хлебозаготовках 1932 года и непосредственной ответственности Сталина и его ближайшего окружения за принудительный характер их проведения³⁷.

Также представляет интерес для специалистов, занимающихся темой голода 1932-1933 годов, подготовленный в секторе истории советского крестьянства и

сельского хозяйства СССР Института истории СССР АН СССР краткий очерк истории советского крестьянства, изданный в 1970 году. В нем отмечалось, что выданный в 1932 году за работу в колхозах хлеб «не мог покрыть потребности крестьянского хозяйства». Данное заключение основывалось на результатах расчетов хлебного баланса колхозной семьи по хозяйственным итогам 1932 года³⁸.

О голоде 1932-1933 года в Поволжье и на Украине в период существования запрета на эту тему осмелились заговорить в своих произведениях писатели М. Алексеев и И. Стаднюк³⁹. М.Н. Алексеев, лично переживший 1933 год в Поволжье, правдиво отобразил эту трагедию в своих автобиографических произведениях.

На рубеже 1980-х-1990-х годов начинается новый, современный этап в развитии аграрной историографии России. Российские историки пытаются найти ключ к объяснению причин современного кризисного состояния аграрного сектора экономики страны и в целом всего российского общества.

Решающим фактором активизации исследований в данном направлении явилась политика гласности и демократизации общественно-политической жизни страны. Ликвидация идеологического диктата государственной власти и «архивная революция» создали исследователям благоприятные условия для творческой работы. Поэтому 1990-е годы стали временем бурного всплеска интереса исследователей к аграрной истории советского периода. В центральных и местных изданиях публикуются десятки статей, появляются монографии и сборники документов, непосредственно посвященные или затрагивающие данную тему.

С началом в СССР гласности исследователи получили возможность обратиться и к истории голода 1932-1933 годов. Эта тема сразу же привлекла их внимание. В периодической печати появились многочисленные статьи об этой трагической странице советской истории⁴⁰.

Факт голода 1932-1933 годов в советской деревне на уровне высшего партийно-государственного руководства страны впервые был признан в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на Мартовском 1989 года Пленуме ЦК партии. Причинами его в докладе были названы результаты насильственных методов и форсированных темпов сплошной коллективизации,

волюнтаристического вмешательства в процессы производства, обмена и распределения, а также – засуха⁴¹.

В исторической литературе эпохи перестройки впервые на факт голода 1932-1933 годов в зерновых районах СССР было указано в вышедшем в 1986 году под редакцией И.Е. Зеленина втором томе «Истории советского крестьянства»⁴².

Тема голода 1932-1933 годов была затронута в ряде статей ведущих историков-аграрников страны В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого. В них были названы основные регионы СССР, оказавшиеся в 1932-1933 годах пораженными голодом. Историки определили основные причины голода, которые вытекали из сталинской политики коллективизации и хлебозаготовок 1931-1932 годов⁴³. В последующие годы именно эти исследователи задавали тон в российской науке. Их публикации являются эталоном для любого российского специалиста⁴⁴. Особенно следует отметить фундаментальные монографии Н.А. Ивницкого, общепризнанного в научном мире авторитета в области советской коллективизации⁴⁵. Кроме названных исследователей, на наш взгляд, стоит отметить и других, без знания работ которых, не возможен объективный анализ истории советской коллективизации и голода 1932-1933 годов. Среди них М.А. Вылцан, Е.А. Осокина, Э.Н. Щагин и другие⁴⁶.

Важное значение в деле активизации исследования голода 1932-1933 годов имела встреча историков-аграрников и публицистов, посвященная проблеме коллективизации, состоявшаяся 24 октября 1988 года в редакции журнала «История СССР». На ней был обозначен круг первоочередных проблем (причины, масштабы, последствия голода) и определена основная задача дальнейшей исследовательской работы – разработка конкретно-исторического материала путем привлечения широкого круга источников⁴⁷.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов российскими историками начинает активно разрабатываться демографический аспект проблемы. В.П. Данилов был первым исследователем, который специально заострил внимание на данном аспекте и призвал ученых заняться объективным подсчетом числа жертв голода 1932-1933 годов. Причем подтолкнула его на это уже упомянутая нами монография Конквеста «Жатва скорби». Кроме того, В.П. Данилов стал первым российским историком, указавшим, что голод 1932-1933 годов может быть

охарактеризован как организованный голод, поскольку уровень сельскохозяйственного производства, погодные условия не обусловили его наступления. По его мнению, этот голод явился «самым страшным преступлением Сталина, той катастрофой, последствия которой сказывались во всей последующей истории советской деревни»⁴⁸.

Демографический аспект проблемы в 1990-е годы стал одним из наиболее активно разрабатываемых российскими учеными, в том числе на региональном уровне. Они сумели проанализировать материалы всех довоенных переписей (включая «расстрелянную 1937 года») и официальную статистику естественного и механического движения населения в 1930-е годы. В результате появились серьезные публикации на эту тему, в которых, вслед за В.П. Даниловым, подверглись сомнению высокие цифры жертв голода 1932-1933 годов, приведенные в ряде работ западных исследователей. В первую очередь, речь шла о работах «популярного в России» Конквеста⁴⁹.

1990-е годы стали периодом активного осмысления российскими историками не только темы коллективизации и голода 1932-1933 годов как таковых, но и всей аграрной политики Советского государства в период его существования. События начала 1930-х годов, в том числе сталинский голод, рассматривались в общем контексте взаимоотношений коммунистов и крестьянства. Исследователями были сделаны выводы об антикрестьянской политики Советского правительства, целью которой была эксплуатация деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации страны. Крестьяне оказались людьми «второго сорта», «сырым материалом» для строительства социалистического строя. Ценой огромных жертв, лишений они обеспечили Советской России рывок в индустриальное общество. Поэтому голод 1932-1933 годов стал закономерным явлением в этой цепи событий. Историки указали на преступный характер сталинской политики раскулачивания, которая не могла быть оправдана ни какими сиюминутными соображениями. Ее последствия, также как и насильственной коллективизации в целом, негативно сказались на всей последующей истории советского общества и привели его к гибели⁵⁰.

Одним из самых крупных (если не важнейшим) достижений российской историографии последнего десятилетия XX века стала публикация документов по истории России ушедшего столетия, и особенно советского периода. «Предоставить слово документу» – так можно назвать это направление в современной российской исторической науке⁵¹. Для его успеха решающую роль сыграла так называемая «архивная революция», то есть, рассекречивание огромного массива архивных документов, ранее не доступных исследователям⁵². В 1990-е годы в России вышло в свет не мало документальных сборников, посвященных и затрагивающих историю коллективизации и голода 1932-1933 годов⁵³. Главная их ценность состояла в том, что они содержали документы, публикация которых в советские годы была невозможна по идеологическим соображениям⁵⁴.

Крупнейшим достижением, на наш взгляд, российской и зарубежной науки в 1990-е годы стала публикация серии документальных сборников, посвященных истории коллективизации и советской деревне 1930-х годов, под общим названием «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939». Эти публикации были осуществлены совместными усилиями российских и зарубежных историков. Руководителями большого коллектива исследователей стали ведущие специалисты по данной теме – В.П. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола⁵⁵. В трех томах вышедших в свет сборниках опубликованы уникальные, ранее не доступные исследователям, материалы, характеризующие причины, ход и последствия коллективизации. В данных сборниках представлен широкий комплекс источников из центральных и местных архивов, позволяющий восстановить целостную картину взятых основных аспектов коллективизации и голода 1932-1933 годов. Особый интерес представляют документы Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ), содержащие уникальную информацию о реакции советской деревни на аграрную политику государства в годы коллективизации. В них введены в научный оборот документы, раскрывающие подлинный механизм принятия решений сверху по реформированию деревни, показана персональная роль в этом И.В. Сталина и его ближайшего окружения. Указанные сборники знакомят читателя с большим массивом документов, исходящих непосредственно из крестьянской среды, что

позволяет лучше понять крестьянское восприятие государственной аграрной политики. Третий том серии посвящен периоду 1931-1933 годов и содержит документы, глубоко и всесторонне раскрывающие обстоятельства голода 1932-1933 годов⁵⁶.

Успешное сотрудничество российских и зарубежных ученых в области изучения истории коллективизации и голода 1932-1933 годов не ограничиваются этим примером. В 1990-е годы увидели свет и другие замечательные издания на эту тему, среди которых особенно хочется выделить сборники документов, посвященные «великому перелому» на Рязанской земле и Красной Армии в период коллективизации⁵⁷.

В контексте изучаемой проблемы заслуживают внимания материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», организованного под эгидой Института российской истории РАН и «Интерцентра» Московской высшей школы социально-экономических наук (МВШСН), руководителем которого является В.П. Данилов, где учеными-аграрниками, в том числе зарубежными, на протяжении 1990-х годов рассматривались важнейшие проблемы крестьяноведения, непосредственно относящиеся к истории аграрных преобразований в России в XX веке⁵⁸. Кроме того, проблемы аграрной истории обсуждаются на проходящем в МВШСН ежегодном международном симпозиуме «Куда идет Россия?», историческую секцию которого возглавляет В.П. Данилов⁵⁹. Важнейшим событием для российских специалистов, занимающихся проблемой голода 1932-1933 годов стало заседание семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященного обсуждению доклада Стивена Уиткрофта и Роберта Дэвиса «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.)». Участники семинара пришли к выводу, что причины голода следует рассматривать в комплексе политических, социально-экономических и природно-климатических факторов⁶⁰.

На рубеже 1980-1990-х годов были сделаны первые значительные шаги в исследовании голода 1932-1933 годов в отдельных регионах СССР – СНГ. Появились статьи и монографии, посвященные трагедии 1932-1933 годов на Украине, Северном Кавказе, в Казахстане⁶¹. Первооткрывателем темы в северокавказском регионе стал замечательный историк Е.Н. Осколков⁶². На

материалах местных архивов он дал всестороннюю характеристику ситуации на Дону и Кубани в 1932-1933 годах, показал насильственный характер хлебозаготовок и весь ужас наступившего в регионе голода⁶³.

Региональные исследователи однозначно связывали наступление голода в 1932-1933 годов в зерновых районах страны со сталинской коллективизацией и политикой хлебозаготовок. На рубеже 1980-1990-х годов ими были произведены первые расчеты демографических потерь во время данного голода по отдельным регионам страны⁶⁴.

Тема голода 1932-1933 годов в Поволжье впервые была затронута в публикациях И.Е. Зеленина. В них он охарактеризовал ход хлебозаготовительной кампании 1932 года на Нижней Волге и работу там в декабре 1932 года комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок, возглавлявшейся секретарем ЦК партии П. Постышевым. По его мнению, действия Постышева на Нижней Волге носили «несколько иной характер по сравнению с тем, что осуществляли Каганович и Молотов на Северном Кавказе и Украине». И.Е. Зеленин считает, что крестьяне Нижней Волги в меньшей степени пострадали от голода, чем сельское население Украины, Северного Кавказа и центральных районов Казахстана⁶⁵. На состоявшейся в Москве 15-16 ноября 1989 года Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной проблеме советских немцев, было впервые публично заявлено, что немецкое население Поволжья тяжело пострадало «от принудительной коллективизации, изъятия зерна и последовавшего голода»⁶⁶.

В 1990-е годы в российских регионах и республиках СНГ появились интересные исследования, затрагивающие и специально посвященные голоду 1932-1933 годов. Судя по опубликованной литературе, наиболее интенсивно эта тема изучалась на Украине, Урале, в Сибири, Казахстане и Поволжье.

Особый всплеск интереса к истории голода наблюдался на Украине, где эта тема была крайне политизирована и активно использовалась в политической борьбе. Ярким примером этого стала приуроченная к 60-летней годовщине голода международная научная конференция в Киеве в сентябре 1993 года⁶⁷. Тем не менее, украинскими исследователями и публицистами проделана большая работа по восстановлению полной картины голода на Украине в 1932-1933 годах⁶⁸.

В Казахстане в начале 1990-х годов также появились публикации о страшной трагедии казахского народа в 1932-1933 годах⁶⁹.

Несомненных успехов в разработке истории коллективизации и голода 1932-1933 годов добились в рассматриваемый период историки Уральского региона⁷⁰. Они первыми стали подходить к этой теме комплексно, рассматривать ее как часть более общей проблемы – продовольственной безопасности региона и страны в XX веке. В связи с этим заслуживает самой высокой оценки подготовленный под редакцией Г.Е. Корнилова и В.В. Маслакова библиографический указатель «Продовольственная безопасность Урала в XX веке»⁷¹. Кроме того, следует особо выделить публикации Е.Ю. Баранова об аграрном производстве и продовольственном обеспечении населения Уральской области в 1928-1933 годах, в которых дается всесторонняя характеристика тяжелейшей ситуации в уральской деревне в начале 1930-х годов⁷².

Историки Сибири, обращаясь к периоду начала коллективизации, основное внимание сконцентрировали на двух аспектах: политике раскулачивания и демографических потерях в сибирской деревне в начале 1930-х годов⁷³. Здесь особенно выделяются публикации Н.Я. Гущина и В.А. Исупова, содержащие взвешенные оценки демографических последствий коллективизации и голода в Западной Сибири, основанные на глубокой проработке источников.

В последнее десятилетие XX века появились интересные исследования о жизни крестьянства Европейского Севера России в годы коллективизации. Однако историки ограничили круг своих интересов проблемами коллективизации как таковой, не уделяя специального внимания продовольственному обеспечению деревни. Тем не менее, следует отметить, что они добились значительных успехов в изучении государственных повинностей деревни в 1930-е годы, негативно сказывавшихся на материальном положении колхозников и единоличников⁷⁴.

Из исследований, посвященных анализу ситуации в начале 1930-х годов в деревне Центрально-Черноземного района страны⁷⁵, заслуживает внимания работа П.В. Загоровского о социально-экономических последствиях сталинского голода в данном регионе России⁷⁶.

Активная работа по изучению истории коллективизации и голода 1932-1933 годов проводилась в 1990-е годы и продолжает вестись в настоящее время

историками Поволжья⁷⁷. Они составили карту голода, то есть наиболее пораженных в 1932-1933 годах районов Среднего и Нижнего Поволжья, уделили внимание анализу региональной специфики коллективизации. Так, например, в работах Т.Ф. Ефериной, О.И. Марискина, Т.Д. Надькин и других историков Республики Мордовия показаны особенности коллективизации и голода в этой части Среднего Поволжья⁷⁸. Причем наиболее плодотворно в этом направлении работает Т.Д. Надькин. Положению в начале 1930-х годов в Татарии посвящен специальный сборник документов, составленный казанскими историками А.Г. Галямовой и Р.Н. Гибадулиной⁷⁹. Тема голода 1932-1933 годов в Поволжье получила отражение в краеведческой литературе. Среди опубликованных работ краеведов следует выделить публикации М.С. Полубоярова, в которых использованы оригинальные источники, еще не получившие на тот момент широкого распространения в научной литературе (документы архивов ЗАГС, воспоминания очевидцев)⁸⁰.

Совсем иная ситуация сложилась в Северо-Кавказском регионе. До настоящего времени на тему голода наиболее полными остаются работы уже упомянутого нами выше Е.Н. Осколкова и одного из авторов этой книги Д. Пеннер⁸¹. Кроме того, в научный оборот введены и прокомментированы имевшие большой общественный резонанс письма М.А. Шолохову Сталину о хлебозаготовках 1932 года и голоде 1933 года⁸².

Подводя итог историографическому обзору следует обратить внимание на следующие положения. Российские историки проделали большую исследовательскую работу по изучению обстоятельств трагедии 1932-1933 годов. Главная их заслуга, на наш взгляд, состоит в введении в научный оборот огромного комплекса источников по данной теме, а также ее осмысление в контексте исторического развития России в XX веке. Кроме того, исследователи убедительно доказали крестьянское неприятие коллективизации, их активное противодействие ей в силу ее антикрестьянского характера. Они оказались единодушны в признании факта насильственного характера коллективизации и хлебозаготовок и их трагических последствий для деревни. При этом они по-разному понимают мотивы, которыми руководствовался сталинский режим при их проведении и по-разному относятся к понятию «рукотворный»,

«организованный» голод⁸³. Например, некоторые из них полагают, что «рукотворный голод» был частью «общей политики государства применительно ко всему крестьянству (шире – к народу в целом), а не только к кулачеству», то есть носил открыто антинародный характер⁸⁴. Само понятие «рукотворный голод» обосновывается следующим образом: «О том, что голод носил рукотворный характер, а не был связан исключительно с засухой 1932 года, свидетельствуют следующие факты. Государственные заготовки хлеба в стране в 1932 году составили 1181,1 млн. пудов (83 процента от уровня заготовок в 1931 году), а в 1933 году выросли до 1444,5 млн. пудов. Таким образом, государство располагало запасами, необходимыми для прокорма голодного населения. Вместо этого за 1931-1932 годы было экспортировано около 70 млн. пудов зерна»⁸⁵. Исследователи вкладывают в понятие «рукотворный», «организованный голод» тот смысл, что он наступил в результате деятельности людей, политиков, а не в связи с природными катаклизмами. То есть, голод явился прямым результатом политики коллективизации и хлебозаготовок, которую проводили конкретные властные органы под руководством ЦК партии, Советского правительства и лично Сталина⁸⁶. В то же время, вопрос о правомерности данной терминологии остается открытым. Большинство российских историков объясняют мотивы сталинской политики коллективизации и хлебозаготовок потребностями индустриальной модернизации страны, необходимостью срочного решения зерновой проблемы. В то же время, вопрос о влиянии на аграрную политику Сталина, в том числе во время голода 1932-1933 годов, международной обстановки не получил еще должного освещения в литературе⁸⁷.

На региональном уровне, как видно из опубликованных работ, воспроизводятся выводы ведущих московских историков. Однако их ценность состоит в конкретизации известных положений на материалах провинциальных архивов. В то же время, необходимо констатировать, что региональная историография бедна обобщающими работами на тему коллективизации и голода 1932-1933 годов, содержащих глубокий и всесторонний анализ⁸⁸.

Еще одним выводом, на наш взгляд, принципиального значения является вывод о совпадении оценок основных событий 1932-1933 годов в советской деревни, содержащихся в работах российских и зарубежных исследователей,

основанных на солидной источниковой базе. Этот факт свидетельствует о плодотворности и целесообразности научного сотрудничества ученых разных стран в области изучения истории России, в том числе голода 1932-1933 годов, как на общероссийском, так и региональном уровне.

Примечания

¹ См.: *Осколков Е.Н.* Голод 1932-1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: Київ, 1995. С.116.

² См.: Голод 1932-1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем Ленинизма. 1990. 8 апреля. С. 69.

³ *Malcolm Muggeridge*, *Chronicles of Wasted Time* (London, 1972), 257; *William Chamberlin*, *Russia's Iron Age* (Boston, 1934), 88-89; *Italian Diplomatic and Consular Dispatches // Investigation of the Ukrainian Famine 1932-1933: Report to Congress* (Washington, 1988), 424.

⁴ См. об этом подробнее: ШФГАРО (Шахтинский филиал Государственного архива Ростовской области). Ф.Р-186. Оп. 1. Д. 421. Л. 172; *Dana G. Dalrymple*. *The Soviet Famine of 1932-1934 // Soviet Studies XV* (January 1964): 269; *Кондрашин В.В.* Голод 1932-1933 годов в деревне Поволжья. Дисс. канд. ист наук. М., 1991. С. 112; *Execution by Hunger: The Hidden Holocaust* (New York, 1985), 151.

⁵ *Robert Conquest*. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine*. New York; Oxford. Oxford University Press, 1986. *Он же*. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом (Пер. с англ. И. Козн и Н. Май. Под ред. М. Хейфеца). Лондон, 1988.

⁶ *Он же*. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // *Новый мир*. 1989. № 10. С. 179-200; *Он же*. Жатва скорби: реестр голода // *Вопросы истории*. 1990. № 1, 4. С. 86, 93, 96. № 1. С. 137-160; *Он же*. Жнива скорботи: Радянська колективізація і голодомор / Пер. з англ. К.: Либідь, 1993

⁷ *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 409-410.

⁸ Там же. С. 441.

⁹ Там же. С. 442.

¹⁰ Там же. С. 411.

¹¹ Там же. С. 445.

¹² *Merl S.* “Entfachte Stalin die Hegersnot von 1932-1933 zur Auslöschung des ukrainischen Nationalismus?” *“Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 37 (1989): 569-90;* *Он же.* Голод 1932-1933 годов геноцид украинцев для осуществления политики руссификации? // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 49-61.

¹³ *Он же.* Entfachte Stalin. P. 575-76.

¹⁴ См. напр.: *Arch Getty*, “Starving the Ukraine”, a review of *The Harvest of Sorrow*, ”*London Review of Books*”, 22 January 1987, 7.

¹⁵ См.: *Mark B. Tauger*, “The 1932 Harvest and the Famine of 1933”, *Slavic Review* 50, no. 1 (Spring 1991): 70-89; *Тaugер М.Б.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // *Голод 1932-1933 годов.* М., 1995. С. 14-42; *Он же.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // *Судьбы российского крестьянства.* М., 1996. С. 298-332

¹⁶ См.: *James E. Mace.* *The Famine of 1933: A Survey of Sources // Famine in Ukraine 1932-1933.* (Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1986). P.50; *Он же.* *The Man-Made Famine of 1933 in the Soviet Ukraine: What Happened and Why? // Famine in Ukraine, 1932-1933.* Edmonton, 1986. P. 79-80; *Dana G. Dalrymple.* *The Soviet Famine of 1932-1934 // Soviet Studies XV (January 1964): 250-284;* *Moshe Lewin*, “Taking Grain: Soviet Policies of Agricultural Procurements Before the War // *The Making of the Soviet System (New York, 1985), 174;* *Mace J.E.* *The American press and Ukrainian famine // Genocide Watch.* New-Haven; L., 1992. P. 117-132; *Morison D.J.* *The Soviet Peasantry’s Expenditure in Socialized Trade, 1928-1934 // Soviet Studies.* Glasgow, 1989. Vol. 41. № 2. P. 175-195; *Andrea Graziozi.* *The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917-1933.* Ukrainian Research Institute Harvard University, 1996 и др.

¹⁷ *Getty, 7; Merl.* Entfachte Stalin, 570-71.

¹⁸ **Mark Mazower*, *Inside Hitler’s Greece: The Experience of Occupation, 1941-44 (New Haven, 1993), 45.*

¹⁹ **Petro Dolyna*, *Famine as Political Weapon //The Black Deeds of the Kremlin: A White Book*, ed. S.O. Pidhainy (Detroit, 1955), 2: 113.

²⁰ Это выражение принадлежит Виктору Кравченко, эмигрантскому автору, который в 1933 году, будучи молодым партийным активистом, принимал участие в сборе урожая в Днепропетровском районе. Она является литературным

оборотом, эмоционально передающим основную мысль автора: *I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official* (New York, 1946), 118.

²¹ См.: *Petro Dolyna, *Famine as Political Weapon*, 30-33, 42; *Conquest. The Harvest of Sorrow*, 220-27, 237-38.

²² Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 38.

²³ Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932-1933 годов. Итоговый отчет 1990 год. (Перевод с английского). Киев, 1992. С. 57; Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932-1933 гг. на Украине // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С. 11.

²⁴ *Viola L. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929-1930: A Re-evaluation of the Legislation // Slavic Review. Vol. 45. No. 3 (fall 1986). P. 503-524; Она же. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987; Она же. Guide to Document Series // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. New York, Armonk. 1990; Она же. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1996; Sheila Fitzpatrick. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. New York, Oxford University Press, 1994; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. М., 2001 и др.*

²⁵ Она же. Сталинские крестьяне. С. 84.

²⁶ *Stephen G. Wheatcroft. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s // Stalinist Terror: New Perspectives* (edited by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. Cambridge University Press, 1993. P. 280, 290; *Он же. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930-45 // Europe-Asia Studies. Vol. 48. No. 8, 1996 1319-1353; Он же. Soviet Industrialization Project Series. № 11: *The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Birmingham; Он же. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s. // Stalinist Terror: New Perspectives. Ed. J. Arch Getty and Roberta T. Manning. New York. 1993; Он же и Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре «Современные*

концепции аграрного развития» // Отечественная история. 1998. № 6. С. 95-109; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913-1945. Ed. Davies R.W., Harrison M. and Wheatcroft S.G. Cambridge. University Press, 1994. P. 74-76 и др.

²⁷ *Davies R.W.* The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929-1930. Cambridge, MA. 1980; *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России (СССР). 1905-1930. М., 1996; *Lewin M.* Russia / USSR / Russia: The Drive and Drift of a Superstate. N.Y., 1995; *Он же.* Режимы и исторические процессы в России XX в. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Международный симпозиум 12-14 января 1996 г. М., 1996. С. 4-11; *Максудов С.* Демографічні втрати населення Україні в 1930-1938 рр. Укр. іст. журн. 1991. - № 1. С. 121-127; «Медынское дело» в Красной Армии или рассказ о том, как проводилась раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 года // The Stalin-Era Research and Archives Project. University of Toronto. Centre for Russian and East European Studies, Munk Centre for International Studies. Working paper. No. 6. 2000;

²⁸ *Hiroshi Okuda.* A History of Soviet Economic Policy: Market and Promysly 1921-1932, Tokyo University Press, 1979; *Он же.* The Making of Soviet Collective Farms: the End of the Russian Peasant Community, Iwanami-shoten, 1990; *Он же.* Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929-1934, Tokyo University Press, 1996; *Он же.* From Nomadism to Collective Farm // Т. Okada (ed.), Historical Origins of Contemporary States (Gendai Kokka no Rekishiteki Genryu), Tokyo University Press, 1983; *Он же.* Grain Procurement Crisis: 1927/28 Soviet Agricultural Year // Journal of Economics (Keizaigaku Ronshu), University of Tokyo, Vol. 67, no.1, no.4. Все названные публикации изданы на японском языке.

²⁹ *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 219-221.

³⁰ См.: *Баранов Е.Ю.* Причины и последствия голода 1932-1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 95-100; *Булкина Л.В.* Сравнительная англо-американская и отечественная историография проблем преобразования сельского хозяйства в 20-30 гг. в Среднем Поволжье. (К постановке проблемы) // XXVI Огаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции. В 3-х т. Саранск, 1993. С. 13 и др.

³¹ Самым осязаемым подтверждением успеха стали совместные публикации российских и зарубежных исследователей, кульминацией которых, на наш взгляд, является пятитомная серия «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»: см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927-ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930 - 1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001.

³² Ленин и Сталин о труде. М., 1941. С. 547, 548, 555.

³³ Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., 1974. С. 389.

³⁴ Он же. Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов – 1927-1934 гг. Автореф... дис. докт. ист. наук. М., 1951. С. 23.

³⁵ Большая Советская Энциклопедия. Т. 41. М., 1939. С. 593-604.

³⁶ См. напр.: Социально-экономическое развитие деревни Среднего Поволжья в период социализма. Казань, 1986. С. 6-10.

³⁷ См. напр.: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963; *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС (1933-1934 гг.) // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 42-62; *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966; *Каревский Ф.А.* Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927-1937 гг.). Куйбышев, 1970; *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М., 1971 и др.

³⁸ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963. С. 41, 45, 54-56.

³⁹ Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917-1969). М., 1970. С. 276.

⁴⁰ *Алексеев М.* Хлеб – имя существительное // Звезда. 1964. № 1. С. 37; *Он же.* Сеятель и хранитель // Наш современник. 1972. № 9. С. 96; *Он же.* Драчуны. М., 1982; *Стаднюк И.* Люди не ангелы. М., 1975.

⁴¹ См. напр.: *Щербак Ю.* Царь-Голод // Собеседник. 1988. № 49; *Дяченко С.* Страшный месяц пухкутень // Огонек. 1989. № 27. С. 23-25; Крестьянский архив // Сельская жизнь. 1989. 16, 23 февраля, 2 марта, 6 июля, 22, 30 августа; *Заворотный С., Положевец П.* Операция «голод» // Комсомольская правда. 1990. 3 февраля; Голод рукотворный: К 60-летию народной трагедии // Независимая газета. 1993. 29 апреля. С. 5. и др.

⁴² *Горбачев М.С.* Об аграрной политике КПСС в современных условиях (Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева 15 марта 1989 г. // Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15-16 марта 1989. С. 41.

⁴³ История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 256, 265.

⁴⁴ См.: *Данилов В.П.* У колхозного начала // Советская Россия. 1987. 11 октября; *Он же.* Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. № 16. С. 35-36; *Он же.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. о «демографической катастрофе» 30-40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116-121; *Он же.* Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сентября; *Он же.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7-30; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. М., 1989. С. 45; *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3-19; *Он же.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6. С. 31-49; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988; *Он же.* Даешь коллективизацию // Молодой коммунист. 1988. № 4. С. 84-86; *Он же.* Горькие уроки // Молодой коммунист. 1989. № 11. С. 68-69 и др.

⁴⁵ См.: *Данилов В.П., Роберта Маннинг, Линн Виола.* Редакторское вводное слово // Трагедия советской деревни. Т. 1. . С. 7-12; *Он же.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии // Там же. С. 13-67; *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933-1934 гг.) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42-61; *Он же.* Коллективизация и единоличник (1933-й

первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35-55; *Он же*. Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105-121; *Он же*. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 18-42; *Он же*. *Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н.* О голоде 1932-1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256-262; *Он же*. И.В.Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998. С. 228-230; *Он же*. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114-123; *Он же*. Введение (Кульминация крестьянской трагедии) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930 - 1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 7-47; *Ивницкий Н.А.* Раскулачивание и депортация крестьян в начале 30-х годов // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 149-163; *Он же*. Голод 1932-1933 гг.: Кто виноват? // Лекции по отечественной истории. М., 1992. С. 18-46; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): Учеб. пособие для вузов и школ. М., 1999; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; *Он же*. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С. 43-66; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Кооперативный план: иллюзии и действительность. Сб. статей. М., 1995; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249-297; *Он же*. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 333-363; *Он же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). М., 2000; *Он же*. Раскулачивание и депортация зажиточной части деревни. (Конец 20-х – начало 30-х годов) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12-16 сентября 2000 г. М., 2000. С. 178-181; *Она же*. Введение (Развертывание сплошной коллективизации) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. С. 7-29 и др.

⁴⁶ См.: *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов); *Она же*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.).

⁴⁷ См. напр.: *Анфимов А.М., Вылцан М.А.* Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 143-149; *Булкина Л.В.* Социальная история крестьянства периода коллективизации сельского хозяйства в СССР (1927-1933 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Саранск, 2000; *Гинцберг Л.И.* Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1999. № 10; Голод 1933 года / Публ. Гончаренко О.И., Чингенкова А.П. // Советские архивы. 1990. № 6. С. 45-46; Голод 1932-1933 годов: Сб. статей / Отв. ред., вступит. статья Ю.Н.Афанасьева. М., 1995; *Коновко А.* Мор // Русский архив. 1992. Вып. 2. С. 209-248; *Мухин Ю.* А был ли голод в СССР // Завтра. 1994. № 49. С. 3; *Непешин Н.* Неизвестный голод // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1994. Вып. 5. С. 227-244; *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993; *Она же*. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1917-1941. М., 1997; *Она же*. Распределение и рынок в снабжении населения СССР в годы первых пятилеток, 1928-1941. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1998; *Стреляный А.И.* Без патронов. Сталинская поспешность // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 493-525; *Хандурина Е.В.* Первая колхозная весна: производственный аспект (по сводкам уполномоченных Наркомзема СССР, Колхозцентра, ОГПУ) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 234-242; *Хубова Д.Н.* Черные доски: TABULA RASA. Голод 1932-1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932-1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 67-88; *Щагин*

Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век: Сб. научных трудов. М.- Тамбов, 1999. С. 280-289; *Он же.* Документы истории «революции сверху» // Власть и общество России. XX век: Сб. научных трудов М.- Тамбов, 1999. - С. 318-333 и др.

⁴⁸ Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3. С. 51-55.

⁴⁹ *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х гг. в СССР. С. 121.

⁵⁰ *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза, 1922-1991. М., 1993; *Араловец Н.А.* Основные направления в изучении потерь населения 30-х годов в отечественной историографии // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13-14 мая 1992 г. М., 1992. С. 81-83; *Она же.* Потери населения России и СССР в конце 20-х – 30-е годы в историографии // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 68-81; *Она же.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: Проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 137-141; *Винокуров Г.Ф.* К вопросу сокращения сельского населения на рубеже 20-30-х гг. (переписка писателя Ф.В. Гладкова как исторический источник) // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 128-143; *Жиромская В.Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 4. С. 84-104; *Киселев И.Н.* Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 51, 60, 65, 67; *Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. I.* М., 2000; *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их было? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18-26; *Она же.* Демографические процессы и централизованное распределение продовольствия в 1933 г. // Россия и США на рубеже XIX – XX вв. М., 1992; *Она же.* The Victims of the Famine of 1933: How Many? (An Analysis of Demographic Statistics of the Central State Archive of the Na-

tional Economy of the USSR // Russian Studies in History, Fall, 1992. Vol. 31; *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175-181 и др.

⁵¹ *Анисков В.Т.* О перманентной «революции сверху» и социальном насилии над крестьянством // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 317-320; *Бурдуков П.* Стратегия голода и земельный вопрос. М., 1995; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Она же.* Советские аграрные преобразования и их уроки // Реформы и реформаторы в истории России. Сборник статей. М., 1996. С. 174-175; *Вылцан М.А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 364-386; *Он же.* Репрессии против крестьян 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.). Сборник статей. М., 1999. С. 236-265; *Голоса крестьян.* Сельская Россия XX в. крестьянских мемуарах. М., 1996; *Кирьянова Е.А.* К вопросу о выработке основ аграрной политики советского государства в 1934 году // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 1998. С. 247-250; *Кознова И.Е.* Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 212-232; *Она же.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; *Наухацкий В.В.* Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития. М., 1993; *Он же.* Аграрные реформы в России: 1861-1993 гг.: Курс лекций. Зерноград, 1993; *Он же.* Аграрные реформы в России как фактор модернизации: итоги, содержание, последствия // Российская историческая политология. Ростов-на-Дону, 1997; *Никольский С.А.* Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. С. 223-239; *Никонов Н.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М., 1995; *Попов В.П.* Государственный террор в Советской России, 1923-1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20-31; *Он же.* Хлеб под большевиками //

Новый мир. 1997. № 8. С. 175-190; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996 и др.

⁵² Само выражение «предоставить слово документу» имеет давнюю историю, но применительно к аграрной тематике, можно сказать, что его авторство принадлежит крупнейшему российскому историку-аграрнику В.В. Кабанову. В.В. Кондрашин был очевидцем его выступления в начале 1990-х годов на ученом совете Института российской истории РАН, где заслушивалась информация В.П. Данилова о ходе работы над международными проектами «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни». В.В. Кабанов высоко оценил идею и предварительные результаты работы участников проектов и назвал ее работой в рамках очень своевременного и ценного для науки направления – «предоставить слово документу».

⁵³ В конце 1980-х – начале 1990-х годов в российских архивах было практически ликвидировано секретное хранение материалов дореволюционного периода. Государственный архивный фонд удвоился – к 93 миллионам дел прибавилось еще 100 миллионов в результате передачи на государственное хранение в центре и на местах бывших архивов КПСС и КГБ (См.: Кондрашин В.В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. 26-27 июня 2000 г. Пенза, 2000. С. 87.

⁵⁴ Документы и материалы по аграрной истории России (X-XX вв.). Вып. 2. (XX в.) / Под ред. В.М. Долгова. Саратов, 1996. С. 145-151; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1990; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925-1936 гг. Сборник документов. / Составители: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995; Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: Хроника головокращения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М., 1998; Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Издательство Самарского научного центра РАН; 2000 г.; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-1945. (Сб. документов). /Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. – Новосибирск, 1992-1996. Вып. 1-4; 33-й: голод: Народна Книга-Мемориал / Упоряд.: Л.Б.

Коваленко, В.А. Маняк. Київ: Рад. письменник, 1991; Черный перелом / Сост. Астанков Ю.В. Сборник документов о голоде 1931-1933 гг. – Самара, 1992 и др.

⁵⁵ О документальных публикациях по истории коллективизации в советский период см.: *Данилов В.П., Кондрашин В.В.* Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 г. по 1998 г. // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 765-767.

⁵⁶ О данных проектах и изданиях см. подробнее: *Мякинъков С.И.* Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX в. //Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999 /Под ред. В.Данилова, Т.Шанина. М., 1999. С. 299-306.

⁵⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927-ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930 - 1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001

⁵⁸ См.: Коллективизация и Рязанский округ. 1929-1930 гг. Рязанская деревня в 1929-1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М., 1998. С. XXXIII-XLV; Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.) / Отв. ред.-сост. Васильев В., Виола Л. Винница, 1997; Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.) / Отв. за исслед. Фабио Бетганин. Сост. Андре Романо, Н. Тархова. Наполи, 1996 (на русском и итальянском языках); Сталинизм в российской провинции / Отв. ред. Роберта Манниг и др. Смоленск, 2000 и др.

⁵⁹ См. подробнее о семинаре: *Бабашкин В.В.* Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается //Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 280-288.

⁶⁰ См.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития /Под ред. Заславской Т.И. и Арутюнян Л.А. М., 1994; Куда идет Россия?... Социальная

трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1996; Куда идет Россия?...Общее и особенное в современном развитии /Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1997; Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год /Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1999; Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.

⁶¹ См.: Отечественная история. 1998. № 6. С. 95-109.

⁶² См. напр.: *Алексеев И., Ларкин В.* Председатель комиссии. Штрихи к политическому портрету Л.Кагановича // Советская Кубань. 1988. 23 ноября; *Кульчицкий С.В.* Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С. 33; *Он же.* Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть 1. Донецк, 14-16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38-39; *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 65-67; *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991 и др.

⁶³ См.: *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933; *Он же.* Хлебозаготовки и голод 1932-1933 гг. в Северо-Кавказском крае // Донской юридический институт: Ученые записки. Памяти Е.Н.Осколкова (К 75-летию со дня рождения). Т. 16. Сб. трудов проф. Осколкова Е.Н., воспоминаний, статей его учеников и коллег. Ростов-на-Дону, 2001. С. 6-95.

⁶⁴ В.В. Кондрашин искренне благодарен Е.Н. Осколкову за его согласие быть официальным оппонентом на защите его кандидатской диссертации, посвященной голоду 1932-1933 годов в Поволжье. Е.Н. Осколков всегда оставался порядочным человеком и принципиальным ученым. Об этом свидетельствует его выступление на состоявшейся в сентябре 1993 года в Киеве международной конференции, приуроченной 60-летию голодомору. В условиях антикоммунистических и антироссийских настроений, царивших на конференции, Е.Н.Осколков не побоялся специально заострить внимание участников конференции на факте массовых репрессий в период хлебозаготовок в отношении рядовых коммунистов. Он указал на необходимость учета и их в общем мартирологе жертв голода 1932-1933 годов и сталинских репрессий.

⁶⁵ См. напр.: Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть 1. Донецк, 14-16 мая 1991 г. М., 1991. С. 38-39, 45-46, 51-52.

⁶⁶ *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. С. 16-17.

⁶⁷ Советские немцы: история и современность (Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 15-16 ноября 1989 г. М., 1990. С. 37.

⁶⁸ См. примечания с информацией В.В.Кондрашина об этой конференции.

⁶⁹ См. напр.: *Васильев В.* Крестьянские восстания на Украине, 1929-30 годы // Свободная мысль. 1992. № 9; Голод 1932-1933 гг. на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. Киев, 1990. № 8. С. 64-86; Голод на Украине: (1931-1933 гг.) / Публ. Шаталина Е.П., Марочко В.И. // Укр. іст. журн. 1989. № 7. С. 99-111; № 8. С. 105-106; № 9. С. 110-121; № 11. С. 78-90; 1990. № 1. С. 104-106; Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9-10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1994; Коллективізація і голод на Україні. 1929-1933. Сб. документів і матеріалів [Відп. ред. С.В.Кульчицький]. Київ, 1992; *Перковський А.А., Пирожков С.И.* К истории демографического развития 30-40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 183; *Пирожков С.И.* Потери демографического потенциала Украины в результате катастроф 1930-40 гг. // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Часть I. Донецк, 14-16 мая 1991 г. М., 1991. С. 5-6; *Рудницький О.П.* Демографічні наслідки голоду 1932-1933 рр. в Українській РСР // Історія нар. госп-ва екон. Думки УРСР. Київ, 1990. Вип. 24. С. 22-26; *Ткаченко В.В.* 1933-й: хроника голодного геноцида // Филос. и социол. мысль. Киев, 1991. № 1. С. 101-111; *Ілля Шульга.* Людомор на Поділлі (до 60-річчя голодомору). Республіканська асоціація українознавців, 1993; *Он же.* Голод 1933 р. на Поділлі // Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки. С. 141 и др.

⁷⁰ Голод в Казахской степи: / Письма тревоги и боли / Сост.: С.Абдирайымов и др. Алма-Ата: Казак университет, 1991; *Михайлов В.Ф.* Хроника Великого Джута: Документальная повесть. Алма-Ата, 1990; *Хасанов М.Н.* К вопросу о судебных преследованиях трудового крестьянства в годы голода 1931-1933 гг. //

Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1990. С. 192-197 и др.

⁷¹ См.: *Алексеева Л.В.* Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.): Дисс...канд. ист. наук. Курган, 1998; *Базаров А.А.* Кулак и агроулаг: [Коллективизация на Урале]. Челябинск, 1991. Ч. 1; *Боже В., Непеин Н.* Жатва смерти (Голод в Челябинской губернии в 1921-1922 гг.): Материалы в помощь учителю. Челябинск, 1994; *Давлетишин Р.А.* «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа, 1993; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 37-62; *Еремин А.С.* Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский Феномен): Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997; *Плотников И.Е.* «Ликвидация кулачества как класса» на Урале // Крестьянское хозяйство: История и современность: Мат. к Всеросс. науч. конф. Вологда, октябрь 1992 г. Вологда, 1992. Часть 2. С. 38-40; *Он же.* О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3. С. 77-91; *Пушкарев Н.Г.* Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества (на материалах Шадринского округа) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1992. Вып. 4. С. 27-32; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. 1930-1936. (Сб. документов). / Сост. Т.И.Славко, А.Э.Бедель. Екатеринбург, 1993; Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). (Сб. документов). / Сост.: Байда Е.В. Екатеринбург, 1996 и др.

⁷² См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900-1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. Г.Е.Корнилова, В.В.Маслакова. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 16-141.

⁷³ См.: *Баранов Е.Ю.* Документы Уралобкома ВКП(б) и облисполкома как источник по голоду 1932-1933 гг. на Урале // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий: Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 335-338; *Он же.* Типология исторических документов по голоду 1932-1933 гг. на Урале // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 127-129; *Он же.* Сельскохозяйственная статистика как источник изучения голода на Урале в 1932-1933 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и сообщений

Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 134-137; *Он же*. Источники по голоду 1932-1933 гг. на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы 4-й регион. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 230-232; *Он же*. Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928-1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народнохозяйственного учета) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Пятые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2001. С. 17-20; *Он же*. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930-1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования: Шестые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 53-58; *Он же*. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928-1933 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

⁷⁴ См.: *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х - 1930-е годы). М., 1995. С. 164-169; *Гущин Н.Я.* Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991. С. 92-94; *Он же*. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 24-25; *Он же*. Раскулачивание в Сибири (1928-1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 133-135; *Исупов В.А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 182-184; *Он же*. Демографические последствия голода 1932-1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири, 30-80-е гг. (Ист. опыт и совр. пробл.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 11-19; *Он же*. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 81-83; *Он же*. Смертность населения Западной Сибири (1932-1933 гг.) // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14-16 мая 1991 г. Часть I. С.45-46; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского

хозяйства. 1930-1940: Хроник.-док.сб. / Отв. ред. В.А.Ильиных, О.В.Кавцевич). Новосибирск, 2000 и др.

⁷⁵ См.: *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001; *Глумная М.Н.* Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933-1937 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1994; *Доброноженко Г.Ф.* Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994; Из истории раскулачивания в Карелии, 1930-1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Сост. Л.И. Драздович, А.Ю. Жуков, В.Г. Макуров, О.А. Никитина, А.Т. Филатова. Петрозаводск, 1991; *Изюмова Л.В.* Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х – 1950-е гг. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Вологда, 2001; *Никитина О.А.* «Ликвидация кулачества как класса» в Карелии // Крестьянское хозяйство: История и современность: Мат. к Всеросс. науч. конф. Вологда, октябрь 1992 г. Вологда, 1992. Часть 2. С. 42-44; *Она же.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии. Автореф. дис...канд.ист.наук. М., 1993; *Она же.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929-1932 годы). Петрозаводск, 1997 и др.

⁷⁶ См.: *Гатилов Э.В.* Исторические и социально-психологические аспекты развития крестьянства Черноземья (1927-1941). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998; *Есиков С.А., Кузнецова Э.Н.* Голод 1932-1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992 и др.

⁷⁷ *Загоровский П.В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998.

⁷⁸ См.: *Балакин Д.Б., Кондрашин В.В.* Карта голода 1932-1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13-14 мая 1992 г. М., 1992. С. 78-79; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Часть II. Автономная республика 1924-1941. Саратов, 1994; *Кондрашин В.В.* Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья(по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 164-170; *Он же.* The 1932-33 Famine in the Villages Along the Volga //Russian Studies in History. Fall 1992 /Vol.31, No.2.

Р.19-30; *Он же*. Голод 1932-1933 годов в Пензенской деревне // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Пенза, 1992. С.112-116; *Он же*. Организованный голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Крестьяне и власть. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. С.101-102; *Он же*. Голод 1932-1933 гг. в деревнях Поволжья // Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9-10 вересня 1993 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 123-132; *Он же*. Документы архивов бюро ЗАГС как источник по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68-72; *Он же*. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. М., 1995. С. 115-123, 378-380; *Он же*. Голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып.3. Саратов, 1996. С. 92-99; *Он же*. История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Под ред. В.Данилова, Т.Шанина. М., 1997. С. 176-216; *Озеров О.В.* К вопросу о крестьянских переселениях на Средней Волге во второй половине 1920-х – середине 1930-х годов // Исторические записки. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Пенза, 1999. С. 136-142; *Он же*. Миграция сельского населения во второй половине 1920-х – середины 1930-х годов (по материалам Среднего Поволжья). Автореф. дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2000; *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127-137; *Ренсков А.В.* Пензенская деревня в 1926-1933 гг. // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 2000. С. 290-299; *Савельев С.И.* Раскулачивание: истоки, цели, методы, следствия (на материалах Нижне-Волжского края АССР немцев Поволжья) // Аграрный вопрос в России при формировании рынка. Саратов, 1993. С. 143-155; *Он же*. Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х – начала 30-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Автореф. дисс...канд.ист.наук. Саратов, 1994; *Он же*. Общественно-политические настроения крестьянства накануне коллективизации и раскулачивания // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 86-92; *Ташпекоев Г.А.* Деревенская

частушка 30-х годов XX века. Опыт классификации // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 115-126; *Он же*. Деревенская частушка 30-х годов XX века. Опыт классификации // Дискуссии по истории Отечества. Сборник статей. Симферополь, 1997. С. 139-149 и др.

⁷⁹ См.: *Еферица Т.В.* Крестьянская община в период коллективизации (по материалам ЦГА РМ) // Проблемы истории Мордовского края. Саранск, 1993; *Еферица Т.В., Марискин О.И., Надькин Т.Д.* Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920 – начале 30-х годов. Саранск, 1997; *Надькин Т.Д.* Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 гг. (По материалам ЦГА РМ) // Вестник Мордовского университета. 1994. № 1; *Он же*. Сплошная коллективизация и раскулачивание крестьянских хозяйств в Мордовии (осень 1929 – 1932 гг.). Автореф. дис...канд. ист. наук. Саранск, 1996; *Он же*. Кровавое лето 1931-го года // Странник. 1996. № 3; *Он же*. Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931-1932 гг. Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Саранск, 1997. Вып. 113. С. 100-112; *Он же*. Раскулачивание и депортация крестьянских хозяйств в 1931-1933 гг. // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских чтений. Сб. ст. Саранск, 1997. С. 153-156; *Он же*. Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии. // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. науч. ст. Саранск, 1998. Вып. 1. С. 37-50; *Он же*. Формы противодействия крестьян Мордовии политике Советского государства в деревне в 1929-1932 гг. // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. науч. ст. Саранск, 1998. Вып. 1. С. 144-147; *Он же*. Хлебоготовки и голод начала 30-х гг. в деревне Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. Саранск, 1999. Вып. 2. С. 45-49; *Он же*. Налогообложение «кулацких хозяйств» в первой половине 30-х годов (по материалам Мордовии) // Актуальные вопросы истории и этнологии: Сб. ст. Саранск, 2001. Вып. 3. С. 44-49; *Он же*. Коллективизация и раскулачивание в Мордовии в начале 30-х годов: Программа курса по выбору. Саранск, 2001; *Филатов Л.Г.* Коллективизация в Мордовии: Проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 188-199 и др.

⁸⁰ См.: «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.): Сб. док. и материалов / Составители: А.Г.Галямова, Р.Н.Гибадулина). Казань, 1999.

⁸¹ См.: *Мошнин Н.И., Полубояров М.С.* История Малосердобинского района. Пенза, 1989. С. 77-88; *Полубояров М.* Зачеркнутая строка, или организованный голод // Волга. 1991. № 4. С. 127-137.

⁸² *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае; *Он же.* Голод 1932-1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932-1933 pp. в Україні: Київ, 1995. С.115-119; *D'Ann R.Penner.* Stalin and the Ital'ianka of 1932-1933 in The Don region // Cahiers du Monde russe, 39(1-2), janvier-juin 1998, pp. 27-68; *Она же.* The «Agrarian Strike» of 1932-1933 // Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional paper. # 269. P. 1-53 и др.

⁸³ *Шолохов М.* «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю.Мурина) // Родина. - 1992. - № 11-12. - С. 51-57; *Шолохов М.* «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» (Публикация Ю.Мурина) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 535-557; Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. Мурина Ю.Г. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3-24; «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» / Публ. Мурина Ю. письма М.А.Шолохова Сталину о хлебозаготовках 1932 и голоде 1933 гг. // Родина. 1992. № 11/ 12. С. 51-57 и др.

⁸⁴ Об этом см. подробнее: Отечественная история. 1994. № 6. С. 95-109.

⁸⁵ См.: *Попов В.* Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 182.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См. напр.: *Зеленин И.Е.* Введение (Кульминация крестьянской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 34; *Кондрашин В.В.* Организованный голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Крестьяне и власть. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. С.101-102; *Он же.* Голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып.3. Саратов, 1996. С. 92-99.

⁸⁸ В фундаментальном пятитомном издании «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» использованы документы всех центральных архивов страны, за исключением Архива внешней политики РФ.

⁸⁹ В их ряду, на наш взгляд, можно отметить лишь вышеупомянутые монографии Е.Н. Осколкова (Ростов-на-Дону) и П.В. Загоровского (Воронеж).

Личный Надел (Укрепленный надел в личную собственность домохозяев) в России во время

Столыпинской аграрной реформы:

укрепление, сделка, завещание и наследование, семейный раздел,
дробление

1. Общее положение¹

- 1□ Одно из самых больших различий, которые существовали между Европейскими странами и Россией, есть то, что не только общинное землевладение, но и семейная собственность существовали среди крестьян еще в начале 20 в., и правительством они крепко охранялись в качестве одного из самых действенных предотвратительных средств против пролетаризации крестьян. Российское правительство придерживалось такого принципа до революции 1905 г. В результате, между традиционной семейной собственностью российских крестьян и европейской личной индивидуальной собственностью существовала неизмеримая глубокая пропасть.
- 2□ После революции 1905 года произошло революционное изменение в сфере права на землю и в имущественном соотношении в крестьянской семье в силу Указа 9 ноября 1906 г. 1. Крестьяне передельной общины имели право требовать в любое время выйти из общины, и такие участки составляли личную собственность домохозяев. 2. Общества и имеющие отдельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землею, признались перешедшими к подворному владению. 3. Участки, предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею составляли личную собственность домохозяев. 4. Усадебные участки при общинном землевладении составляли личную собственность домохозяев.

¹ Подробнее в статье Чоя Джаедонга, Личный надел (Укрепленный надел в личную собственность домохозяев) в России во время Столыпинской аграрной реформы, *Кейзайгаку-Роншу (Токийский университет)*, Т. 65, вып. 4 (янв. 2000 г.).

Таким образом указом 9 ноября 1906 г. был отвергнут принцип семейной собственности которая крепко сохранялась Сенатом, и была установлена личная собственность домохозяев. Появилась совсем новая категория землевладения, которое было не общинным, и не подворным, и не семейной собственностью. Это были укрепленные наделы в личную собственность домохозяев (личные наделы). Поэтому революционное изменение коснулось общей стороны жизни и сознания крестьян, чего российские крестьяне никогда не испытывали.

□3□ Во время наделения 77% общин получило свои наделы на общинное землевладение. С этим они получили право на передел, но многие общины на самом деле ни разу не использовали этого права. В таких непеределных общинах внедрилось совсем другое правовое сознание, резко отличающееся от переделных общин. В этих общинах право общины переделывать землю для равенства считалось криминальным. Имея в виду такое различие, российское правительство считало хозяйства в этих общинах перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению (ст. 1). По результату исследования через МВД (по циркуляру 20 декабря 1910 г.) на основании материалов собранных в 40 губерниях, число домохозяев принадлежащих к такой общине насчитывало 3,716,770. Таким образом общее число домохозяйств которые перешли в личную собственность через Столыпинскую аграрную реформу т. е. с 1907 г. по 1915 г. достигло приблизительно 9,453,510. Но число непеределных домохозяев после исследования 1910 г. почти на 20% увеличилось, потому что исследование 1910 г. было недостаточным и местные земские начальники постарались включить как можно большее число общин в непеределные. Поэтому общее число хозяйств, которые перешли в личную собственность в течение Столыпинской реформы, должно было быть больше вышеизложенного и достигнуть приблизительно три четверти всех крестьянских домохозяев Европейской России.

□4□ Эти укрепленные наделы в личную собственность имели двойной аспект, то есть личная собственность и надел. Статьей 39 закона 14 июня 1910 г. было установлено следующее: Участки, укрепленные в личную собственность подчиняются, как до, так и после выдела их к одному месту, действию правил о наделных землях. Что такое правила о наделных землях □ 1. Изъятие наделных земель от обращения взыскания по долгам владельца, 2. Земли наделные можно отчуждать только лицам крестьянского сословия, 3.

Нельзя закладывать наделные земли частным лицам и частным учреждениям.

- 5□ Что касается подсудности по гражданскому иску, связанному с личными наделами, то из-за двойного характера личного надела она стала камнем преткновения в спорах внутри правительства. Но ударение велелось на том, что личные наделы по прежнему подчинялись действию правил о наделных землях, были подведомственными волостному суду.

2. Укрепление и удостоверение права на землю в личную собственность²

- 1□ В том случае, когда семья состоит из только нисходящих линий родства, надел должен был быть укреплен только в личную собственность отца-домохозяина. В то же самое время нисходящие лишились всех прав на наделные имущества, которые до Столыпинской реформы считались семейной собственностью (то есть на которые каждый член семьи имел индивидуальное право, не зависимо от того, домохозяин он или нет). Хотя состоялось добровольное соглашение между ними, и сельский сход не был против такого раздела, но ни в коем случае не разрешилось укреплять в общую собственность отца и его нисходящих. Такое положение вызвало бурное сопротивление неотделенных нисходящих, и многие потребовали семейные разделы. И так как в то время среди домохозяев те, которые старше 60 лет, почти потрявшие рабочую силу, заняли довольно высокую долю, то положение еще сложилось.
- 2□ Но в тех случаях, когда наделы находятся в нераздельном владении матери и детей или нескольких лиц, не состоящих между собой в родстве по прямой нисходящей линии, они составляют общую их собственность (ст. 48): мать – сын(сыновья), восходящий – сын-домохозяин, между братьями, отцу – стуха умершего, брат отца – племянник, тесть и неродовой (приймак – усыновленный – приемный – пасынок). Дальше, что касается размера доли, то во время укрепления или удостоверения для каждого хозяйства не определялась его доля, потому что этого не было обязательным. Конкретная доля каждого в случае семейного раздела определялась согласно местному

² Подробнее в статье Чоя Джаедонга, Личная и общая собственность □ семейный раздел в России во время Столыпинской аграрной реформы, *Точисейдо-сигаку*, № 178 (январь 2003 г.).

обычаю. Таких хозяйств которые должны были быть укреплены в общую собственность, насчитывалось довольно много. Особенно в случае смерти отца-домохозяина хозяйство вновь укреплялось в общую собственность или разделялось между сонаследниками. И спор вокруг размера наследственной доли продолжался бесконечно между семейными членами.

□3□ Большая часть(почти 90%) семейных разделов, которые произошли до Столыпинской реформы, были самовольными, то есть происходящими вне закона от 18 марта 1886 г. Поэтому до Столыпинской реформы не существовало определенного понятия «домохозяин», и наблюдались большие хаосы вокруг легальности общественных приговоров. Тем не менее, так как указ 9 ноября 1906 г. дал отцу-домохозяину большое замкнутное право, несуществовавшее до этого времени вообще, на семейные имущества, то во время Столыпинской реформы вокруг того, кто же должен быть домохозяином, и должно ли признать самовольно разделенные хозяйства законными самостоятельными дворами, продолжался спор между семейными членами.

□4□ Одним из самых больших изменений, произошедших во время Столыпинской реформы, было то, что право семейного члена, не признававшегося домохозяином на надельные имущества, перестало охраняться. И потому дореформенные самовольно разделенные хозяйства и неотделенные нисходящие линии родства торопливо требовали признать себя официальными домохозяинами и вписать в список домохозяев. Такого не было до Столыпинской реформы, но указ 9 ноября дал толчок резкому увеличению числа официально зарегистрированных домохозяев. Кроме этого требования о признании впоследствии самовольного разделения, на это увеличение повлияло и разделение укрепленных или удостоверенных хозяйств на общую собственность, и требование нового семейного раздела от неотделенных семейных членов.

3. Духовное завещание и наследование³

□1□ Что касается духовного завещания и наследования личного надельного

³ Подробнее в статье Чоя Джаедонга, Духовное содействие и наследование личного надела в России во время Столыпинской аграрной реформы, *Россиаси-кенкю*, № 71 (окт. 2002 г.).

имущества, то в указе 9 ноября 1906 г. по этому поводу никакого установления не было. 9 декабря 1906 г. МВД скоро послало следующий циркуляр губернаторам: За обращением силою Высочайшего Указа 9 ноября 1906 г. подворных участков надельной земли в личную собственность домохозяев, право наследования членов семьи обуславливается уже не обстоятельством участия их в хозяйственных трудах, а определяется лишь кровною связью с домохозяином и притом, при отсутствии местного обычая, на общем основании гражданских законов. Одно и то же постановление было принято на общем собрании 1, 2 и кассационных департаментов Правительствующего Сената 1910 г. (№ 1). Двойной характер личного надела выразился в выше изложенном противоположенном постановлении. То есть личная собственность – родовое начало и надел – применение местного обычая (трудовое начало).

□2□ Не смотря на то, что правовое положение по крестьянскому наделу существенно изменилось и право на отчуждение личных наделов отдавалось крестьянам, в столыпинских законах совсем не оговаривалось крестьянское завещание. Но в скорое, 9 декабря 1906 г. МВД послало губернаторам циркуляр имеющий следующее неясное содержание: Настолько завещание не противоречило местному обычаю, оно имело законный характер. Таким образом, ясного руководства не было, и потому на месте произошло хаотическое положение. То есть наблюдалось два противоположных направления: 1. одновременно с признанием права личной собственности и отчуждения отдавалась абсолютная свобода завещания, 2. так как попрежнему личный надел оставался наделом, по нему ни в коем случае нельзя было делать завещание. И на этот момент двойной характер личного надела отразился.

□3□ Сенат во время Столыпинской аграрной реформы по крестьянскому завещанию провел двойную политику. Что касается дореформенного завещания, то, так как надел не был личной собственностью до Столыпинской аграрной реформы, дореформенное завещание дореформенного надела было незаконным. Но по поводу послереформенных завещаний никакого непосредственного определенного постановления не делалось. Имелось только следующее противоположное определение. С одной стороны, так как укрепленные наделы стали личной собственностью, то применялось начало родства. С другой стороны, только в случае, когда завещание не было противоположным местному обычаю, оно становилось действительным.

Поэтому вокруг крестьянского завещания личных наделных имуществ не только развертывались различные мнения среди юридических ученых, но и создавалось хаотическое положение в местных судебных учреждениях. С одной стороны, что касается крестьянских хозяйств, остающихся в общинном землевладении, то завещание их считалось незаконным.

□4□ На самом деле, на месте по поводу личных наделов наблюдались следующие противоположные понимания: 1. Местные обычаи, 2. Надел - семейная собственность – завещание невозможно (дореформенное положение), 3. Надел - родовое имущество – завещание невозможно (Гражданское право), 4. Личная собственность - абсолютная свобода завещания. Вокруг законности завещания крестьянского личного надела наблюдалось такое хаотическое положение, что она обсуждалась по разным критериям и выносились противоположные решения в двух судебных линиях по крестьянским гражданским искам, а так же между низшими и высшими учреждениями в одной линии, и даже в одном и том же судебном месте.

□5□ Что касается наследования в случае отчуждения духовного завещания, то российское правительство и по поводу укрепленных наделов крепко придерживалось принципа применения местного обычая, и только в случае отсутствия местного обычая позволяло прибегать к применению гражданского закона. Но и на этом случае на месте наблюдались следующие некоторые запутанные понимания: 1. Принцип надел-применение местного обычая, 2. Личная собственность-применение гражданского закона, 3. Надел-родовое имущество-применение указного наследственной доля в гражданском законе, 4. Столкновение между установлениями общей собственности в законе от 14 июня 1910 г. и равного разделения общей собственности в гражданском законе. Такие запутанные понимания существовали не только среди крестьян, но и в судебных органах. В частности, вокруг права наследования и наследованного доля раздельных сыновей и долговременно-отсутствующих, вдова, дочь, неродных членов, право которых на семейное имущество в местном обычае не определено, продолжалось крайне запутанное положение. Но основная линия правительства применения местного обычая к наследованию укрепленных наделов до конца Столыпинской реформы принципиально не изменилась.

4. Хуторские и отрубные хозяйства и предотвращение дробления

- 1□ Уже в начале Столыпинской реформы было ясным то, что хотя и оказались в более лучшем положении, дореформенные землеустроенные хозяйства не очень отличались от окружающих общинных и подворных хозяйств. Тем не менее, именно в 1909 году, с целью увеличить число землеустроенных хозяйств правительство предложило новую политику, то есть разверстание целых селений в хутор и отруб, имеющее больший эффект, чем отдельные выделы. В частности, именно при разверстании целых селений, конечно, были включены и многие малоземельные крестьянские хозяйства. На самом деле, более половины целых землеустроенных хозяйств имели меньшее количество десятин, чем предельный размер. В результате возникли многие неспособные и ненадежные землеустроенные хозяйства, которым крайне трудно было рассчитывать стать самостоятельными хозяйствами.
- 2□ Что касается землеустроенных хозяйств, созданных при помощи Крестьянского земельного банка, и имеющих относительно больший размер земель, то более половины их создавались от менее 6-ти десятинных хозяйств, и около 20% их - от неимевших земли, почти не занятых до того времени. Так как они почти все брали 100%-ные ссуды из Крестьянского земельного банка, у них были большие долги, и они должны были вовремя возратить определенные долги и уплатить проценты. Так как, для того чтобы избежать принудительного отчуждения купленных участков, были необходимы своевременные платы, то многие хозяйства были вынуждены сдавать свои участки в аренду дешевле, чем процентная плата в Крестьянский банк, и продавать зерно дешевле. При таком тяжелом положении многие банковские хозяйства предпочитали перепродажу участка, иногда приносящую большую денежную прибыль.
- 3□ В общем, хозяйственное положение столыпинских землеустроенных хозяйств мало отличалось от положения дореформенных устроенных. Они имели преимущества, хотя очень маленькое, перед общинными и чересполосными личными хозяйствами, но пока не успели стать показательными хозяйствами. Для этого были необходимы агрономическая помощь и огромные денежные пособия. Так как при переходе к хуторскому и отрубному хозяйству требовалось гораздо большее количество времени и денег, у них было достаточно повода и энтузиазма перестроить хозяйство как можно скорее. Они более активно приняли участие в разного типа агрономических работах, проводимых не

только правительственными органами, но и земскими. При этом можно было ожидать на улучшения и интенсификации хозяйств.

□4□ При этом положении дробление хозяйств, возникающее в результате наследования, семейного раздела, переуступкой или сделкой, явилось тяжелым ударом по только что возникшим землеустроенным хозяйствам. Не говоря уже о хозяйствах, имеющих менее предельного размера, и хозяйства более предельного размера, могли оказаться в ряду хозяйств, имеющих менее предельного размера. Тем более, на самом деле почти 90% землеустроенных хозяйств в случае раздела возможно стать такими. Между тем, добровольные попытки избежать дробления хозяйств чрезвычайно мало наблюдались. Тем менее, хотя и были попытки предотвратить дробление путем духовного завещания и переуступки, при жалобе в суд против этого со стороны другого законного наследника, такие попытки не обязательно удовлетворялись. Для удовлетворения нужно было преодолеть стену крестьянских обычаев, образовавшихся за долгое время при общинном землевладении и семейной собственности. На самом деле, у столыпинских землеустроенных хозяйств, хотя и за короткое время, уже наблюдалось дробление хозяйств. И у многих дробленных хозяйств вновь появились чересполосные участки.

□5□ В целях принудительно предотвратить дробление землеустроенных хозяйств, Министерство Внутренних Дел и Главное Управление Землеустройства и Земледелия приступили к составлению проектов законов о наследовании в землях мелкого владения и о мерах к ограничению дробления мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства. В России прежние многие крестьянские законы, пытающиеся ограничить дробление крестьянских хозяйств, в конце концов оставались мертвой буквой. Одной из их самых значительных причин было то, что ограничительные законы не сошлись с традиционным правосознанием русских крестьян. Поэтому два министерских законопроекта так же имели большую возможность остаться мертвой буквой, как и прежние. Тем менее необходимая финансовая помощь должна была стать обременительной для правительства. С одной стороны, преимущественный наследник должен вновь брать в долг большую сумму для того, чтобы уплатить сонаследникам наследственную долю. С другой стороны, так как, в частности когда сонаследников более двух, наследованная доля уменьшается, то с такими деньгами вести

самостоятельное хозяйство большинству было бы трудно.

5. Вывод

Намерение российского правительства утвердить российский двор как хозяйство личной собственности, имеющее своей целью не только сохранение но и увелечение дворских имуществ, не успело принести плоды, из-за утверждения общей собственности и пременения местного обычая в случае семейного раздела и наследования и т. п.

Самообложение 1928-1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины

Всеобщность и обязательность местного самообложения

Известно, что русская крестьянская община в 1920-е годы, как организация местного самоуправления деревни, располагала значительными источниками доходов, в том числе от сдачи земли в аренду и самообложения членов земельного общества. Это обстоятельство позволяло последнему даже подчинять сельский совет, потому что подавляющее большинство сельсоветов не имело своего самостоятельного бюджета.*1

29 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР издал закон о самообложении населения,*2 которое предлагалось проводить на началах добровольного соглашения граждан. Кроме того, самообложение было обязательным только для лиц, принимавших непосредственное участие в собрании и голосовавших за него. Для лиц же, не присутствовавших на собрании, или хотя и присутствовавших, но голосовавших против принятого постановления, самообложение было не обязательно. Принятый закон опирался на указания XI Всероссийского Съезда Советов в начале 1924 г. о необходимости скорейшего повсеместного введения волостного бюджета, регулирования и значительного сокращения самообложения, а также недопустимости самочинных налогов и практики самообложения.

Однако указанный закон не соответствовал ни реалиям деревни, ни нуждам крестьянства. Растущие разнообразные культурно-хозяйственные потребности села, обгоняя рост волостного бюджета, не могли быть удовлетворены помимо самообложения в условиях отсутствия сельского бюджета. Информация с мест позволяет представить сложившуюся в те годы ситуацию. Например, в 1925 г. по Кузьминской волости Рязанской губернии самообложение превысило в 6,5 раз объем волостного бюджета.*3 Редакции журнала "Советский путь" и

"Крестьянской газеты" получили в 1926 г. огромное количество крестьянских писем, большинство которых настаивало, что деревня в своей хозяйственно-общественной жизни всецело опирается на самообложение, и высказывалось за необходимость урегулирования вопроса о самообложении, но в том смысле, чтобы установить в законодательном порядке обязательность постановлений сельских сходов о самообложении для всех граждан данного селения.

Вот почему специальное совещание по советскому строительству при ЦИК СССР в апреле 1926 г. постановило: "изменить декрет о самообложении в том смысле, чтобы при наличии особого ходатайства большинства граждан, голосовавших за самообложение на общественные нужды своего села, уездным и окружным исполнительным комитетам было предоставлено право в обязательном порядке привлекать к выплате своей доли меньшинство, не голосовавшее за самообложение". Кроме того, НК РКИ РСФСР, изучивший этот вопрос по указанию СНК РСФСР в ноябре 1926 г., пришел к выводу, что постановление о порядке самообложения на строго добровольных началах на практике является неосуществимым, несмотря на существование постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г.*4

Всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. вводил принципиально новые начала его проведения. Во-первых, закон, хотя и сохранял добровольность самообложения, при этом устанавливал обязательность его для всех граждан данного селения по утверждению ВИК'ом (РИК'ом). Таким образом именно данный закон, а не закон 1924 г. оформил де-юре существовавший тогда в деревне порядок самообложения.

Во-вторых, подчеркивали разницу между "мирскими сборами" в условиях царского режима и самообложением советского времени. Раньше значительная доля самообложения расходовалась на содержание сельской и волостной администрации или вышестоящей администрации, теперь же устанавливать самообложение для покрытия расходов на административные нужды воспрещалось. Более того, раскладка сборов по самообложению должна была производиться сельским советом с учетом мощности отдельных хозяйств, хотя и в 1920-е годы самообложение проводилось в форме равномерного обложения всех по душам или по дворам (см. ниже).

В-третьих, с целью усиления роли сельского совета в деревне закон 1927 г. впервые установил, что сбор и расходование средств самообложения производится сельским советом. Тем самым была открыта возможность для сельсоветов вмешиваться в дела земельных обществ и сделан первый шаг к превращению

сельсовета в настоящего хозяина деревни. По существу закон предполагал включение средств от самообложения в сельский бюджет.*5

В то же время закон 1927 г. строго запрещал сельсоветам не целевое, то есть помимо указанных в соответствующих постановлениях общего собрания (схода), расходование средств самообложения. Последнее обстоятельство еще отражало стремление государства сохранить общественные начала деревенской жизни, включая самоуправленческую функцию общины.

Самообложение как "второй налог"

Принцип "всеобщности и обязательности местного самообложения", введенный законом 1927 г., вскоре был умело использован советской властью в чрезвычайных обстоятельствах хлебозаготовительного кризиса, в ходе которого существенно изменился и сам характер самообложения.

Еще в сентябре 1927 г. руководящие государственные органы решили снизить хлебозаготовительные цены, оправдывая свои меры возросшей платежеспособностью населения, особенно сельского, значительно превышавшей предложение продукции предметов широкого потребления и вызвавшей так называемый "товарный голод".*6

В целях преодоления кризиса советская власть в конце 1927 г. пошла на ряд мер, используя в этих целях скоро и самообложение. В то время был распространен взгляд, согласно которому можно было заставить крестьян продать (сдать) хлеб за счет извлечения денежной массы. Следует иметь в виду, что всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. имел своей целью упорядочить налоговое обложение в деревне вообще, чтобы "не ослаблять" платежеспособного спроса крестьянства.*7 Уже одно это свидетельствует, насколько резко в короткий срок изменилась ситуация.

Соблюдая обычай деревни, советское законодательство устанавливало, что сборы в порядке самообложения могут производиться как в денежной, так и в натуральной форме, а равно в виде трудового участия. Однако, так как проведение самообложения теперь имело целью извлечение денежной массы, трудовое участие сельского населения в самообложении так же, как и обложение в натуральной форме, в условиях 1927/28 г. широкого распространения не имело. И позже в 1930 г. в Нижегородском крае, например, по отчетным данным на 1 мая, из общей суммы самообложения, оформленного на сходах, лишь 0,8 % падало на трудовое или натуральное участие.*8

С 1927/28 года самообложение стало ежегодной государственной кампанией сверху, которая неизбежно сопровождалась административным нажимом. В Томской газете "Красное знамя" от 21 февраля 1928 г. в передовой статье написано: "Самообложение должно быть проведено всюду. Всякое противодействие этому важнейшему мероприятию надо рассматривать, как преступление". Председатель Мысовского сельсовета Пермского округа заявлял крестьянам дословно: "самообложение есть налог. Значит суд... А суд--тюрьма".*9

В таких условиях введенное в 1928 г. самообложение было враждебно встречено крестьянством. Материалы обследования НК РКИ РСФСР весной 1928 г. отметили, что "на местах наблюдалось недовольство части середняцких слоев крестьянства, отождествлявших самообложение с налогом".*10 Это вполне понятно, если принимать во внимание принудительный характер самообложения и сопоставить традиционный порядок раскладки с новым методом.

В русской деревне самообложение представляло собой, как правило, род целевых сборов, и хотя виды и размер этих сборов были крайне разнообразны, в зависимости от целевого назначения сбора устанавливался и порядок его взимания. Например, на пастуха для рогатого скота, на общественного быка производилась раскладка с коровы, на конского пастуха—с лошади, на ремонт пожарного инвентаря—с дома, на ремонт пожарного сарая—с дома, на делильщиков земли—с едока, на делильщиков сенокоса—с едока, на леса местного значения—с едока, на охрану стогов—с едока, на охрану лугов—с едока, на переправу через реку—с едока и т. д., и т. п.*11 Такой порядок раскладки отражал характерные для русского крестьянства в 1920-е годы представления о равенстве и справедливости. Необходимо иметь в виду и тот факт, что традиционное самообложение проводилось по мере необходимости, а не под давлением извне, "сверху", "по-кампанейски".

Разумеется, и в кампанию 1928 г., на местах, где крестьянская стихия добила преимущества, самообложение проводилось в форме равномерного обложения всех по душам или по дворам, без учета имущественного положения, о чем свидетельствовало множество материалов. Однако, главное заключалось в том, что в 1928 г. самообложение проводилось прежде всего по инициативе вышестоящих исполкомов. План проведения кампании и распределение сумм самообложения по отдельным сельсоветам, как правило, разрабатывались ВИК'ами (РИК'ами) и проводились сельсоветами в порядке *твердого задания (контрольных цифр)*. Сами сельсоветы к обсуждению предложений ВИК'ов подходили механически. Они принимали контрольные цифры ВИК'ов, делали раскладку без

предварительного обсуждения на сходах и выносили свои решения на утверждение сходов без изменений и поправок. Однако и сами сходы проявляли мало инициативы и вынуждены были принимать внесенные сельсоветами суммы самообложения без каких-либо поправок.*12 По существу, подобный подход не изменился в течение всего рассматриваемого нами времени.*13

В кампанию 1927/28 г. не было выработано плана использования собранных сумм по самообложению. Поскольку самообложение обычно принималась общими собраниями (сходами) без предварительного обсуждения, впоследствии выяснялось, что принятый план не отвечает действительным потребностям того или иного села.*14

Неопубликованное постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О порядке проведения самообложения в 1928/29 году" от 4 октября 1928 г. предусматривало добровольность самообложения, запрещало административное давление сверху, кампанейство, обязательность самообложения для всех без исключения сельских местностей.*15

Однако в действительности во многих местах "специальные кампании" продолжались, причем директивные распоряжения некоторых финансовых органов указывали на необходимость подобных кампаний. Имелись и требования привлекать к самообложению все без исключения селения, вопреки отказам и нежеланию последних. Необходим был "налоговый пресс", чтобы заставить крестьян "продавать" хлеб, и в то же время самообложение стало одним из методов мобилизации денежных средств населения. Следствием такого подхода становилось то, что в постановлениях сельских сходов часто отсутствовали все важные и необходимые в обычных случаях сведения: цели, предметы и размер самообложения, сроки его уплаты, список выбранных от населения уполномоченных в комиссию по раскладке самообложения.*16

Стоит отметить, что экспроприация баев в Казахстане в 1928 г. уже сопровождалась раскладкой по принципу самообложения, своим способом напомним характерную (но теперь общеизвестную) форму проведения будущей коллективизации. А. С. Киселев, председатель правительственной комиссии для обследования положения в Казахстане, отмечал в помещенной в официальном журнале ЦИК СССР статье: "Сначала уполномоченный уика вместе с сельсоветом производил раскладку самообложения, а затем выносил список на общее собрание и многозначительно спрашивал: «кто против?». Достаточно было полуминутной тишины, чтобы уполномоченный лаконически объявлял: «принято единогласно» и велел записывать в протокол".*17 Характерно, что в данном случае раскладка

самообложения использовалась с целью, чтобы иметь формальное основание подвергнуть имущество конфискации.

В кампанию 1928 г. передача селу "контрольных цифр" самообложения "сверху" считалась ошибкой, перегибом. Однако весной 1929 г. стал применяться новый метод хлебозаготовок. Его сутью стало доведение хлебозаготовительного плана до села, когда целая деревня специальным постановлением схода брала на себя обязательство ("самообязательство"!) сдать государству определенное количество хлеба, которое развешивалось между отдельными хозяйствами по степени их мощности*18. Этот метод фактически стал отождествляться с самообложением, для которого и использовалось понятие "самообязательство".

Интересно отметить, что на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин толковал новый метод хлебозаготовок 1929 г. по аналогии с самообложением.*19 Вероятно, под влиянием этого высказывания, местные органы начали ссылаться на закон о самообложении и налагать на крестьянское хозяйство в случае невыполнения им твердого задания штраф в пятикратном размере в административном порядке.*20 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июня узаконило эту практику, и обязательство сдачи хлеба, налагаемое на отдельных крестьян сельскими сходами, рассматривалось как "государственная повинность" каждого крестьянского хозяйства, за неисполнение которой советский закон (61 ст. Уголовного кодекса РСФСР) предусматривал особые меры воздействия.*21

В свою очередь кампании по самообложению стали проводиться таким же образом, как хлебозаготовки. Так, например, в октябре 1930 г., в самый разгар кампании по самообложению, орган НКФ требовал решительно покончить со старыми методами работы и настаивал, что "в первую очередь должно быть проведено доведение контрольных цифр самообложения до села".*22 Непринятие сходом надлежащего решения о самообложении влекло за собой наказание села в целом. Это было своего рода копией хлебозаготовок. Так в постановлении Мышкинского райисполкома Ивановской области от 12 ноября 1929 г. буквально говорилось: "в тех случаях, где самообложение принято менее 15% к уплачиваемой сумме сельхозналога, эти селения временно оставить на карантине (?), применив к ним всевозможные меры, способствующие увеличению процента самообложения..."*23

Суммы, которые вынуждены были платить единоличные трудовые хозяйства, увеличивались из года в год. Так, если в 1928 г. взносы по самообложению были не выше 35% оклада ЕСХН, в 1929 г. не выше 25% , то уже в 1930 г. - не выше 50%, в 1931 г. - от 50% до 100% , в 1932 г. - от 100% до 150%, в 1933 г. - от 60% до 100% ,

в 1934 г. - до 100%. Попутно отметим, что при исчислении общей суммы доходов земельных обществ по Украине НКФ УССР предполагал, что самообложение членом земобществ составляет 10% от единого сельхозналога в 1920-е годы.*24

Кулацкие хозяйства привлекались к самообложению за 1931 г. в размере 100% оклада сельхозналога, сумма которого исчислялась в так называемом индивидуальном порядке, а на протяжении 1932-1935 гг. - в размере 200% такого сельхозналога. В 1929/30 г. не меньше 1/3 всей суммы самообложения было уплачено подлежащими индивидуальному обложению хозяйствами. Например, в Марийской области Нижегородского края 43,7% всей суммы самообложения приходилось на кулацкие хозяйства, при этом одно такое хозяйство платило в 478 раз больше (!) чем бедняцкое.*25 Очевидно, самообложение стало одним из орудий как форсированного вовлечения единоличников в колхозы, так и раскулачивания.

Изменение социально-экономической сущности самообложения видно и по мерам воздействия на неплательщиков. Раньше за неуплату самообложения земельные общества применяли такие виды наказаний, как лишение земельного надела, лишение права покоса лугов, лишение права выгона скота на общественное пастбище, лишение права пользоваться дровами из лесов местного значения, денежный штраф и другие. Иногда уполномоченные земобществ обращались в народный суд с просьбой взыскать недоимки по самообложению в судебном порядке. Но суд таких исков не принимал.*26

Теперь же проведение самообложения стало государственным делом. Формально добровольное, самообложение фактически превращалось в государственную повинность. Недоимка по самообложению взыскивалась в порядке, установленном для взыскания сельхозналога. В частности, имущество неплательщиков описывалось и продавалось с публичных торгов.

В ходе кампаний по самообложению 1928-1929 гг. появились нездоровые, но весьма показательные и важные тенденции. Как отмечалось в материалах обследования, проведенного НК РК РСФСР весной 1928 г., в отдельных местах волостные и районные исполкомы стремились "урвать из средств самообложения как можно больше на свою долю". Приводились характерные примеры. Так, в Чепецком сельсовете Вятской губернии население решило обратить средства от самообложения в первую очередь на организацию пожарной дружины, однако ВИК требовал провести самообложение на нужды ветеринарного пункта и настоял на своем предложении, несмотря на протесты сельсовета и населения. Отмечались также факты, когда собранные по самообложению средства специальным постановлением исполкома объявлялись неприкосновенными впредь до утверждения

УИК'ом всех сельсоветских смет, и сберкассам даже давалось распоряжение выдавать сельсоветам суммы с особого в каждом отдельном случае разрешения ВИК'а (РИК'а). *27

Подобные попытки подвергались критике за дискредитацию самой идеи самообложения. Однако и в кампанию 1929 г. селькоровские заметки в местных газетах продолжали сообщать вопиющие факты самого небрежного, а часто и преступного распоряжения общественными средствами села. Это касалось прежде всего нарушения решений общих собраний граждан, принудительных отчислений сельских средств самообложения в бюджеты РИК'ов, расходования средств без плана и не по назначению.*28

Все эти явления можно рассматривать как предвестие того, что впоследствии стало нормой в 1930-е годы.

Сельские и районные бюджеты

Год	Число сельбюджетов РСФСР(процент Охвата бюджетом)	Объем (млн. руб.)	Средняя сумма 1 сельбюджета (руб.)
1925/26	762(1%)	9.4	12300*
1926/27	1815(3%)	15.6	8600*
1927/28	3411(6%)	24.6	7200*
1928/29	7697(14%)	54.7	7100**
1929/30	18825(35%)	155	8200**
1931	50800 (81%)	640.7	72600**

* Финансы и народное хозяйство, 1930, №6, с. 14.

** ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1574, л. 77, 77 об.

Новая политика привела к тому, что по сравнению с серединой 1920-х в начале 1930-х годов наметился рост самостоятельных бюджетов сельских советов (см. таблицу). В 1932 г. сельбюджеты имелись практически везде, за исключением некоторых районов отдельных автономных республик Кара-Калпакии, Киргизии, Якутии и северных окраин РСФСР.

Однако подобные цифры о развитии сельбюджетов вряд ли отражают деревенскую действительность. Многие описания отдельных сельских советов свидетельствовали о наличии серьезных проблем. Прежде всего, еще в 1920-е годы было общеизвестно, что даже в случае, когда существовали "самостоятельные" бюджеты,

они "повсеместно и во всех союзных республиках" вводились фиктивно, механически, без участия сельской общественности и даже сельсоветов. В большинстве случаев РИК'и сами составляли и исполняли бюджеты сельсоветов, а также задерживали причитающиеся советам отчисления.*29

Новая стадия началась в 1930 г. "Основные положения об организации сельских советов" от 3 февраля 1930 г. и новый общесоюзный закон о самообложении от 16 августа 1930 г. установили принцип самостоятельности сельских бюджетов за счет включения средств самообложения в бюджет сельского совета. Начиная с 1 октября 1930 года, средства самообложения входили в состав доходной части сельбюджетов, при этом сохранялось условие их целевого расходования на нужды, определяемые общими собраниями граждан.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г. предусматривало введение самостоятельных бюджетов в районах сплошной коллективизации с 1 января 1931 г. во всех сельсоветах, а в остальных районах - в сельсоветах с населением более 1000 человек.*30

Хотя на начальном этапе сплошной коллективизации многие сельские советы были ослаблены, а некоторые даже распущены из-за своей неподготовленности к новой политике в деревне, сельские бюджеты номинально имели прочную финансовую базу. Подобное положение для сельского бюджета было создано благодаря закреплению за ним таких крупных статей доходов, как средства самообложения, сельхозналог, а также значительная часть отчислений от госзаймов, реализуемых среди крестьянского населения. Однако от сельсоветов поступали жалобы, суть которых заключалась в том, что даже в случае, если сельхозналог, самообложение, страховые поступления и средства от реализации госзайма были собраны ими полностью, и все деньги сданы в Госбанк, районный финансовый отдел перечислял на свой счет "сколько вздумается и когда вздумается".*31

По мере повсеместного введения самостоятельных сельбюджетов, усиливался характерный процесс: передача сельбюджета райбюджету. На Глуховщине на Украине, где в 1930 г. во всех сельских советах были введены самостоятельные бюджеты, некоторые РИК'и не доверили им самостоятельного ведения бюджетов, не передали сметных материалов и, имея номинально сельские бюджеты во всех сельсоветах, фактически выполняли их сами. Некоторые же РИК'и уделяли недостаточно внимания сельским бюджетам, последние были фактически брошены на произвол судьбы. В результате по большинству сельбюджетов отмечались нарушения бюджетной дисциплины: средства расходовались не по назначению, кассовые остатки часто хранились не в сберкассах, а давались в

оборотные средства кооперации, причем нередко - заимообразно частным лицам, наконец, "болтались по карманам у секретаря и председателя сельсовета". Проверка показала, что "отчетность часто находится в хаотическом состоянии, записи по кассовым книгам проводятся 'оптом' за несколько дней и месяцев сразу".*32

На совещании членов ВЦИК и предриков в феврале 1932 г. мнения всех участников сошлись на том, что "район ущемляет бюджетные права сельсоветов, районные бюджеты урезывает край, а в краю говорят: нас урезал НКФин".*33 В докладной записке НКФ РСФСР в ВЦИК от 5 ноября 1932 г. было недвусмысленно написано: "В условиях закрепления платежей сельского населения за сельскими бюджетами при необеспеченности районных, а в большинстве административных единиц и краевых бюджетов, закрепленными за ними доходами, перераспределение внутри краев (областей) и АССР в 1931 г. пошло в направлении изъятия средств *снизу вверх*; от сельских и городских бюджетов в вышестоящие" (курсив наш).*34

В дальнейшем положение по существу не только мало изменилось но, как представляется, еще и ухудшилось.*35 Даже в Московской области проверка бюджетной кампании 1933 г. признавала хаотическое состояние сельских бюджетов. В большинстве случаев сельсоветы получали из района - "для руководства и исполнения" - приходо-расходную смету, составленную чисто канцелярским путем, без какого-либо участия сельсоветов, не говоря уже об общественности. Получалось, поэтому, что и сами сельсоветы часто не знали своих "сельбюджетов" ("бюджетных 'шпаргалок' из района"). Практиковались и незаконное списывание бюджетных средств со счетов сельсоветов, изъятие у сельсоветов средств самообложения, включение в районный бюджет (помимо сельского) доходов от некоторых предприятий и имуществ сельского значения и других источников, по закону полностью закрепленных за сельсоветам, и так далее, и тому подобное.*36

Позже, на проводимом СНК СССР в июле 1935 г. совещании нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько говорил: "Большинство же сельсоветов вплоть до настоящего времени живет еще по примитивным приходо-расходным сметам, составленным за них в районном финансовом отделе и утвержденным президиумом рика *чохом* по всем сельсоветам". Практически все участвовавшие в совещании работники сельсоветов и райисполкомов подтверждали эту характеристику. Секретарь Головщенского сельсовета, Грязинского района Воронежской области, откровенно говорил о действительном положении дела: "В нашем сельсовете фактически своего бюджета нет. Он числится на бумаге. В районе его утверждали без нашего

участия. Райисполком по своему усмотрению уменьшал одни статьи и увеличивал другие. Причитающиеся нам отчисления идут в районный бюджет, а оттуда нам переводят столько, сколько заблаго- рассудится".*37

Таким образом попытка создать "самостоятельные" сельские бюджеты в конце концов закончилась неудачей. Многие сельсоветы потеряли всякую заинтересованность в самостоятельных бюджетах, усматривая в них лишь обузу для своих канцелярий. Более того, отношение сельсоветов к действиям вышестоящих инстанций было тоже пассивным. Районы полагали, что, составляя сельбюджет, они оказывают помощь сельсоветам, которые "де слабы счетными силами". Сельсоветы, лишённые бюджетной самостоятельности, в свою очередь, не стремились укрепить свои бюджеты, рассчитывая на то, что в случае нехватки средств, их пришлют из районного центра. Следующее наблюдение, опубликованное в середине 1930-х годов, весьма показательное: "В итоге всего этого получается *мелочная опека* со стороны района над сельбюджетом, что приводит к урезке бюджетных прав сельсоветов, лишению их бюджетной самостоятельности и нередко превращает сельбюджет, в глазах самого сельсовета, не говоря уже об общественности, в простой клочок бумаги. Есть немало районов, где сельсоветы фактически переведены на положение *иждивенцев*, питающихся подачками из районных центров и выполняющих *обязанности* ответственных сборщиков дохода. (курсив наш)*38

С другой стороны, документ НК РК РСФСР в НКФ РСФСР от 26 мая 1931 г., подводя итог о результатах проведения самообложения 1930 г., отмечал, что из-за такой пассивности низового аппарата имело место в ряде отдельных селений "бешеное сопротивление кулачества", которое "привело в срыву общих собраний и необходимости ставить на общих собраниях вопрос о самообложении по 4-5 раз".*39 Такое обстоятельство связано с тем, что, основным источником сельбюджета самообложение, которое по данным НКФ РСФСР в 1931 г. составляло 28,9% общей суммы доходов сельсоветов, в 1932 г. —33,8%*40, имело строго целевое назначение, а поэтому эти средства могли использоваться только на цель, предусмотренные в постановлениях граждан.

Расходование средств самообложения "не по прямому назначению"

Связанную с самообложением ситуацию 1930-х годов можно охарактеризовать двумя основными тенденциями. Первая заключалась в изъятии средств самообложения вышестоящими над сельсоветом организациями, особенно райисполкомами; вторая - в расходовании средств самообложения не по прямому

назначению, то есть помимо решений общих собраний граждан или же без согласия сельских общих собраний граждан. Обе эти тенденции наметились уже в конце 1920-х годов. Причем, указанные тенденции явились двумя сторонами одного и того же общего процесса поглощения и передачи самоуправленческой функции земельных обществ вышестоящим инстанциям, что фактически означало конец общины как местного крестьянского союза. *41

С другой стороны, законодательные акты 1930 года, вводившие самостоятельные сельбюджеты, еще сохраняли принцип неприкосновенности постановления общих собраний. Так, постановление СНК РСФСР от 1 сентября 1930 г. категорически воспрещало направлять средства самообложения не по прямому назначению, и НК РКИ РСФСР своим циркулярным распоряжением от 31 декабря 1930 г. предложил ОблРКИ привлекать виновных к ответственности за неправильное расходование этих средств.*42

Между тем, публиковались многочисленные сведения о существенных нарушениях бюджетной дисциплины. Как и в 1920-е годы, ревизионная комиссия сельсовета - этот орган общественного контроля - была абсолютно безжизненной и не вела никакой деятельности. Проведенное по постановлению президиума ВЦИК в конце 1932 г. обследование показало, что подавляющее большинство комиссий совершенно не освоило возложенных на них обязанностей. Положение не улучшилось и в дальнейшем.*43

Чаще всего средства расходовались не по назначению: вместо социально-культурных - на административно-хозяйственные нужды. Когда такие ошибки были допущены самими сельсоветами, эти случаи обычно были связаны с формальным (чаще всего под давлением извне) принятием постановлений общим собранием граждан. Согласно результатам обследования сельсоветов в Чувашской АССР в 1931 году, в большинстве из них не было расходных смет. Частично за счет средств самообложения сельсоветы содержали свой аппарат, а также направляли их на различные накладные расходы, канцелярские нужды, приобретение инвентаря и оплату помещения, поскольку в постановлениях общих собраний не указывалось, на какие объекты намечалось производить расходы собранных в порядке самообложения сумм.*44

Гораздо более значительным было нарушение бюджетной самостоятельности сельсоветов со стороны райисполкомов, выражающееся в изымании у сельсоветов средств самообложения в районный (и иногда даже областной) бюджет, и их использовании не по прямому назначению. Вот типичная жалоба из Волновского сельсовета, Слободского района Горьковского края в 1933 г. "Ежегодно у нас в

сельсовете проводится самообложение и ежегодно райисполком 70 % полученных сумм куда-то списывает. В 1932 г. РИК без ведома сельсовета снял со счета 12.000 руб. Такая же картина и по другим сельсоветам района. Между тем у нас в сельсовете надо ремонтировать школы, клубы, налаживать пожарную охрану и т. д. В деревне спрашивают, куда деваются собранные средства, а мы не знаем, что и говорить".*45

Поскольку подобные жалобы были получены некоторое время спустя после опубликования постановления Президиума ВЦИК от 20 декабря 1932 г., категорически запрещающего изымание средств из сельских бюджетов, они могут служить свидетельством существования уже укоренившейся тенденции, весьма характерной и показательной для той эпохи.

Часто говорили, что одной из причин отмеченных нарушений являлось отсутствие повседневного конкретного руководства со стороны районов сельсоветами. Скорее, при слабости аппарата и бессистемности в работе многих сельсоветов, райисполкомы зачастую активно выступали в роли разрушителей сельского бюджета, тормозили и глушили самодеятельность сельсоветов.

Если говорить об общей сумме средств самообложения, то она значительно увеличивалась, например, по РСФСР с 105 млн. рублей в 1929/30 г. до 313 млн. рублей в 1932 г.*46 Но это увеличение не сопровождалось столь же быстрым ростом местного бюджета в целом и в особенности по тем отраслям и направлениям, которые были связаны с самообложением. Вследствие этого после включения средств самообложения в сельбюджет РИК'и, с одной стороны, имея утвержденные бюджеты и, с другой стороны, не имея возможности изыскать дополнительные доходные источники, производили расходование собираемых сумм самообложения в соответствии с бюджетами, перекладывая расходы, проводившиеся ранее за счет бюджетных средств, на средства самообложения, и тем самым по существу игнорировали целевую установку самообложения.

Поступления по самообложению зачислялись полностью в доходы местного бюджета на покрытие расходов, предусмотренных общим планом местного бюджета, но без выделения особых мероприятий за счет самообложения. РИК'и в Западной области, например, даже отдали распоряжение на местах о перечислении всех сумм самообложения со счетов сельсоветов на счета РИК'ов и запретили сельсоветам расходовать эти средства без их разрешения.*47 В таком же виде райисполкомы доводили контрольные цифры местного бюджета на предстоящий год до сельсоветов. Перед последними стояла проблема: согласовывать или нет решения общих собраний граждан о том или другом назначении средств

самообложения с планом сельского бюджета, составленным райисполкомом.

Это была сложная задача в бюджетном строительстве низовых советов. Решения общих собраний, с одной стороны, и плановое развертывание мероприятий и учреждений по отдельным отраслям хозяйства за счет бюджетных средств – с другой, должны были взаимно увязаны и согласованы таким образом, чтобы без ущерба для планомерного развития всего района было обеспечено целевое использование средств самообложения. Однако многие сельские советы, вместо того, чтобы созывать вторично общие собрания и разрешать на них этот вопрос, часто шли по пути выполнения плана, предложенного райисполкомом, нарушая тем самым решения общих собраний. Нередки были случаи и прямого нарушения решений общих собраний районными и республиканскими финансовыми органами, которые перечисляли средства самообложения в свой районный и даже областной бюджет.*48

Докладная записка НКФ РСФСР в СНК РСФСР от 1 апреля 1931 г. показывала, что в 1931 г., после того, как самообложение включалось в общий объем доходной части сельского бюджета, в отдельных районах значительная часть этих средств обращалась на заработную плату работникам культурно-социальных учреждений; в ЦЧО 53% всех расходов покрывалось средствами самообложения, 25% в Западной области, 20% в Московской области и т. п. Это положение в ряде краев и областей нашло отражение в соответствующих решениях край(обл)исполкомов, расширивших перечень нужд, на которые разрешалось расходовать средства самообложения. Так, в него включалась заработная плата работникам культурно-социальных учреждений.*49

На самом деле необходимо было ослабить противоречия между требованиями закона и создавшейся практикой. 15 августа 1931 г. СНК РСФСР разрешил СНК'ам АССР и край(обл)исполкомам распространить на отдельные районы право расходования средств самообложения на зарплату работникам культурно-просветительных учреждений для следующих 14 административно-территориальных единиц: Северный край, Западная область, Нижегородский край, ЦЧО, СВК, Западно-Сибирский край, Восточно-Сибирский край, Башкирская АССР, Казахская АССР, Киргизская АССР, Автономная Республика немцев Поволжья, Татарская АССР, Чувашская АССР, Уральская область. 22 февраля 1932 г. СНК РСФСР разрешил и исполкому Ивановской Промышленной области распространить на отдельные районы области то же право.*50

Но речь шла пока только о зарплате работникам культурно-просветительных учреждений. Важным законом в этой области, на наш взгляд, является

постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 августа 1932 г. Постановление разрешало виды расходов, на которые могли направляться средства самообложения. По законодательству, действовавшему до 1932 г., круг потребностей, на удовлетворение которых, по постановлению общего собрания граждан, могли расходоваться средства самообложения, включал в себя: строительство, ремонт и оборудование социально-культурных, культурно-бытовых и хозяйственных учреждений и мероприятий. Но это постановление значительно расширяло перечень, включив в него хозяйственно-оперативные расходы и зарплату учителям, медработникам, агрономам и проч.

Вместе с тем, сила решения собраний граждан сводилась к минимуму. В том случае, если собранные по самообложению средства по тем или иным причинам не могли быть использованы на мероприятия, намеченные общими собраниями граждан, сельсовет обязан был доложить об этом собранию граждан, а оно, в свою очередь, устанавливало дальнейшее назначение сумм самообложения. Однако райисполкомы имели право отменить решение общих собраний по самообложению в случае неправомерности собрания или же если решение нарушало положения закона о самообложении.*51

Таким образом, существенно расширялись возможности направлять средства самообложения на новые общественные социально-хозяйственные нужды в целом - по крайней мере в границах района, - не ограничиваясь рамками одного селения. Но для этого необходимо было упразднить сам перечень мероприятий, который каждый год устанавливается законами союзных республик. НКФ РСФСР в документе от 1 июня 1931 г., направленном в СНК РСФСР, считал целесообразным в новом законе о самообложении отказаться от подробного перечня мероприятий, ограничившись только указанием, что эти средства должны быть направлены на культурные и хозяйственные нужды села.*52 Это намерение сразу не осуществилось. Положение о перечне мероприятий исчезло в общесоюзном законе о самообложении на 1933 г. Фактически это означало окончательный разрыв самообложения с традициями сельской общественности.

Вместо заключения

Оставалось только привести юридические нормы в соответствие с действительностью. Закон 1933 г., во-первых, дал РИК'ам возможность получить значительную сумму этих средств с сельбюджетов, устанавливая, что средства, собранные по самообложению, поступают в сельские *и районные* бюджеты. Во-

вторых, в этом законе наконец отпал важнейший пункт, устанавливавший обязательное сохранение целевого назначения включенных в сельбюджеты средств самообложения.

В законе о самообложении на 1934 г. появилось новое положение, согласно которому средства, собранные по самообложению, в размере 75% поступали в сельские и районные бюджеты и расходовались на культурные и хозяйственные мероприятия, предусмотренные бюджетом (*т. е. не решением собрания граждан, а в бюджетном порядке*); а 25% оставались в полном распоряжении сельского совета на не предусмотренные сельским бюджетом нужды села. Характерно, что даже в отношении этих последних, весьма незначительных средств, не было упомянуто о необходимости их расходования в точном соответствии с постановлением общего собрания.

Общесоюзный закон о самообложении на 1933 г. объявил, что "самообложение населения для удовлетворения его культурных и хозяйственных нужд *проводится* в сельских местностях и дачных поселках" (курсив наш), тогда как соответствующие законы на протяжении 1927-1932 гг. предусматривали, что граждане, проживающие в сельских местностях и дачных поселках, *могут* выносить постановления о самообложении для удовлетворения их культурных и хозяйственных нужд.*53 Таким образом, самообложение и формально перестало быть добровольным.

Как отмечалось выше, введенный весной 1929 г. "поселенный план", несмотря на официальные заявления о его добровольном характере, подвергался разверстанию между отдельными хозяйствами сельским сходом. Тем самым обязательство каждого крестьянского хозяйства рассматривалось как "государственная повинность", а его неисполнение зачастую грозило раскулачиванием. "Поселенный план" явился определяющим моментом хлебозаготовок в годы первой пятилетки и практически подчинил себе систему контрактации, подготовив переход к обязательным поставкам 1933 г., имеющим силу "налога".*54

Таким же образом, самообложение, как материальная основа общинного самоуправления, с 1928 г. стало частью государственной фискальной системы, превратившись практически в род местной государственной повинности для пополнения местных бюджетов. Интуиция крестьян в 1928 г., что введенное самообложение является дополнительным налогом, оправдалась. Как и "поселенный план" (читай - обязанность), план самообложения доводился до села в форме контрольных цифр "сверху вниз". Такое "огосударствление", однако, часто про-

водилось в ущерб интересам сельских советов, в форме передачи "снизу вверх" непосредственно райисполкомам функций, раньше присущих обществу-общине. Очевидно, что усиление изъятия средств "снизу вверх" соответствует утверждению централизованного управления народным хозяйством.

Однако, следует обратить внимание на социальный аспект этого процесса. Введение всеобщего начального обучения и значительный рост сети начальных школ, медицинских учреждений, зарплат оперативно-обслуживающего и технического персонала, потребности телефонизации деревни, развитие сельской инфраструктуры в целом были затруднены при сохранении принципа расходования средств самообложения исключительно в соответствии с решениями общего собрания одного селения. Средства, собранные путем самообложения, направлялись и на межселенные нужды, на общерайонные (иногда даже областные) мероприятия. Перевод средств местного самообложения в районные бюджеты отражал крутой поворот традиционного общества к модернизации, когда потребности социально-экономического развития неизбежно разрывают узкие локальные связи в рамках одного села. Однако это была *определенного рода* модернизация, в том смысле, что она сопровождалась значительным ослаблением функций низовых аппаратов и местного сообщества.

Примечания

*1 О самообложении в 1920-е годы см.: Taniuchi Yu. The Village Gathering in Russia in the Mid-1920's. Soviet and East European Monographs No.1, CREES, University of Birmingham, 1968; Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России //Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6, Вологда, 1976; Кознова И. Е. Сельские советы и земельные общества: динамика взаимоотношений в 1921-1929 гг. /по материалам Европейского центра РСФСР/. М., 1980 (работа депонирована в ИНИОН РАН). О его специфике 1928 г. см.: Таниути Ю. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община// Россия в XX веке. Под ред. Сахарова А. Н. М., 1996; Сафонов А. А. Советская власть и общинное крестьянство Тамбовской губернии накануне коллективизации: проблемы взаимоотношений (по материалам кампании по самообложению 1928 г.)//Власть и общество в России. XX век. М.-Тамбов, 1999.

*2 Здесь и далее о союзных законах о самообложении каждого года, см.: СЗ, 1924, №6, ст. 69; СЗ, 1927, №51, ст.509; СЗ, 1930, №44, ст.451; СЗ, 1931, №48, ст.320; СЗ, 1932, №65, ст. 376; СЗ, 1933, №32, ст.189; СЗ, 1934, №30, ст.232; СЗ, 1935, №30, ст.

233; СЗ, 1936, №40, ст.341. В 1928, 1929 гг. был действителен закон 1927 г. с поправками. Что касается колхозников, то они не участвовали в самообложении до закона на 1930 г. включительно, но с закона на 1932 г. в самообложении участвовали и колхозники. В законе на 1931 г. указывалось, что "в самообложении участвуют...колхозники, имеющие необобщественные доходы".

*3 Советское строительство, 1926, №3-4, с. 78.

*4 Подробнее см.: Советское строительство, 1927, №4, с. 84-89.

*5 Советское строительство, 1928, №4, с. 46; Финансы и народное хозяйство, 1928, №16, с. 29.

*6 ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 45, л. 87; РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 375, вып. 2, л. 74-74 об. Первый источник--телеграмма И. Я. Вейцера (члена коллегии НКТорга СССР) от 9 сентября 1927 г., а второй--выступление А.И.Микояна на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б), связанное с оценкой им роли Госплана СССР (особенно Эм. И. Квиринга) на объединенном совещании СНК СССР и СТО в сентябре 1927 г.

*7 Власть советов, 1927, №42, с. 4.

*8 Статистическое обозрение, 1930, №1, с. 106; Финансы и народное хозяйство, 1930, №25, с. 20.

*9 Советское строительство, 1928, №9, с. 59.

*10 Верлинский В. Практика самообложения крестьянства//Экономическое обозрение, 1928, №8, с. 34. См. также: Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). Неаполь, 1996, с. 102; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000, т. 2, с. 702; и ряд др. Существуют крестьянские воспоминания о том, как все селения в Вятской губернии отказались принимать самообложение в 1927 г. (подробнее см.: Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001, с. 315-316).

*11 Боговой И. Деревенские будни. М.-Л., 1928, с. 129-130. В то же время отдельные земельные общества переходили к замене целевых сборов единым сбором; например, общей раскладкой, которая начисляется на земельный надел, причем две головы крупного скота приравнивались к одному наделу и т. д. (см.: Вестник финансов, 1928, №3, с. 80.)

*12 Верлинский В. Указ. соч., с. 33. См. также: Советское строительство, 1928, №9, с. 59.

*13 Подробнее см.: Власть советов, 1934, №6, с. 45.

*14 Финансы и народное хозяйство, 1929, №11, с. 14.

*15 Трагедия советской деревни. Т.1. М., 1999, с. 798.

*16 Вестник финансов, 1928, №7, с. 88.

- *17 Советское строительство, 1929, №1, с. 17.
- *18 Трагедия советской деревни. Т.1, с. 614-615, 805 (прим.186). Автор вполне разделяет точку зрения, что новый метод хлебозаготовок с доведением планового задания до села фактически стал повторением того, "как это делалось при продовольственной разверстке военных лет" (Как ломали НЭП. Т. 5, Пленум ЦК ВКП(б) 10-17 ноября 1929 г. М., 2000, с. 6).
- *19 Сталин И. В. Сочинения. Т.12. М., 1949, с. 88; Окуда Х. Революция в Поволжье: деревня при режиме Сталина 1929-1934 (на яп. языке). Токио, 1996, с. 19.
- *20 Трагедия советской деревни. Т. 1, с. 615-616.
- *21 В борьбе за хлеб. Материалы в хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. М., 1929, с. 51 (М. Чернов); Окуда Х. Указ. соч., с. 34. Об упоминании Н. В. Крыленко об "общегосударственной повинности" см.: Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999, с. 615. См. также: Доманевская О. На крестьянском фронте //Социалистический вестник, Берлин, 1929, №15 (19 августа), с. 3-5; Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952, с. 180-182; Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966, с. 64-65; Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973, с. 191-195; Фридберг Л. Я. Государственный фонд СССР и финансово-экономические рычаги его образования (1921-1929 гг.). М., 1976 (работа депонирована в ИНИОН РАН), с. 200-209; Taniuchi Yu. Decision-making on the Ural-Siberian Method//Soviet History, 1917-1953, N. Y., 1995; и др.
- *22 Финансы и народное хозяйство, 1930, №29, с. 13.
- *23 Финансы и народное хозяйство, 1930, №25, с. 23.
- *24 Вестник финансов, 1928, №3, с. 80.
- *25 Финансы и народное хозяйство, 1930, №18, с. 5; №25, с. 20.
- *26 Боговой И. Указ. соч., с. 131.
- *27 Верлинский В. Указ. соч., с. 36.
- *28 Известия Наркомфина СССР, 1929, №23, с. 475.
- *29 Власть советов, 1929, №15, с. 7.
- *30 СУ, 1930, №58, ст. 690.
- *31 Власть советов, 1933, №11, с. 28.
- *32 Финансы и народное хозяйство, 1930, №15, с. 18-19.
- *33 Власть советов, 1932, №5, с. 26.
- *34 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1574, л. 80 об.
- *35 О положении в 1932 г. см.: Советское строительство, 1933, №10, с. 92, 97.

- *36 Власть советов, 1934, №6, с. 45.
- *37 Советское строительство, 1935, №9, с. 18.
- *38 Власть советов, 1934, №6, с. 45-46.
- *39 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 41.
- *40 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1574, л. 77 об. По другим данным в 1932 г. удельный вес самообложения составлял около 40% доходов сельбюджетов РСФСР (Власть советов, 1932, №32, с. 4).
- *41 В данном случае речь идет лишь о конце общины как организации местного самоуправления деревни. Автор пока не рассматривает той роли, которую играли отдельные крестьянские общинные порядки и традиции в колхозах, однако считает важным их изучение. Автор вполне разделяет постановку вопроса о сохранности в колхозной деревне общинных принципов и традиций И. Е. Козновой (см.: Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000, *passim* (например, с. 96-97, 105-106, 124-125, 152-154). См. также ее статью: Роль традиций, исторического опыта и социальной памяти крестьянства в эволюции земельных отношений//Земельный вопрос. Под ред. Строева Е.С. М., 1999, с. 219; и др.
- *42 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 6.
- *43 Подробнее см.: Советское строительство, 1933, №10, с. 96; 1935, №7, с. 82-83. О состоянии ревизионных комиссий в 1920-е годы см.: Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат. М., 1929, с. 107-110.
- *44 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 46-47.
- *45 Власть советов, 1933, №11, с. 28.
- *46 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1618, л. 82.
- *47 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 2, 7.
- *48 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1618, л. 82.
- *49 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 27-28.
- *50 СУ, 1931, №47, ст. 359; ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1618, л. 5. Порядок проведения самообложения на 1931 год, принятый ВЦИК и СНК РСФСР лишь на 5 дней раньше чем постановление СНК РСФСР от 15 августа 1931 г., запрещало использование средств самообложения на зарплату работникам социально-культурных учреждений, наряду с использованием их на административные расходы по содержанию местных органов власти (Известия, 11 августа 1931 г.). Последнее указание было общим для порядков проведения самообложения тех лет, начиная с 1928 г.
- *51 СУ, 1932, №70, ст. 313.

*52 ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 1431, л. 28.

*53 См. также: Буртина Е. Коллективизация без "перегибов" // Октябрь, 1990, №2, с. 167.

*54 План заготовки от колхозов и земобществ, контрактующих посевов, составлял *часть* поселенного плана (Давыдов Б. Как довести план хлебозаготовок до села? М.-Л., 1930, с. 13.) Подробнее см.: Окуда Х. Указ. соч., с. 56-58.

В поисках уставов колхозов 1956 г.

(заметки исследователя)

Уставы колхозов 1956 г. как исторический источник по колхозному строю

Уставы отдельных колхозов, принятые на основе Примерного устава сельхозартели 1935 г. почти не имеют источниковедческую ценность. Тексты первых просто копировали последний, а также вписанные в уставы колхозов размеры приусадебных участков и поголовье скота колхозников были определены партийными и советскими органами республик, краев и областей.

Иначе обстоит дело с уставами колхозов 1956 г. В известной мере они точно отражали действительность каждого колхоза и, поэтому, служат значимым историческим источником как по исследованию отдельных колхозов, так и по изучению крестьянства того времени. Дело в том, что постановлением партии и правительства от 6 марта 1956 г. “Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели” рекомендовалось колхозам “сами дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артели Устава с учетом местных, конкретных условий колхоза”.

Уставы колхозов 1956 г. ценнее в случае, когда хранятся тоже протоколы заседаний правлений колхозов и общих собраний колхозников, что позволяет конкретно освещать процесс и значение дополнения и изменения уставов.

При этом, если можно считать, что “и после коллективизации ... продолжала существовать (в центре России по крайней мере до середины 60-х годов) совокупность крестьянских мирков, генетически продолжавших тысячелетнюю традицию российского крестьянства”⁽¹⁾ и выделять два периода истории колхозного строя в России после 1930-х годов, то можно сказать, что одними из важных исторических источников по ее первому, раннему периоду являются уставы колхозов 1956 г.

⁽¹⁾ См.: М.А.Безнин. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг., Москва-Вологда, 1991, с.224

Сохранность первичных материалов и ее характеристики

Для выявления сохранности уставов колхозов 1956 г. и связанных с ними документов собраны были различные материалы в Алтайском крае и Орловской области. Две местности выбирались довольно случайно.

Собранные материалы в основном архивные, а частично газетные.

В архивах просмотрены были документы краевого (областного) комитетов партии, прокуратур, исполкомов и, в частности, их управлений сельского хозяйства. Кроме того, хотя и недостаток времени заставил ограничивать круг собранных материалов несколькими районами, насколько в архивах хранятся материалы, собраны были протоколы или решения райисполкомов о регистрации уставов колхозов, протоколы заседаний правлений и общих собраний об изменении уставов отдельных колхозов и, наконец, сами уставы колхозов (или части их изменений).

Что касается архивных материалов по отдельным районам и колхозам, привлекло внимание то, что в Орловской области они сосредоточиваются в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) и, кажется, ничего нет в районных архивах. А в Алтайском крае довольно много материалов хранятся как в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК), так и в районных архивах.

В результате исследования получены какие-нибудь информации об уставах 1956 года в сумме 141 колхозов: 98 в Алтайском крае и 43 в Орловской области (См. Таблицы 1 и 2).

Представляется, что теперь собраны почти все существующие материалы 7 районов Алтайского края, по которым исследование было проведено и в районных архивах, а также 3 районов Орловской области, по которым были исследованы районные фонды колхозов ГАОО.

Однако есть немало колхозов, по которым оставлены только такие незначительные информации в протоколах, как “Общее собрание решило: новый устав с/х артели утвердить” или “Исполком ... районного Совета депутатов трудящихся решил: устав сельхозартели колхоза ... зарегистрировать” (См. информации со знаком (*) в Таблицах 1 и 2).

Если исключить все колхозы с такими незначительными информациями, в пределах

указанных 7 районов Алтайского края и 3 районов Орловской области остаются соответственно 36 и 24 колхозов (См. Таблицу 3).

Из Таблицы 3 видно: (1) около 30 % колхозов Алтайского края и 40 % колхозов Орловской области оставляют значимые сведения о своих уставах 1956 г. и (2) Алтайскому краю характерен тот факт, что там почти не оставлены сами уставы колхозов.

Кстати сказать, в апреле 1957 г. в Алтайском крае крайисполком потребовал от председателей исполкомов 36 районов из 65 (за исключением Горно-Алтайской автономной области) представить отчеты об ускорении работы по принятию и регистрации уставов колхозов. В этот список районов включались и тоже 5 районов из 7, помещенных в Таблице 3. Поэтому по сохранности документов колхозов другие районы края, может быть, выше указанных 7 районов.

Что касается 3 районов Орловской области, названных в Таблице 3, на 26 октября 1957 г. было принято или зарегистрировано следующее количество новых уставов колхозов. Здесь работа шла успешнее по сравнению с остальными районами области. Поэтому по сохранности материалов другие районы области, вероятно, ниже указанных 3 районов.

Принятие и регистрация уставов колхозов в Орловской обл. на 26 октября 1956 г. *

Районы	всего колхозов	принято новых уставов с.х. артели (в %)	зарегистрировано в райисполкомах (в %)
Корсаковский	16	16 (100)	15 (93,8)
Ново-Деревеньковский	24	24 (100)	0 (0)
Русско-Бродский	18	18 (100)	5 (27,8)
итого по 3 районам	58	58 (100)	20 (34,5)
итого по области	591	261 (44,2)	85 (14,4)

* ГАРФ. Ф.А-310, Оп.1, Д.6743, Л.234

Оценка, и возможные факторы, оказавшие влияние на сохранность материалов

Оценка сохранности материалов зависит от того, какой критерий будет выбран.

С точки зрения правовой нормы сохранность порядка 30-40% весьма низкая. Дело в том, что по Правилам работы архивов учреждений, организаций и предприятий, утвержденным приказом МВД СССР от 1 июня 1956 года

документальные материалы в архивах колхозов хранятся в течение 5 лет и по истечении этого срока хранения они должны были передаваться в государственные архивы (Гл.1, Ст.6)⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Правила работы архивов учреждений, организаций и предприятий. М., 1956, с.5

Однако для того чтобы оценивать ситуацию с исторической точки зрения нужно рассматривать возможные факторы, которые оказывали влияние на уровень сохранности документов колхозов.

Выявление таких факторов позволяло бы объяснять тот факт, что в Алтайском крае до крайности мало найдены сами уставы колхозов 1956 г.

(1) В Алтайском крае сразу после опубликования постановления партии и правительства от 6 марта 1956 г. наблюдалось у руководства края, представляется, немножко пассивное отношение к нему.

Постановлением Бюро крайкома КПСС от 19 марта подчеркивалось, что осуществление постановления от 6 марта должно явиться повседневной работой в колхозах, а не кратковременной кампанией (ЦХАФАК. Ф.П-1, Оп.99, Д.31, Л.252). В постановлении от 20 апреля за спешку осуждался ряд райкомов партии и райисполкомов, и считалось неправильным то, что они опубликовали дополнения к уставу колхоза в районных газетах. В том же постановлении осуждались даже колхозы, принявшие совершенно новые тексты устава вместо изменений или дополнений его отдельных статей (там же, Д.32, Л.16, 17, 23). Было бы естественно, что при регистрации только измененной части уставов падает сохранность данных документов.

(2) О путанице в райисполкомах сообщали и в Орловской области и в Алтайском крае.

В одном районе Алтайского края без изменения были зарегистрированы уставы, включающие в себе противозаконные положения, а также порекомендованные райисполкомом изменения к уставу не рассматривались на общих собраниях колхозников и в результате чего в колхозах не знали, какой устав действует (там же, Ф.Р-569, Оп.6, Д.917, Л.31-33).

(3) В 1957 г. краевые, областные прокуратуры и исполкомы стали усиливать борьбу с нарушением законодательства, заключавшимся в измененных уставах колхозов, например, с положением о непомерном сокращении приусадебных

земель рабочих и служащих, проживающих на территории колхозов. В результате случилась отмена регистрации части противозаконных положений в уставах, которые раньше были зарегистрированы в райисполкомах (См. информации 4 колхоза Павловского района в Таблице 1).

(4) О степени путаницы в Алтайском крае в начале 1957 г. говорит решение крайисполкома от 9 апреля того же года.

“Колхозы Марушинского района в марте месяце 1956 года представили для регистрации свои Уставы, однако они до сих пор не зарегистрированы. Благовещенским райисполкомом из 16 колхозов зарегистрировано всего лишь 3 устава, а по Зональному и Змеиногорскому районам до сих пор не зарегистрировано ни одного Устава. В колхозе “Шестая пятилетка” Павловского района не обсуждали вопроса о дополнениях и изменениях к Уставу. В колхозе имени Кирова и им. Сталина Бурлинского района нет своих Уставов, а колхозы пользуются только примерными Уставами...

До сих пор не произведена регистрация Устава сельхозартели во многих колхозах Романовского, Ребрихинского, Алейского, Локтевского, Новичихинского, Поспелихинского, Шипуновского, Залесовского, Косихинского, Кытмановского, Сорокинского, Усть-Калманского, Грязнухинского, Петропавловского, Солтонского и Сростинского районов” (ЦХАФАК. Ф.Р-834, Оп.4, Д.409, Л.116).

И теперь крайком партии, кажется, по-настоящему взялся за выполнение постановления от 6 марта 1956 г. До тех пор, может быть, он был занят другой работой: в 1956 г. Алтайский край был награжден орденом Ленина за освоение целинных земель.

(5) Как выше изложено, каждому колхозу приходилось передавать госархиву свой устав 1956 г. по истечении 5 лет, т.е. в начале 60-х годов. Однако уже с конца 50-х годов началось так называемое необоснованное ограничение ЛПХ. В то время в одном районе Алтайского края руководящие работники колхозов говорили, что “Устав сельхозартели, как устаревший, будет в скором времени вообще отменен” и они перестали руководствоваться положениями Уставов (ЦХАФАК. Ф.Р-569, Оп.6, Д.917, Л.33). Такая ситуация должна была еще сильнее способствовать утере уставов колхозов 1956 г.

(6) В заключение нужно останавливаться на такие факторы, как объединение колхозов или их реорганизацию в совхозы.

Вот и такая история о колхозах Кулундинского района Алтайского края. В 1950 г. всего 7 колхозов объединились в колхозы “Знамя коммунизма” и им. Хрущева. В 1956 г. эти два колхоза объединились в один колхоз им. Хрущева, который в следующем году вошел в совхоз “Победа”. Однако до 1957 г. в Кулундинский райгосархив ни разу не сдавались документы колхозов “Знамя коммунизма” и им. Хрущева. Они были обнаружены в 1968 г. в архиве совхоза “Победа” (ЦХАФАК, Ф.Р-964, Оп.2, Предисловие описи).

Нечего и говорить о негативном воздействии реорганизации колхозов на сохранность их документов. И представляется, что в Алтайском крае такой процесс шел чаще и шире чем в Орловской области.

Из всех вышеизложенных можно заключить, что с исторической точки зрения сохранность уставов и других документов колхозов на уровне 30-40% считается довольно высокой.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

No.	No.	(НЦ)κ) K06ελαιο	Колхоз	протокол за с дата есто х	протокол обще дата есто х	устав (часть дата есто х	решение (бюро) РД а регистрации уст	решение (бюро) РД есто хр.
			(Белоглазовский)					
1	1	Комарихинский	им. Ворошилова		14.04.1956	ЦХАФАК		
2	2	Тугозвоновский	им. Ленина		18.04.1956	ЦХАФАК		
			(Волчихинский)					
3	1	Волчихинский	им. Буденного	13.04.1956 (*)	ЦХАФАК	20-31.05.1956	ЦХАФАК	
4	2	Усть-Волчихинский	Память Ленина		09.04.1956	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК
5	3	Ярослав-Логовский	им. Молотова		13.04.1956	ЦХАФАК		
6	4	Ярослав-Логовский	Память Ленина	04.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956	ЦХАФАК	
			(Ельцовский)					
7	1	Ельцовский	им. Мичурина		08.04.1956 (*)	ЦХАФАК		
8	2	Ельцовский	Победа		25.03.1956	ЦХАФАК		
			(Калманский)					
9	1	Бурановский	Победа Октября		15.04.1956	рай архив		
10	2	Шадринский	им. Кирова	25.09.1956	рай архив			
			(Каменский)					
11	1	?	им. Мичурина					Алтай. правда
			(Краснощековский)					
12	1	Краснощековский	Колхозная крепь	06.04.1956 (*)	ЦХАФАК	09.04.1956 (*)	ЦХАФАК	
			(Крутихинский)					
13	1	Прыганский	им. Жданова	01.04.1956 (*)	ЦХАФАК	08.04.1956 (*)	ЦХАФАК	
			(Локтевский)					
14	1	?	Краснофлотец					Алтай. правда
			(Павловский)					
15	1	Кольванский	Путь к коммунизму		12.04.1956	ЦХАФАК	07.01.1957 (*)	рай архив
16	2	Лебяжинский	им. Ленина		11.04.1956 (*)	ЦХАФАК	07.01.1957 (*)	рай архив
17	3	Павловский	им. Тельмана	13.04.1956 (*)	рай архив	20.04.1956 (*)	рай архив	
18	4	Рогозихинский	им. Молотова	26.04.1956	рай архив	23.06.1956	рай архив	07.01.1957 (*)
19	5	Черемновский	Завет Ильича	11.04.1956	ЦХАФАК		07.01.1957 (*)	рай архив
20	6	Черемно-Подгорный	им. Чкалова	22.04.1956	рай архив	10.04.1956	рай архив	30.06.1956 (отменено 06.09.1957)
21	7	Чернопятковский	им. Ленингр. 25-т	15.04.1956	ЦХАФАК	18.04.1956	ЦХАФАК	
22	8	Чернопятковский	Стальная колонна		14.04.1956 (*)	рай архив	07.01.1957 (*) (λοϊκικλ 06.09.1957)	рай архив
23	9	Шаховский	им. Куйбышева		11.07.1956 (*)	ЦХАФАК	07.01.1957 (*) (λοϊκικλ 06.09.1957)	рай архив
24	10	?	Знамя Октября				30.06.1956 (отменено 06.09.1957)	рай архив
25	11	?	им. Ворошилова				07.01.1957 (*)	рай архив
26	12	?	им. Кагановича				07.01.1957 (*)	рай архив
27	13	?	Память Кирова				07.01.1957 (*)	рай архив
28	14	?	Путь вперед					рай газета, 29.03.1957
29	15	?	Путь Сталина		05.04.1956 (*)	ЦХАФАК	07.01.1957 (*)	рай архив
30	16	?	?					рай газета, 22.03.1957
			(Парфеновский)					
31	1	?	Зеленая Роща				05.10.1956	ЦХАФАК
32	2	?	им. Ворошилова				05.10.1956 (*)	ЦХАФАК
33	3	?	им. Куйбышева				05.10.1956	ЦХАФАК
34	4	?	им. Сталина				05.10.1956	ЦХАФАК
35	5	?	им. Хрущева				10.12.1956	ЦХАФАК
36	6	?	Красный Алтай				05.10.1956	ЦХАФАК
37	7	?	Орел				10.12.1956	ЦХАФАК
38	8	?	Путь к коммунизму				05.10.1956	ЦХАФАК
39	9	?	Путь Сталина				05.10.1956 (*)	ЦХАФАК
			(Поспелихинский)					
40	1	Борковский	им. Кагановича		13.04.1956	рай архив	06.07.1956 (*)	ЦХАФАК
41	2	Борковский	им. Молотова				06.07.1956 (*)	ЦХАФАК
42	3	Калмыцко-Мысовый	Знамя родины		21.02.1957	рай архив		
43	4	Николаевский	Красное знамя		20.04.1956	рай архив	06.10.1956	ЦХАФАК

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№	№	(НЦ)κ	Ποδελαιίο	Ленинец	Колхоз	протокол за с	протокол обще	устав (часть	решение (бюро) РД	другие материа			
						дата	есто х	дата	есто х	дата	есто х	а регистрации уст	есто х р.
44	5											06.10.1956	ЦХАФАК
45	6											06.07.1956 (*)	ЦХАФАК
46	7											06.07.1956 (*)	ЦХАФАК
47	8											21.05/22.12.1956	ЦХАФАК
48	9											06.07.1956 (*)	ЦХАФАК
49	10											21.06.1956	ЦХАФАК
50	11											06.10.1956	ЦХАФАК
51	12											21.05.1956	ЦХАФАК
52	13											21.05.1956	ЦХАФАК
53	1												
54	2												
55	1											31.10.1956	ЦХАФАК
56	2											31.10.1956	ЦХАФАК
57	3											31.10.1956	ЦХАФАК
58	4											31.10.1956	ЦХАФАК
59	5											31.10.1956	ЦХАФАК
60	6											31.10.1956	ЦХАФАК
61	7											31.10.1956	ЦХАФАК
62	8											31.10.1956 (*)	ЦХАФАК
63	9											31.10.1956	ЦХАФАК
64	10											31.10.1956 (*)	ЦХАФАК
65	11											31.10.1956 (*)	ЦХАФАК
66	1											27.04.1956	рай архив
67	2											17.04.1956	рай архив
68	3											15.04.1956	рай архив
69	4											11.04.1956	рай архив
70	5											09.04.1956	рай архив
71	6											30.12.1956	рай архив
72	7											14.04.1956	рай архив
73	8											(04.05.1956)	
												15.08.1956	ЦХАФАК
74	1											16.04.1956 (*)	рай архив
75	2											19.04.1956 (*)	рай архив
76	3												Алтай. правда
77	4											11.05.1956	рай архив
78	5												рай газета, 07.04
79	1												Алтай. правда
80	1											01.04.1956	ЦХАФАК
81	2											22.04.1956	ЦХАФАК
82	3											10.06.1956	ЦХАФАК
												10.16.1956	(текст устава изложен в протоколе)
83	1											06.04.1956	ЦХАФАК
84	2											04.04.1956	ЦХАФАК
85	3											13.04.1956	ЦХАФАК
												22.05.1956	ЦХАФАК (фонд к-за"Па
86	1											09.04.1956	ЦХАФАК
87	2											(09.04.1956)	(текст части изменений изложен в протоколе)
88	3											11.04.1956	ЦХАФАК
												11.04.1956	ЦХАФАК
												13.04.1956	ЦХАФАК

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 1. Колхозы Алтайского края, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

89	4	Коротоякский	Путь Ильича			11.04.1956	ЦХАФАК					
90	5	Ново-Ильинский	Ленинский пут	09.04.1956	ЦХАФА	10.04.1956	ЦХАФАК					
91	6	Плесо-Курьинск	им. Маленкова			15.04.1956	ЦХАФА (15.04.1956)	ЦХАФАК				
No.	No.	(НЦЛК) Ιθυβλάτιο	Колхоз	протокол за с		протокол обще	устав (часть		решение (бюро) РД	р	ругие материа	
				дата	есто х	дата	есто х	дата	есто х	а регистрации уст	есто х р.	
92	7	Плесо-Курьинск	Партизан			15.04.1956	ЦХАФАК					
93	8	Тополинский	им. Булганина			10.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
94	9	?	им. Молотова			(08.04.1956)						рай газета, 12.04
		(Чесноковский)										
95	1	Повалихинский	им. Маленкова	12.04.1956 (*)	ЦХАФА	15.04.1956 (*)	ЦХАФАК					
		(Шипуновский)										
96	1	Михайловский	Первое Мая	17.04.1956	рай а р	18-20.04.1956	рай архив					
97	2	Урлаповский	им. Кирова			04.04.1956	рай архив					
		(Яминский)										
98	1	?	им. Хрущева									Алтай. правда
		Количество колх	98 (Υίβ (*): 76)	17 (Υίβ (*): 10)		55 (Υίβ (*): 44)		6		50 (Υίβ (*): 30)		10

1) ЦХАФАК: Центр хранения архивного фонда Алтайского края. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 2. Колхозы Орловской области, по которым собраны архивные и другие материалы об изменении уставов в 1956 г.

№	№	(Район) Сельсовет	Колхоз	протокол зас. правления		протокол общ. собрания		устав (часть изменений)		решение (бюро) РИК		другие материалы
				дата	место хр	дата	место хр	дата	место хр	дата регистрации	место хр.	
		(Верховский)										
1	1	Корсунский	им. Хрущева	20.05.1956	ГАОО	26.05.1956	ГАОО					
		(Глазуновский)										
2	1	?	им. Хрущева									Справка о состоянии соц. законности в районе, 1957 (ГАОО)
		(Дросковский)										
3	1	Ивановский	Память Кирова					?	ГАОО			
4	2	Топковский	им. Жданова					(?)	ГАОО			
		(Знаменский)										
5	1	?	Красная нива									Письмо зам. нач. Облуправления с. х., март 1957 (ГАОО)
6	2	?	Путь к коммунизму									Письмо зам. нач. Облуправления с. х., март 1957 (ГАОО)
		(Корсаковский)										
7	1	Головкинский	им. Хрущева					02.09.1956	ГАОО			
8	2	Красногорский	Завет Ильича					03.04.1956	ГАОО			
9	3	Марьинский	Путь к коммунизму					09.04.1956	ГАОО			
10	4	Ново-Михайловский	Верный путь					29.03/ ? ? 1956	ГАОО	22.09.1956 (*)	ГАОО	
11	5	Покровский	Красная заря					29.03.1956	ГАОО			
12	6	Покровский	Большевик			28.03.1956	ГАОО	28.03.1956	ГАОО			
		(Краснозоренский)										
13	1	Успенский	им. Сталина					31.07.1956	ГАОО	04.02.1957 (*)	ГАОО	
		(Ново-Деревеньковский)										
14	1	Благодатский	им. Ворошилова					(30.05.1957) (*)		05.08.1957 (*)	ГАОО	
15	2	Благодатский	Путь к коммунизму					(10.05.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
16	3	Глебовский	им. Ильича	04.04.1956	ГАОО			(20.03.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
17	4	Журавлиновский	им. Сталина	16.04.1956	ГАОО	27.05.1956	ГАОО					
18	5	Косаревский	им. Жданова			08.07.1956	ГАОО					
19	6	Никитинский	им. Хрущева					(29.03.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
20	7	Ново-Деревеньковский	им. Маленкова					(06.02.1957) (*)		20.05.1957 (*)	ГАОО	
21	8	Старогольский	Путь Сталина					(08.04.195756)		20.05.1957 (*)	ГАОО	Письмо нач. Облуправления с. х., 16.01.1957 (ГАОО)
22	9	?	Путь к рассвету									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
		(Орловский)										
23	1	?	им. Сталина									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
24	2	?	им. Фрунзе									Орловская правда, 1956.10.27
		(Русско-Бродский)										
25	1	Нижне-Жерновский	Звезда					02.04.1956	ГАОО	15.08.1956 (*)	ГАОО	
26	2	Нижне-Жерновский	им. Ворошилова					?	ГАОО			
27	3	Нижне-Жерновский	им. Маленкова	28.07/ 19.11.1956	ГАОО	29.07/ 28.11.1956	ГАОО	?	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
28	4	Пеньшинский	им. Буденного	23.07.1956 (*)	ГАОО	04.08.1956 (*)	ГАОО	04.08.1956	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
29	5	Покровский	им. Карла Маркса					21.07.1956	ГАОО	23.02.1957 (*)	ГАОО	
30	6	Покровский	Труд					22.01.1957	ГАОО	07.02.1957 (*)	ГАОО	
31	7	Рождественский	им. Хрущева	16.07.1956 (*)	ГАОО	22.07.1956 (*)	ГАОО			03.08.1956 ? (*)	ГАОО	
32	8	Ртищевский	им. Хрущева					?	ГАОО	(13.04.1957) (*)		
33	9	Русско-Бродский	им. Молотова	12.07.1956	ГАОО	14.07.1956/ 06.01.1956	ГАОО					
34	10	Теляженский	им. Калинина					?	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
35	11	Теляженский	Ленинский путь					24.07.1956	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
36	12	Троицкий	им. Чкалова			23.07.1956	ГАОО	22.07.1956	ГАОО	09.08.1956 (*)	ГАОО	
37	13	Троицкий	Вперед к коммунизму			22.07.1956	ГАОО	22.07.1956	ГАОО	03.08.1956 (*)	ГАОО	
38	14	?	Заветы Ильича							09.08.1956 (*)	ГАОО	
39	15	?	Заря							09.08.1956 (*)	ГАОО	
40	16	?	им. Ленина							03.08.1956 (*)	ГАОО	
41	17	?	им. Ленина							09.08.1956 (*)	ГАОО	
42	18	?	Путь к коммунизму									Справка о райкоме КПСС, июль? 1956 (ГАОО)
		(Сосковский)										
43	1	?	им. Калинина									П.Н.Рослов. Охрана колх. землепользования. Орел, 1958
Количество колхозов			43 (без (*): 34)	7 (без (*): 5)		10 (без (*): 8)		26 (без (*): 21)		23 (без (*): 0)		9

1) ГАОО: Гос. архив Орловской обл. 2) (*): материалы, известные только датами, или не указывающие конкретно о содержании измененных уставов.

Таблица 3. Количество колхозов, по которым известно что-нибудь о содержании измененных уставов 1956 г.

(1) Алтайский край (7 районов, по которым собраны материалы и в районных архивах)

районы	содержание уставов известно на материалах					итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) *	(А)/ (Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других			
Калманский	1	1	0	0	0	2	14	14.3
Павловский	4	5	0	2	2	8	18	44.4
Поспелихинский	1	7	0	7	0	10	14	71.4
Сорокинский	0	1	1	0	0	2	20	10.0
Тальменский	0	7	1	3	0	8	21	38.1
Топчихинский	0	0	0	1	3	4	17	23.5
Шипуновский	1	2	0	0	0	2	24	8.3
всего	7	23	2	13	5	36	128	28.1

* Народное хозяйство Алтайского края. Статистический сборник. Барнаул, 1958, с.74-75

(2) Орловская область (3 района, по которым собраны материалы порайонных фондов колхозов в ГАОО)

Районы	содержание уставов известно на материалах					итого (без дублирования) (А)	общее число колхозов в конце 1955 г. (Б) **	(А) / (Б) в %
	протокола зас. правления	протокола общ. собрания	устава (части изменений)	решения (бюро) РИКа	других			
Корсаковский	0	1	6	0	0	6	16	37.5
Ново-Деревеньковский	2	2	1	0	2	5	25	20.0
Русско-Бродский	2	4	11	0	1	13	18	72.2
всего	4	7	18	0	3	24	59	40.7

** Народное хозяйство Орловской области. Статистический сборник. Орел, 1957, с.29

Земельная реформа в Армении

Введение

Минуло более 10 лет с тех пор, как распад СССР ознаменовал начало крупномасштабных аграрных реформ в республиках СНГ. Хотя реформы начались с единой системы, подходы реформ и темпы их осуществления оказались весьма различными. На рисунке 1 показаны разные подходы республик СНГ в осуществлении земельных реформ (по уровням приватизации земли в законодательстве и индивидуализации сельского хозяйства).

Это явление и его причины заслуживают глубокого изучения. К тому же, такой сравнительный анализ аграрных реформ в республиках СНГ может дать ключ к пониманию важных вопросов: «Что такое социалистическое сельское хозяйство СССР?» и «Куда идет сельское хозяйство республик СНГ?».

Что касается сравнительного изучения, то здесь мы не можем оставить без внимания пример Армении. Республика Армения первой из бывших республик СССР осуществила радикальную земельную реформу. В 1991 г. был принят закон о частной собственности на землю и приватизации всего агропромышленного комплекса. Согласно закону, сельскохозяйственное производство почти полностью было индивидуализировано и коллективных хозяйств практически не осталось. Практически все совхозы и колхозы были преобразованы в крестьянские, и их количество на 2001 г составило 332,6 тысяч.

В то же время, сокращение производства в сельском хозяйстве происходило более низкими темпами, чем в других республиках бывшего СССР. А после 1994 г. производство здесь начало устойчиво расти (Таблица 1).

Исходя из этих факторов, общие итоги реформы в Армении, в целом, были оценены как положительные. Более того, некоторые исследователи стали считать что, «секрет успехов» реформы лежал в ее радикальности. Так, например, Цви Лерман, принимавший участие в исследованиях Всемирного Банка, пишет: «В Армении, по индексам объема продукции сельского хозяйства, продолжается рост, в самый короткий срок были достигнуты уровни производства, сложившиеся до 1991 года. Это, возможно, благодаря радикальной и решительной земельной реформе в 1991-1992 гг.». Иными словами, «чем радикальнее, тем лучше».

Правильно ли такое представление? Опыт аграрной реформы в России показал: реформа, проведенная без учета исторических условий и конкретных возможностей, может принести много ущерба. Поэтому подобное представление нуждается в проверке на конкретно-статистическом материале.

Индекс объема продукции сельского хозяйства растет, но...

Индекс объема продукции сельского хозяйства в Армении продолжает устойчиво расти. И все же нельзя сказать, что земельная реформа решила все вопросы.

Во-первых, надо думать вопрос заключается в, так называемом, «базисном годе». Так как индекс сильно изменится в зависимости от его выбора. С этой точки зрения, год 1991 не подходящий «базисный год» для Армении. Дело в том, что Спитакское землетрясение, события, связанные с Карабахским вопросом, повлияли отрицательно на развитие сельского хозяйства уже в 1988-1990 гг. Это означает, что рост индекса объема продукции сельского хозяйства в последние годы идет не только за счет земельной реформы, но также и за счет восстановления. Таблица 2 представляет сравнение индексов объема продукции сельского хозяйства к 1991 г., а также к 1988 г. Что касается индекса к 1988 г., то здесь первое место занимает не «радикальная» Армения, а «консервативный» Узбекистан.

Во-вторых, рост индекса объема продукции сельского хозяйства сопровождался увеличением численности занятых в сельском хозяйстве. Среднегодовая численность занятых сельскохозяйственным трудом в 2000 г. превысила 560 тыс. человек вместо прежних 380 тысяч. Из этого следует, что производительность сельскохозяйственного труда, наоборот, снизилась почти на четверть (Таблица 3). Как отмечают армянские специалисты, оптимальная численность занятых в сельском хозяйстве Армении не превышает 200 тыс. человек.

Наконец, произошло негативное изменение структуры производства. В Таблице 4 показана динамика производства основных продуктов сельского хозяйства. Из таблицы следует вывод о том, что рост индекса объема продукции сельского хозяйства в 1991 г. достигался за счет картофеля и молока.

В то же время, производство традиционных культур, занимавших ведущее место в республике, как-то: виноград, плоды и южные овощи, - падает. В частности, полностью прекратилось возделывание дорогостоящего гераниевого масла. Необходимо обратить внимание на то, что эти культуры имеют реальные

относительные преимущества на мировом рынке.

Условия, которые позволили «сплошную фермеризацию»

Хотя курс на развитие фермерских хозяйств был провозглашен во всех республиках, количество таких хозяйств невелико. И заметной роли в аграрном секторе экономики они пока не играют. Исключение составляют Армения и Грузия. Каковы же были те условия, которые позволили «сплошную фермеризацию»?

Во-первых, земельная реформа в Армении несла довольно «принудительный характер». Вообще, в ходе земельных реформ в республиках СНГ, утверждались различные формы собственности и хозяйствования, а также был взят курс на создание условий для равноправного развития всех форм хозяйствования на основе такого многообразия форм собственности.

В Армении совхозы были безусловно ликвидированы. Что касается колхозов, то они могут быть полностью или частично сохранены по решению общего собрания колхозников. Но такой колхоз не приравнивается по правовому положению к коллективным крестьянским хозяйствам, образуемым в результате реформы, а члены колхоза не получают права собственности на землю. То есть, практический нет выбора.

Во-вторых, надо отметить наличие влиятельной политической силы. Земельная реформа – самая сложная и деликатная реформа, которая может вызвать серьезные конфликты. Однако в Армении Армянское Общенациональное Движение (АОД) и его лидер Левон Тер-Петросян имели очень высокую популярность и практически полную свободу действий.

В-третьих, в Армении для создания индивидуальных хозяйств имеются «подходящие» природные условия. Земли, пригодные для сельскохозяйственного использования, в Армении ограничены. К тому же, есть другая характерная особенность республики. Это раздробленность и незначительные размеры земельных участков. Достаточно сказать, что около 2/3 пахотных земель состоит из участков площадью до 1 га. Средние размеры пахотных участков республики в 100 раз меньше, чем в Ставропольском крае. Естественно, что в таких условиях трудно применять машинную обработку, но легко создать мелкие хозяйства с применением ручного труда.

В-четвертых, социально-экономическое положение в 1991-1993 гг. вынудило создать крестьянские хозяйства. Этот период ознаменовался резким ухудшением экономического положения вследствие блокады со стороны Азербайджана и

начала гражданской войны в Грузии. События в Грузии нанесли Армении едва ли ни больший вред, чем карабахский конфликт. Оказался отрезанным последний железнодорожный путь, соединяющий Армению с внешним миром. Прекратилось снабжение населения продовольствием, а промышленность осталась без сырья. В этих условиях, чтобы выжить, сельское хозяйство стало опорой и основой экономики Армении. Создание крестьянских хозяйств решило и проблему занятости, и проблему продовольствия.

Наконец, у Армении была историческая традиция подворного использования земель. Л. Ханларян отмечает об этом. В 40-60-е годы XIX в. пахотная земля и пастбища находились в общинном пользовании. Зато виноградники, сады, огороды, енджалыки (луга, засеянные люцерной или клевером), искусственно насажденные рощи, не говоря уже об усадебных участках, находились в подворном пользовании крестьян-общинников. В Армении были целые районы, где, за исключением пастбищных мест и выгонов, вся общинная земля находилась в подворном владении крестьян.

Вот несколько примеров:

П. Ягодынский, исследователь крестьянской жизни, писал: «Государственные крестьяне Ордубатского участка пользуются усадебной, пахотной и садовой землей подворно, в постоянных участках, переходящих по наследству от одного поколения к другому».

С. Егиазаров в работе, посвященной сельской общине в Эриванской губернии, отмечает, что «в нагорных уездах переход надельной земли составляет явление исключительное, тогда как в жаркой полосе он в той или другой форме практикуется в широких размерах, и земельная собственность исподволь сосредоточивается в руках имущего класса крестьян».

Такая традиция, возможно, оказала некоторое влияние на приватизацию земель и создание крестьянских хозяйств.

Заключение

Земельная реформа в Армении привела к раздроблению и без того небольших земельных участков. Были раздроблены и большие садовые массивы. Пахотные земли крестьянских хозяйств размером в среднем менее 1 га состоят из 5-6 и более участков. Расстояние между ними часто превышает 10-15-20 км.

Значительная часть крестьянских хозяйств превратилась в универсальные натуральные хозяйства, в основе которых лежат тяжелый ручной труд и примитивные средства производства, действующие по принципу «всего

понемножку для собственного потребления». Как правило, они имеют очень низкую товарность и эффективность.

Президент республики отметил: натурализация сельского хозяйства достигла таких размеров, что если в развитых странах каждый крестьянин обеспечивает сельскохозяйственной продукцией от 20 до 50 человек, то в Армении этот показатель составляет только 1. Доля собственного потребления производимой продукции в крестьянских хозяйствах достигала 50-70 %.

Согласно Земельному Кодексу Армении, у крестьянских и коллективных крестьянских хозяйств право продажи земли возникает через 3 года после приобретения права собственности. Это значит, что уже в 1994 г. допускается купля-продажа земли. Но земельный рынок в Армении пока не развился в полной мере. Так, например, газета «Республика Армения» сообщала, что в 1998 г. в республике заключено только «600 сделок по отчуждению земли от одного собственника и передаче ее в собственность другому». Банкиры не принимают землю в качестве залога. Они требуют другое: золото, драгоценности и квартиры в центре Еревана.

Опыт земельной реформы в Армении показывает, что радикальная реформа не всегда дает положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

Армения: проблемы независимого развития, Российский институт стратегических исследований, М., 1998, 265 С.

10 лет СНГ(1991-2000), Статком СНГ, М., 2001, 797 С.

Жариков Ю.Г. Право собственности на землю по законодательству стран СНГ // *Закондательство и экономика*. 1996 № 11/12. С.75-90.

Казарян С. Ход аграрной реформы в Армении // *АПК*. 2000 № 6. С.14-17.

Минина Е.Л. Сравнительный аналитический обзор правовых актов по аграрной реформе в странах СНГ и Балтии // *Закондательство и экономика*. 1996 № 3/4. С.64-76.

Фаградян О. Аграрные преобразования в Республике Армения // *Общество и экономика*. 1999 № 6. С.85-96.

Ханларян Л.А., К характеристике армянской деревни дореформенного периода (40—60-е годы XIX в.) // *Исторические записки*. 1956 № 58. С.145-185.

Хачатрян А. Экономические реформы в Армении: уроки десятилетия // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000 № 6. С.176-186.

«Республика Армения»

Z. Lerman(1999) "Record of Land Reform in Transitional Economies", Report to the OECD.

Armenia: the challenge of reform in the agriculture sector, the World Bank, Washington D.C.,1995. 198p.

Armenia's Private Agriculture: 1998 Survey of Family Farms, EU Phare ACE and The World Bank/ECSSD/DECRCG, 1999, 48p.

Growth Challenges and Governments Policies in Armenia, The World Bank, Washington D.C., 2002.189p.

K. Nobe(2000), Transition of Economic System and Agriculture: the Case of Armenia, *Farming Japan*, Vol.34, No.6, pp. 44-48.

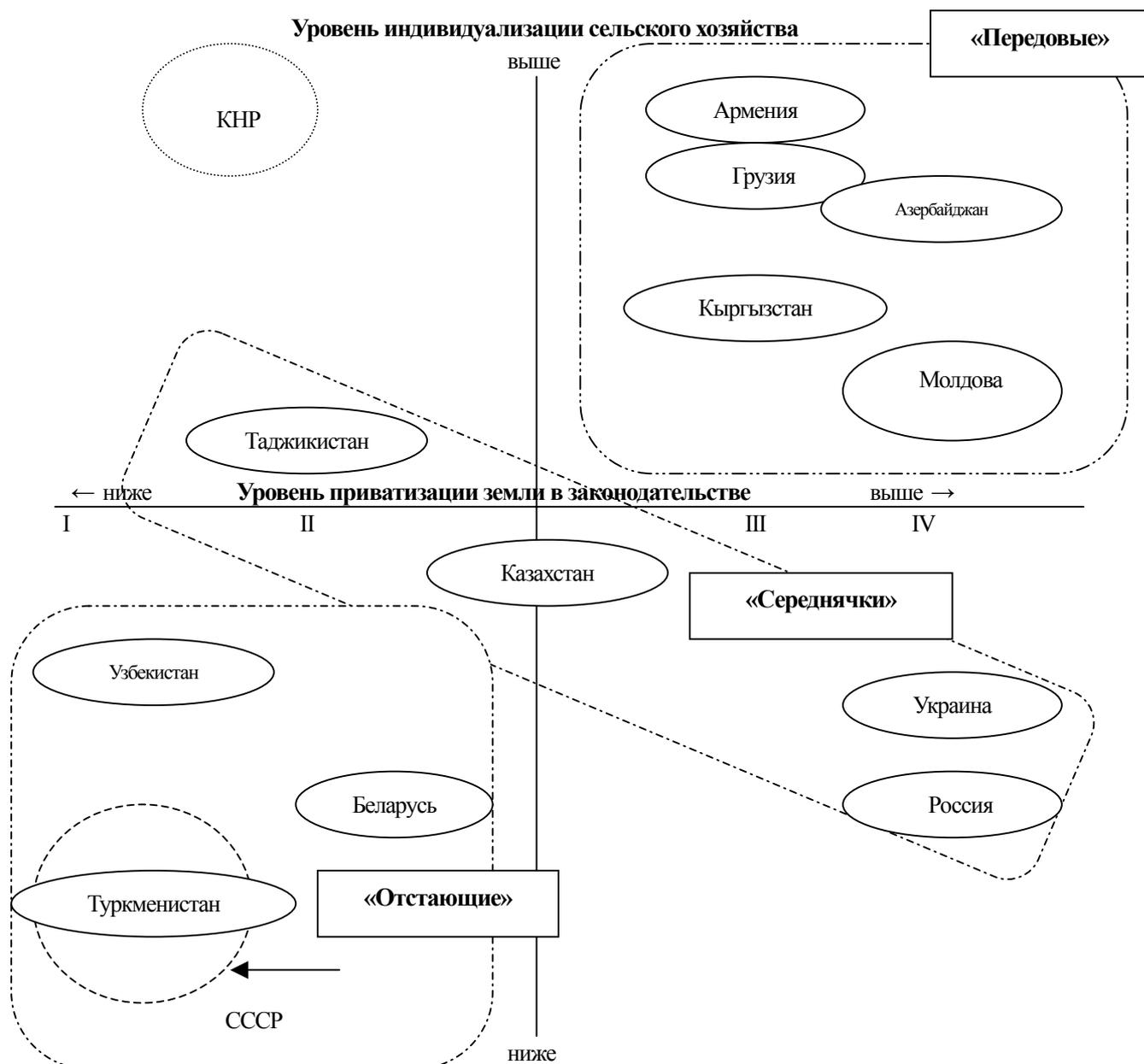

Рисунок 1. Разные подходы республик СНГ к земельной реформе

(в конце 2000 г)

Уровню приватизации земли в законодательстве:

Сохранение исключительной собственности государства на землю/ Только приусадебные участки подлежат приватизации/ Отдельные с.-х. угодья подлежат приватизации (горные пастбища не подлежат приватизации)/ Все с.-х. угодья подлежат приватизации.

Так как права пользования могут передаваться, Таджикистан и Казахстан находятся близко к следующему уровню. В Туркменистане Конституция (1992 г) разрешила частную собственность на землю, но в действительности «собственники» имеют только право наследования. Поэтому Туркменистан целесообразно относиться к уровню .

Уровню индивидуализации сельского хозяйства :

Доля посева зерновых в крестьянских хозяйствах и ЛПХ(%)

Таблица 1. Индексы объема продукции сельского хозяйства(в процентах к предыдущему году)*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2000 к 1991
Азербайджан	76	85	87	93	103	94	106	107	112	64
Армения	102	95	103	105	102	94	113	101	97.5	112
Беларусь	91	104	86	95	102	95	99.3	92	109	75
Грузия	87	88	111	113	106	107	90	108	85	90
Казахстан	129	93	79	76	95	99.2	81	128	96	67
Кыргызстан	95	90	82	98	115	112	103	108	104	102
Молдова	84	110	76	103	87	112	88	92	97	56
Россия	91	96	88	92	95	102	87	104	107	65
Таджикистан	82	96	97	84	91	100.2	106	103	112	73
Туркменистан	91	116	82	101	87	N.A	N.A	N.A	N.A	N.A
Узбекистан	94	101	93	102	94	106	104	106	102	102
Украина	92	102	84	96	91	98	90	93	110	61
В среднем по СНГ	93	98	86	93	95	101	90	102	106	68

* СНГ '99, стр.27,10 лет СНГ, стр.22, *AgroFood East Europe*, No.223(April 2001), pp.11-12.

Таблица 2. Индексы объема продукции сельского хозяйства по странам СНГ (в процентах к 1991 и 1988 гг.)*

	2000 к 1991	2000 к 1988
Азербайджан	64	58
Армения	112	81
Беларусь	75	71
Грузия	90	52
Казахстан	67	60
Кыргызстан	102	95
Молдова	56	46
Россия	65	61
Таджикистан	73	65
Узбекистан	102	103
Украина	61	53
В среднем по СНГ	68	58

* Народное хозяйство СССР в 1990 году, стр. 459, СНГ '97, стр.31, СНГ '99, стр.27,10 лет СНГ, стр.22, *AgroFood East Europe*, No.223(April 2001), pp.11-12.

**После 1997 г, данные Туркменистана отсутствуют.

Таблица 3. Объем продукции сельского хозяйства на душу (в процентах к 1991)*

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс объема продукции с. х	100	102	97	100.3	105	107	100.6	114	115	112
Численность занятых (тысяч)	389.0	487.1	522.2	504.3	551.9	586.0	566.6	567.8	562.4	566.7
На душу	100.0	81.5	72.3	77.4	74.0	71.0	69.1	78.1	79.5	76.9

* 10 лет СНГ, стр.22,202.

Таблица 4. Динамика производства основных продуктов сельского хозяйства(тысяч тонн)*

	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зерно	349	180	254	293	309	315	237	261	323	258	326	301	225
Картофель	207	266	213	275	322	414	417	428	423	360	440	414	290
Овощи	567	485	390	444	498	417	424	451	445	369	395	449	376
Плод и ягоды**	241	170	156	166	133	49	127	146	158	107	125	88	127
Виноград	214	119	144	191	142	135	212	155	159	108	106	115	116
Мясо(в убойном весе)	113	105	93	85	67	47	46	48	48	49	51	49	51
Молоко	566	491	432	412	395	398	415	428	431	435	458	456	452
Яйца, млн. шт.	618	561	518	485	252	189	191	198	192	191	219	326	385
Шерсть	4.0	3.3	2.8	2.4	2.1	2.1	1.7	1.5	1.4	1.3	1.3	1.3	1.3

* Страны-Члены СНГ, стр.139-142, 10 лет СНГ, стр.56,60,226.

** Без цитрусовых

Рецензия:

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 - 1922 гг. М., 2001. 528 с.

В последнее десятилетие в российской историографии по-новому освещались многие аспекты Октябрьской революции и гражданской войны, увидели свет многочисленные сборники документов, посвященные данным темам. (Напр.; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 - 1921 гг. («Антоновщина»). Тамбов, 1994; Шишкин В.В. Сибирская Вандея. Новосибирск, 1997; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ - НКВД. Т. 1. М., 1998; т. 1. М., 2000; т. 2. М., 2001; Крестьянское движение в Поволжье, 1919-1922. М., 2002) и др.). Вполне закономерно, что переосмысление истории Октябрьской революции и гражданской войны совпало с публикацией новых документов, глубоко и всесторонне характеризующих эти драматические события российской истории, в том числе крестьянские выступления в данный период. Как известно, ранее эти крестьянские выступления интерпретировались в советской историографии исключительно как контрреволюционные, и поэтому чтобы правильно оценить их значение и роль, необходимо было прежде всего восстановить их реальную картину (причины выступлений, состав их участников и руководителей, лозунги, формы и методы борьбы и пр.). В данном контексте публикация новых материалов о крестьянском движении позволила увидеть подлинное отношение крестьянства к власти и компартии, поскольку именно в ходе этих выступлений наиболее отчетливо выявилась крестьянская позиция. Это дало возможность исследователям несколько по иному оценить сущность установившейся в России большевистской власти.

Так, например, В.В. Шишкин указывает на то, что официальная советская

историография по сути дела замалчивала наличие массового и продолжительного вооруженного движения, существовавшего в РСФСР на протяжении всей гражданской войны и направленного против коммунистического режима. Возникновение вооруженного повстанчества в коммунистическом тылу объяснялось в советской исторической литературе главным образом политической неграмотностью трудящихся, их обманом и принуждением со стороны контрреволюционных сил, а также недовольством крестьянства продовольственной разверсткой, которая была правильной и вынужденной мерой. Антибольшевистское повстанчество трактовалось советскими историками в одних случаях как реставраторская белогвардейско-монархическая контрреволюция, в других – как эсеровская по политическому руководству и, преимущественно, кулацкая по своим движущим силам (Шишкин В.В. Указ. соч. с. 3 - 4.)

Но одновременно надо отметить, что публикация новых документов – это очень важная задача, но сама по себе она не исчерпывает исследовательских возможностей. Изображение реальной истории крестьянских восстаний остается прерогативой конкретных историков, занимающихся данной проблематикой. С этой точки зрения, большое значение имеет книга В.В. Кондрашина, посвященная крестьянскому движению в Поволжье в период «военного коммунизма». Значение этой книги состоит в следующем. Во-первых, раньше, хотя историки и упоминали о народном сопротивлении, но их интересы, как правило, сосредотачивались исключительно на наиболее известных восстаниях периода гражданской войны: «Антоновщине», Кронштадтском мятеже, «Махновщине». Они оказались достаточно всесторонне изучены российскими историками. Но в период «военного коммунизма» крестьянские выступления происходили и в других регионах, различающиеся по масштабу и содержанию, но схожие по форме протеста и лозунгам. В книге Кондрашина анализируются разнообразные крестьянские выступления в данный период в Поволжье – крупнейшем аграрном регионе РСФСР. Само собой разумеется, что исследование только вышеупомянутых восстаний не может дать исчерпывающего объяснения всех

обстоятельств и сущности крестьянского движения в деревне в период «военного коммунизма». Бесперывные вспышки крестьянских восстаний были обычным явлением в деревне в рассматриваемый период. Но без понимания их региональных особенностей нельзя глубоко и всесторонне исследовать проблему взаимоотношений крестьянства с властью в годы гражданской войны.

Второе, о чем необходимо сказать, обращаясь к рецензируемой книге. Исследуя проблему в рамках избранного региона, автор критически оценивает предшествующую историческую литературу по данной проблеме, работы русских, иностранных, советских и постсоветских историков. Он показывает нам, что ценная информация содержится даже в советской литературе, особенно местной. В то же время во введении, которое стоит прочитать с большим вниманием, анализируя источниковую базу предшествующих публикаций автор справедливо отмечает ее недостатки: голос крестьян звучит в данных источниках очень слабо, он заглушается ретивыми интерпретаторами, подбирающими нужные факты, вырывающими важные сюжеты из общего контекста события (с.119.). Мы солидарны с выводом автора, что для выяснения реальной ситуации в деревне необходим источниковедческий анализ – комплексное использование источников, их перепроверка другими источниками, прямо или косвенно связанными с рассматриваемым сюжетом (с. 209.).

Третье, в книге освещается крестьянское движение на основе широкого круга исторических источников, включающих материалы центральных и местных архивов. Следует указать, что В.В. Кондрашин принимал участие в составлении весьма интересного сборника документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ.т.1». Поэтому неудивительно, что он свободно владеет разнообразным массивом источников и воссоздает в книге реалистическую картину крестьянского мира в период антиправительственных выступлений.

В то же время, его книга подрывает ряд мифов советской историографии. Подобная работа всегда является не легким делом для исследователей и поэтому заслуживает особого внимания. Например, автору удалось пролить свет на действительное отношение крестьянства к белому движению и Комучу. Он не

отрицает «реакционности» этих антибольшевистских режимов и верно оценивает их с точки зрения крестьянской политики и позиции (напр. с.252.). Интересны сюжеты книги о слухах, антисемитизме (с.120, 128.) и других элементах, позволяющих лучше понять крестьянский мир. Они детально рассматриваются автором. Заслуживают внимание специалистов и его суждения о так называемых «сильных» и «слабых» в крестьянском движении, т.е. различных групп крестьянства.(Здесь я хочу сказать следующий;крестьянское движение детально рассматривается в книге , это «сильных», но как скажем неже, сюжет Военного коммунизма не представляется, это значит и «слабых».) По нашему мнению, эта книга – большой труд, в котором рассматриваются разнообразные аспекты взятой для исследования проблемы.

Большую часть книги занимает многосторонний анализ крестьянского движения в Поволжье: его причины (глава 1), количественные показатели (глава 2), лозунги и программные документы (глава 3), отношение к эсерам и белому движению (глава 7). Сюжетные линии основываются на подробном анализе главным образом материалов местных архивов. В результате этого анализа автором сделаны аргументированные и принципиальные выводы по ключевым аспектам темы. В частности, в главе 6-ой доказывається, что крестьянское движение в Поволжье не было «кулацким», о чем долгое время писалось в советской историографии. Автор опровергает этот миф и справедливо указывает на его общекрестьянский характер (с. 220). Например, данный вывод автор убедительно иллюстрирует событиями «Чапанной войны». Он решительно заявляет, что восстание было «чисто крестьянским», и участия эсеров в нем не отмечалось (с. 250). В главе 7-ой дано подробное описание (с детальной хронологией) действий большевистской власти по подавлению вооруженного крестьянского повстанчества в Поволжье, показано как решительно она ликвидировала его вспышки. В целом изложенный в книге материал убедительно и удачно характеризует многие обстоятельства крестьянского движения в Поволжье в период «военного коммунизма» и опровергает устоявшиеся мифы советской историографии.

Но все же, имеется ряд сомнений относительно отдельных моментов рецензируемой книги. Прежде всего, на наш взгляд, автору не хватает динамизма в описании изменений в деревне после революции. Он указывает, что для него представляет наибольший интерес концепция В.П. Данилова о Крестьянской революции, в хронологических рамках которой он и пытался анализировать проблему (с. 23). Однако, если он согласен с выводом Данилова о том, что 1902 г. явился особым рубежом в истории крестьянского движения в России (с. 59), то это значит, что крестьянское движение в 1902-1922 гг. было единым процессом, несмотря на резкие изменения крестьянского мира в течение мировой войны и революции. В этом подходе причины крестьянского движения логически сводятся к политике властей по разрушению моральной экономики и традиционных ценностей крестьянства, хотя анализируются и другие разнообразные причины. В этой связи возникают два сомнения; первое, допустим, что, как и в годы первой русской революции, общинная революция 1917 г. осуществлялась снизу с помощью механизма общины, но в процессе революции сама община изменилась (произошла ее демократизация, а затем и реакция). Эти перемены необходимо принять во внимание. Во-вторых, если даже в основе антагонизма между крестьянством и властью и был фактор моральной экономики против политической, этот антагонизм не всегда автоматически порождал крестьянское выступление. Поэтому при изучении проблемы следует выделять их непосредственные причины и историческую обстановку, в котором развивалось каждое событие. Скажем, автор заключил, что с 1918 г. крестьянское движение приобрело «оборонительный характер» (с.71). Но оно всегда было таковым, поскольку порождалось внешним фактором, но по мере подавления властью закономерно приобретало активный и наступательный характер. Характер крестьянского движения менялся не из-за его механизма как такового, а из-за подхода к нему власти.

На фоне подробного изображения крестьянских выступлений в регионе, на наш взгляд, автором недостаточно полно рассматриваются перемены в советской деревне, происшедшие после Октябрьской революции. В частности, автор

указывает, что объективной основой превращения крестьянского движения в крестьянскую войну стало катастрофическое ухудшение состояния крестьянского хозяйства (с. 93). К сожалению, нам не ясно, чем же война отличалась от движения? Что же изменилось или не изменилось в крестьянском мире после революции? Здесь необходима более развернутая аргументация автора. В этой связи, несмотря на то, что в книге правильно сказано, что крестьянское движение в Поволжье в рассматриваемый период явилось ответной реакцией на «военно-коммунистическую политику» Советского государства (с.117), эта политика, особенно продразвёрстка, не получили должного освещения на ее страницах, за исключением событий «Чапанной войны» и «Вилочного восстания».

В книге встречаются ряд опечаток (напр., не 1818, а 1918 (с. 251), не июня, а июля (с. 276), не с.182, 209, 202, 206, а с. 175, 183, 209, 194 (с. 513), не The Trotsky Papers. v. 1., а v. 2 (с. 526.), и проч.) И в нескольких местах повторяется одинаковые фразы (с. 83 и 295, с. 346 и 356.).

Эти мелкие недостатки не снижают ценность книги. Без воссоздания реальной картины крестьянского движения на основе широкого круга исторических источников, освобождения от прежних историографических мифов не возможно успешное исследование российской истории, особенно ее крестьянской составляющей. В этом смысле книга В.В. Кондрашина имеет положительное значение и является не только несомненным достижением постсоветской историографии, но и отправным пунктом дальнейшего изучения данной темы на региональном и общероссийском уровнях.